МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ ТЫЛА И ТРАНСПОРТА
Вольский военный институт тыла

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О ВОЙНЕ И АРМИИ: ОТ КИЕВСКОЙ РУСИ ДО XX ВЕКА

Вольск
Типография ВВИТ
2010

УДК 355.01
ББК 87.3(2)

О 82

ISBN 978-5-9999-0255-9

О 82 Отечественная философская мысль о войне и армии: от Киевской Руси до XX века. Военно-исторический труд / Т. А. Абдулмуталинова, С. А. Бровко, Г. М. Ганчар, Л. Ю. Горбунова, В. Я. Ефремов, В. И. Лубяной, С. В. Постников, А. Г. Радионенко, Р. Г. Хабибулин, И. А. Хациева, А. П. Шумаров. Под ред. генерал-майора М. М. Горбунова. – Вольск: ВВИТ, 2010. – 234 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Мировую историю невозможно представить без феномена войны. Возникнув одновременно с появлением самых первых примитивных родовых общин, войны не прекращаются и по сей день, причем из видимых нами пяти тысячелетий существования человеческого общества с большим трудом можно насчитать три сотни лет, свободных от крупных военных столкновений. При этом количество войн не уменьшается, а увеличивается. Об этом свидетельствуют достаточно известные цифры, приводимые автором книги «Социология войны» В. В. Серебрянниковым: «за пять тысяч лет мировой истории произошло около пятнадцати тысяч войн и военных конфликтов, но если в период с конца XIX века до начала первой мировой войны случалось в среднем два вооруженных конфликта в год, а за двадцать лет от первой до второй мировых войн уже четыре, то за время с 1945 до 1990 год интенсивность конфликтов увеличилась в среднем до 7,5–8, а с 1990 по 1997 год происходило по 33–37 вооруженных столкновений ежегодно! При этом невероятно вырос масштаб войн. Таких катастроф, как мировые войны XX века, история доселе не знала. Это были первые войны, направленные не только на уничтожение армий, но и на истребление целых народов. За минувший век все вооруженные конфликты, вместе взятые, унесли по разным подсчетам от 140 до 150 миллионов человеческих жизней, что в несколько раз больше, чем за всю предыдущую мировую историю!»[1]

Еще более характерны эти данные для Российского государства. Только за последние 500 лет Россия провела в войнах в общей сложности более 300 лет[2]. Если сравнить с другими государствами, то аналогичное положение в древности складывалось во многих из них. Например, из 375 лет истории Древней Греции война длилась 213 лет, из 876 лет существования Древнего Рима – 411 лет[3].

Несмотря на рост военной угрозы в наши дни, философия войны за последние годы не сделала практически никаких успехов. В объяснении и изучении вооруженных столкновений современно-

---

[1] *Серебрянников В. В.* Социология войны. – М., 1997.
[2] История военной стратегии России. – М.: Кучково поле, 2000. – С. 17.
[3] Военная Мысль. – 2008. – №11. – С. 20.

сти философы обращаются к теоретическому и методологическому наследию эпохи Просвещения, к «Трактату о вечном мире» И. Канта, к традициям концепций прав человека, к учению пацифизма и т. д. Несомненно также, что военная история, социология, психология, педагогика в наши дни развиваются достаточно успешно, но предельно широкий, именно философский взгляд на природу и логику развития войн сегодня встречается очень редко.

Война не только сложное социальное явление, но и чрезвычайно непростое нравственное явление. Является ли она абсолютным злом, или же ее последствия могут быть благими? Как разрешить основное нравственное противоречие войны, когда сталкиваются необходимость убивать с абсолютным моральным запретом убийства? Наконец, как совместить гуманистический пафос нашей эпохи с тем фактом, что войны продолжаются и становятся все более жестокими? Все эти нравственные проблемы должна решать этика войны – один из разделов прикладной этики. В нашей стране это направление исследований практически не развивается; мало популярно оно и на Западе. Однако его следует признать одним из актуальнейших, ибо, как отмечали многие мыслители, причина войн лежит не только в политических или социальных факторах, а, в первую очередь, в глубокой испорченности человеческой натуры, в эгоистических стремлениях людей, в потере нравственного измерения нашей жизни.

Но какой смысл вкладывается в понятия «этика войны»? Под ней мы будем понимать прикладную этическую дисциплину, целью которой является указание, насколько это возможно, единственно правильного поведения человека и общества в целом на войне и во время войны. При этом совершенно неверно смешивать прикладную этику войны с профессиональной воинской этикой. Последняя устанавливает нормы отношения военнослужащих между собой и к своим обязанностям, определяет кодексы офицерской и солдатской чести. Но она не отвечает на важнейшие вопросы, которые можно обозначить как «основные нравственные проблемы войны» и которые являются компетенцией прикладной этики войны. Среди них:

1) может ли быть война признана справедливой (праведной, нравственной, священной) и при каких условиях?

2) каковы должны быть средства ведения справедливой войны?

3) какими нравственными качествами должен обладать воин?

4) каков нравственный смысл существования войска вообще?

Вместе с этими основными проблемами должно быть разрешено и главное моральное противоречие войны: при каких условиях человек имеет нравственное право и даже нравственную обязанность убить другого человека?

Можно сформулировать эту же дилемму и более широко: при каких условиях на войне будет нравственно оправдано применение насилия одним человеком против другого? Данное моральное противоречие, как не трудно заметить, разрешается только после решения основных проблем этики войны. Она, несомненно, включает и другие важные проблемы. Например, как следует относиться на войне к неприятелю, к раненым, к гражданскому населению, насколько допустимо применять на войне хитрость?

Но все эти проблемы не выходят за рамки четырех главных; в данном случае, перечисленные нами вопросы несомненно входят в общую проблему средств ведения боевых действий.

Тысячелетняя история России, как и летопись всего мира, есть в значительной степени история войн и военных походов. Мир для нашей страны, в силу ее геополитического расположения, всегда был почти неосуществимой мечтой, а в XX веке не было ни одной страны мира, которая воевала бы столь часто. Таким образом, сама жизнь доказывает актуальность рассмотрения военного опыта России. Этот опыт уникален: за более чем тысячу лет наша страна испытала множество военных ударов, но смогла отстоять независимость и значительную часть своих территорий.

Глава 1

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XVI ВЕКА

Военные знания в России возникли и развивались одновременно с образованием и развитием русской государственности и были адекватным ответом на многочисленные военные угрозы, нашествия и войны. Исторически сложилось так, что славянские земли оказались на магистральных путях великого переселения народов, а затем стали рубежом столкновения западной и восточной цивилизаций. Жизнестойкость новых государственных образований во многом зависела от способности населения отражать вооруженные нападения, а от вождей, князей, государей – умело руководить войском. К примеру, талантливый государственный деятель и полководец киевский князь Владимир Мономах (1113–1125) в «Поучении», оставленном детям, писал, что всех походов моих было восемьдесят и три великих, а других маловажных не упомню[4].

Становление военной школы России, безусловно, нельзя рассматривать изолированно от общего процесса развития военного искусства в мире. В то же время отечественная военная школа изначально отличалась своей ***национальной самобытностью.*** Каждый из киевских князей, будь то Олег, Святослав, Владимир, Ярослав, Владимир Мономах, привносил нечто, новое в военное искусство. Военные действия, проводимые под их руководством, на начальной стадии протекали, как правило, в виде коротких схваток, но нередко принимали форму длительных и ожесточенных сражений.

Сначала они отражали борьбу с Византией, Хазарским каганатом, кочевыми племенами, а позже противодействие татаро-монгольским ордам и захватническим военным походам западных стран (Литвы, Польши, Пруссии, Швеции). Так, Киевское и моло-

[4] Цитируется по: *Орлов А. С.* Владимир Мономах. – М., 1946. – С. 128.

дые русские удельные княжества южных регионов Русской земли постоянно испытывали реальную угрозу военного нашествия с юга – из Причерноморья и Дона. Достаточно полно и весьма ярко та эпоха нашла отражение, например, в литературном памятнике «Слово о полку Игореве» (XII в.) «С кем воевать, того надо знать» – руководствуясь этим всеобщим принципом, русичи были вынуждены приспосабливать свою военную организацию и военное искусство к борьбе с разными противниками.

В период феодальной раздробленности (XII–XIV вв.) удельные самостоятельные княжества, оказавшиеся к тому же под гнетом монголо-татарских завоевателей, утратили ранее достигнутое в военном деле. Добиваясь лишь собственного возвышения, правители отдельных княжеств беспокоились прежде всего о своих сугубо личных, региональных интересах, не заботясь о национальных, общерусских проблемах, в частности, выживании и безопасности. И не случайно следовали одно за другим военные поражения русских войск на западе и востоке. Отдельные победы (например, в Ледовом побоище 1242 г. под руководством князя Александра Невского) не могли до поры до времени радикально изменить сложившееся приниженное положение русских земель. Но и в этих условиях военные знания накапливались. Обобщался опыт борьбы русского войска, в котором важную роль играли пешие ополченцы, формировались национальная стратегия и тактика борьбы с иноземными войсками.

Историческую миссию собирания разрозненных русских земель в единое государственное образование взяла на себя Москва (Московское княжество), используя для этого и военную силу. Московское княжество закономерно стало ведущим, организующим центром и духовной основой новой государственности. Хотя оно еще довольно продолжительное время оставалось в большой зависимости от монголо-татарских ханств, уже к XVI в. у московских великих князей появились значительные экономические, материальные и военные возможности. Убедительная победа войск Дмитрия Донского над грозным противником – войском Золотой Орды в битве на Куликовом поле в 1380 г. означала, что Русская земля уже способна надежно обеспечивать свои национальные интересы.

Первые попытки обобщить накопленный боевой опыт на Руси были предприняты в XV веке. На основе описаний летописцев,

личных наблюдений и находок историков, замыслов и действий военачальников вырабатывались постулаты, в основе которых лежала способность человека продвигаться к новым ступеням военного познания. Путь зарождения военной школы пролегал от интуитивных поисков к созданию научного фундамента. Ее становление происходило не обособленно, а в общей системе других наук – общественных, экономических, социальных, в том числе точных наук – математики, физики, химии, астрономии. Данную особенность развития военного дела наиболее удачно подметил Петр Великий. Именно при нем было уделено особое внимание развитию инженерного, артиллерийского, военно-морского дела, а также военной истории. Помимо работ, посвященных описанию войн, стали появляться

Эпоха становления единого централизованного русского государства была отмечена не просто накапливанием военных знаний, но и развитием военной мысли. Хотя тогда не существовало еще целостной теоретической системы военных знаний, но научные представления о войне, армии, военном искусстве, факторах победы в войне уже были. Подтверждением этому могут служить военные победы Великого Московского княжества в многочисленных войнах и военных походах.

На Руси того времени появились военные мыслители, во многом опередившие западных военных теоретиков по основным направлениям познания войны и военного дела. Следует упомянуть, например, писателя-публициста И. С. Пересветова (нач. – сер. XVI в.), который в середине XVI в. разработал программу военной реформы в Московском государстве. Крупный русский дипломат, военачальник и военный теоретик А. Л. Ордин-Нащокин (ок. 1615–1680) выдвинул ряд смелых идей по переустройству Русского государства и его военной организации, опираясь на отечественный военный опыт и критически осмысленный опыт передовых стран Западной Европы. Хорошо известны крупные военные программы В. В. Голицына (1643–1714), часть из которых удалось реализовать на практике.

Сложившееся к началу XVI в. единое национальное Русское государство представляло собой достаточно мощную в военно-экономическом отношении европейскую державу. Этому способствовали и государственные преобразования, в том числе военная реформа царя Ивана IV (Грозного, 1530–1584). В XVI в. русские вос-

приняли все лучшее из прошлого военного опыта и активно использовали военную силу для обеспечения национальных интересов и безопасности страны. В многочисленных сражениях с врагами на западе (Ливония), на юге (Крымское ханство) и на востоке (Казанское ханство) накапливался и обогащался военный опыт россиян. На его основе русская военная мысль смогла выдвинуть рациональные для своего времени формы организации армии – поместная система, стрелецкое войско.

Особое место в общественной мысли того времени занимает проблема гуманизма. Эволюция гуманистической традиции в отечественной социально-философской мысли заслуживает особого внимания. Говорить о всестороннем влиянии итальянского гуманизма на русскую культуру подобно тому, как это происходило с конца XV в. и на протяжении XVI в. в странах Западной и Центральной Европы, видимо, не приходится. Хотя в это время на Руси были хорошо известны некоторые произведения итальянских гуманистов, все-таки можно считать, что изначально гуманистическая идея в отечественной социальной мысли развивалась относительно самостоятельно. Попытаемся это проследить на основе литературных источников. Но сначала сделаем небольшой экскурс в русско-итальянские связи. Еще в начале XX в. И. И. Квачала, исследователь творчества Т. Кампанеллы, обратил внимание на его послание великому князю Ивану IV, так и не дошедшее до адресата, в котором он излагал характерные для католицизма теократические идеи. В частности, юный мыслитель утверждал, что возможно создание мирового государства под эгидой папы римского и безуспешно попытался убедить в этом Ивана IV, указывая на опасность ислама. Он же пытался убедить царя привести русское государство к «лучшей культуре», аргументируя это ссылками на Платона, Пифагора и Вергилия[5]. Можно предположить, что это послание Кампанелла сочинил в начале своего творческого пути[6]. В 1602 г., находясь в испанской тюрьме, Кампанелла пишет «Город Солнца», где формирует новое вероучение – тот самый «новый закон, кото-

---

[5] См.: *Квачала И. И.* Послание Ф. Кампанеллы к великому князю московскому. – Юрьев, 1905. – С. 13–15; *он же.* Фома Кампанелла / Журнал Министерства народного просвещения. – 1906. – № 10; – 1907. – №№ 1, 5. Цит. по: *Кефели И. Ф.* Гуманистические традиции отечественной социально-философской мысли // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 5. – С. 78.

[6] Т. Кампанелла родился в 1568 г., а Иван IV умер в 1584 г.

рый будет лучше закона христиан». Этот «новый закон», по которому, как полагает Кампанелла, люди станут жить в будущем идеальном государстве, все подчинит закону природы. Причем «новый закон» – это новое, истинное вероучение, которое Кампанелла прямо противопоставляет католицизму.

Как известно, русская гуманистическая мысль формировалась под мощным влиянием восточной ветви христианства, которая зародилась в Константинополе. Так что несостоявшийся диалог между Кампанеллой и Иваном IV не мог бы иметь какого-либо успеха. К тому же отец Ивана IV, великий князь Василий III (1479–1533) находился под влиянием послания к нему старца Филофея Псковского (XVI в.), относящегося к 1510 г. Это послание составило суть теории «Москва – третий Рим», которая в интерпретации Е. Ф. Шмурло выглядит следующим образом: «Церковь старого Рима пала от Аполлинариевой ереси; церкви Второго Рима, Константинополя, рассечены секирами неверных и агарян; Московская же церковь – церковь Третьего, нового Рима, светится во всей поднебесной паче солнца. И ведай, благочестивый царь, один ты во всей поднебесной именуешься святым и благочестивым царем... первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому совсем не бывать, так как надобности в нем не будет: два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»[27].

Итак, эволюцию гуманистических традиций следует рассматривать в русле византийского влияния на русскую культуру, учитывая, разумеется, самобытность последней. Действительно, русское церковное сознание рассматриваемого периода достаточно четко выразил Иван IV в обращении к папскому легату: «наша вера христианская, а не греческая». Упомянувший эти слова В. В. Зеньковский обращал внимание на то, что греческий язык стал на Руси богослужебным языком, что обусловило языковую изолированность русского мира. «Политическая идеология в XVI и XVII веках, – отмечал Зеньковский, – всецело создавалась именно церковными кругами... во имя освященности исторического бытия. Поспешное усвоение священного смысла церковной власти, вся эта удивительная «поэма» о «Москве – Третьем Риме» – все это цветы утопизма в плане теократическом, все это росло из страстной жажды приблизиться к воплощению Царства Божия на земле. Это был удивитель-

[7] *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории. Русь и Литва. – СПб., 1999. – С. 165.

ный миф, выраставший из потребности сочетать небесное и земное, божественное и человеческое в конкретной реальности»[8].

Таким образом, проблема соотношения мира в целом и мира для России тщательно прорабатывалась уже в средневековой русской философии.

Термин «воинская, или ратная, наука» возник в Русском государстве в начале XVII в. Его содержанием на первых порах была совокупность уже довольно многообразных для того времени прикладных (военно-технических) знаний. Формой изложения этой «науки» являлись уставы, другие государственные документы, в которых в виде «указов и статей» сообщались различные сведения, правила и рекомендации по большому кругу вопросов военного дела.

Одним из первых, если не первым, такого рода уставом, отражавшим уровень развития отечественной военно-теоретической мысли начала XVII в., являлся рукописный «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки...», разработанный в 1607–1621 гг. по распоряжению царя В. И. Шуйского (1552–1612) дьяком Посольского приказа Онисимом Михайловым (Родишевским). Автор – высокообразованный для своего времени человек, внимательно изучив организационную и боевую практику русского войска, военно-историческую и иностранную военную литературу, сумел обобщить в своем труде имевшийся не только национальный, но и западноевропейский опыт военного дела. Создание этого труда имело целью, как указывалось во введении, обеспечить «крепкое ратное строение», т. е. укрепление боеспособности войск Российского государства. В нем излагались права и обязанности начальствующих лиц русской рати исходя из ее устройства, предлагались некоторые административные улучшения; содержались рекомендации по организации похода и расположения войск на отдых, службы охранения и разведки, осады и обороны крепостей; давались указания по подготовке и ведению боя, обучению и воспитанию служилых людей и др. Больше всего в Уставе уделялось внимания артиллерии (наряду) и ручному огнестрельному оружию, их изготовлению и тактически грамотному применению во всех видах боевой деятельности (из 663 его статей вопросам «пушкар-

[8] *Зеньковский В. В.* История русской философии. В 2 т. – Л.,1991. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 34, 41.

ского» дела отведено более 500). В связи с этим можно утверждать, что по своему содержанию этот труд является также первым русским артиллерийским уставом.

Заметным шагом вперед в развитии военной теории стало издание в 1647 г. в Москве по указу царя Алексея Михайловича (1629–1676) первой русской печатной военной книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Она получила силу официального руководства для появившихся в русском войске в 30-х гг. XVII столетия так называемых полков нового, или иноземного, строя. Неизвестный автор задумал «объявить богатую ратную мудрость», которая «опречь богословие, паче и превыше всех иных мудростей». Эта «мудрость», т. е. воинская наука, помогает войску «легкими трудами себе великую прибыль, а недругу большую поруху учинити»; она учит, «как добро воевати». В «Учении и хитрости...» резко критиковались противники «ратной науки» (эти люди названы в предисловии «глупыми ослятами»), утверждалось, что «добро воевати», т. е. добиваться победы в войне, возможно лишь при регулярном обучении военному делу в мирное время. В труде впервые делалась попытка дать характеристику войн и определить отношение к ним. «То слово война общее есть слово, и имеет в себе различные статьи, и разделяются в различные войны, как есть межусобная война в своей земле, и как есть явные войны, которые войны из (за) земли или за землю бывают». При этом «межусобные» войны, когда все, что создано «во многие лета великими трудами», подвергается разрушению, осуждались, а «явные», т. е. «прямые», или «справедливые», когда «один государь от другого идет свою землю осилити и отнятии», признавались законными. Таковыми же признавались и войны, которые велись против нехристиан – турок, татар, варварских людей, а также против любых захватчиков.

Автор труда решительно осуждал наемничество, вскрывал пороки западноевропейских армий, в которых солдаты готовы и «дьяволу из-за денег служить»[9].

В XVII в. появились также некоторые элементы русской военно-морской науки. Так, на первом построенном в России в 1668 г. военном корабле «Орел» были составлены для экипажа 34 «статьи

[9] См.: Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1755 (1647 г.) – СПб, 1904.

артикульные», или «Письма корабельного строя», в которых излагались основные правила корабельной службы, в том числе и в боевой обстановке. Содержавшиеся в этих «Письмах...» теоретические положения легли затем в основу военно-морского устава Петра I (1672–1725).

Таким образом, XVII в. стал периодом накопления организационного и боевого опыта, ознакомления с военной теорией и практикой западноевропейских государств, появления в стране новых элементов военной системы, временем зарождения военной науки. Предпосылки последней возникли из потребности обучать и воспитывать русских ратных людей все более усложнявшейся в то время технике военного дела. С учетом существовавшей уже и тогда преемственности в его развитии эти предпосылки имели большую ценность для последующей эволюции военно-теоретической мысли, формирования ее в относительно самостоятельную область научных знаний.

XVII в. был также ознаменован крупными успехами в строительстве Российского государства. Его национальные интересы уже перешагнули прежние традиционные географические границы Русской земли. Великодержавная политика Москвы решала практические задачи обеспечения выходов в Балтийское и Азовское моря, освоения просторов к востоку от Урала. Наряду с прежними врагами (Крымское ханство, Турция) России пришлось скрестить мечи на западе со Швецией и с Польшей (Речью Посполитой). Естественно, в приобретаемом военном опыте стали появляться новые элементы, обусловившие формирование суммы новых идей и концепций. Они получили свое развитие в эпоху Петра I.

К концу XVII в. Россия представляла собой крупнейшее по территории многонациональное государственное образование, превосходившее по своим человеческим ресурсам и военно-экономическому потенциалу все другие отдельно взятые европейские государства.

Глава 2

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В КУЛЬТУРЕ И ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: С XVI ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

2.1. Военная наука в России в Новое время

Формирование, становление и развитие военной мысли, как и практики военного дела, шло в России во многом особым, самобытным путем с критическим учетом мирового, прежде всего западноевропейского, опыта, когда русскому народу приходилось вести частые войны за свободу и независимость своей страны, за достижение и в защиту ее национальных интересов. Процесс этот не всегда был поступательным: в нем имели место и взлеты, и движение вспять, возврат к устаревшим теориям, и застойные, кризисные явления. Закономерность такого сложного и противоречивого характера процесса объясняется тем, что протекал он вместе с реальным развитием Российского государства, с присущими ему общественными отношениями, отражая все его противоречия.

Исторический промежуток от завершения XVII – до начала XX в. занимает в истории становления и укрепления российской государственности особое место. В этот период Россия прошла поистине гигантский путь развития. Из периферийного, еще не полностью преодолевшего последствия Смутного времени, отсталого в экономическом и культурном развитии, относительно слабого в военном отношении патриархального государства – Московской Руси – она уже в первой четверти XVIII столетия трудами Петра I и его сподвижников, ценою колоссального напряжения всех материальных и духовных сил населяющих страну народов, прежде всего русского, превратилась в могущественную, европеизированную державу – Российскую империю, занявшую к концу века (после некоторого упадка в 1730–1740-е гг.) доминирующее положение на международной арене. Без ее участия отныне не решался ни один сколько-нибудь важный вопрос мировой политики.

Под влиянием опыта многочисленных войн, которые вела

в рассматриваемый период Россия, совершенствовались и укреплялись ее вооруженные силы, развивалось национальное военное искусство, проходила стадию формирования военная наука.

В XVIII в. военно-теоретическая мысль переживала в России бурное развитие. Именно в этот период стремительно прогрессирующая страна выдвинула целый ряд талантливых полководцев и флотоводцев – Петра I, П. А. Румянцева (1725–1796), А. В. Суворова (1730–1800), Ф. Ф. Ушакова (1745–1817) и других, не только прославивших русское оружие в войнах и сражениях, но и внесших много нового, оригинального в развитие теории военного искусства, формирование военной науки.

Подлинным преобразователем не только военного дела, но и всех без исключения сторон жизнедеятельности Русского государства являлся Петр I, в котором удачно совмещались крупный государственный деятель, политик и дипломат, выдающийся организатор, талантливый полководец и даже флотоводец, военный мыслитель. С его именем и делами связано создание во второй половине XVII в. мощной, боеспособной регулярной армии и флота на базе самой прогрессивной в тот период рекрутской системы комплектования, а также выработка основ отечественного военного искусства. В силу сложившихся внешнеполитических обстоятельств именно созданные Петром I армия и флот стали решающим фактором обеспечения национальной независимости страны, гарантом достижения ею своих насущных жизненных интересов, условием дальнейшего социально-политического развития, повышения и укрепления международного престижа России. Петр I был выдающимся военным теоретиком – автором и редактором ряда уставов, военно-теоретических и исторических трудов, наставлений и инструкций, других военных сочинений[10], в которых он ярко и сжато, доходчивым языком изложил свои взгляды на подготовку государства к войне, строительство вооруженных сил, руководство ими, обучение и воспитание войск, способы ведения военных действий, роль инженерного искусства, в частности крепостей, в обеспечении обороны страны, организацию взаимодействия армии и флота и др., которые существенно отличались от западноевропейских аналогов.

---

[10] Инструкция Брюсу. – СПб, 1706; Учреждение к бою по настоящему времени. – СПб, 1708; Правила сражения. – СПб, 1708; Книга Марсова или воинских дел... – СПб, 1713; Устав воинский. – СПб, 1716; Устав морской... – СПб, 1720; Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи... – СПб, 1722 и др.

Для большинства этих военно-теоретических работ Петра I, являвшихся по сути обобщением богатого опыта Северной войны 1700–1721 гг., были свойственны широта постановки проблем, обстоятельность и глубина их раскрытия, многосторонность. Многие петровские уставы и наставления действовали в русской армии и на флоте на протяжении всего XVIII в. и даже позже.

Значение военных уставов Петра I нельзя не переоценить.

Самым первым русским уставом стала книга «Учение…», напечатанная по указу царя Алексея Михайловича в 1647 г. Она содержала практические сведения о походных и боевых порядках иностранных армий, общепринятых военных приемах, организации службы в мирное и военное время, устройстве лагерей и укреплений. Однако строевые приемы, предписываемые «Учением…», были слишком сложны и нуждались в упрощении. Другой причиной для пересмотра устава стало то, что начало реформы русской армии Петром совпало с появлением в европейских армиях нового типа огнестрельного оружия. Все это сделало устав 1647 г. непригодным для армии Петра и потребовало разработки новых норм.

Первым среди новых уставов стало строевое Положение 1699 г., впервые примененное весной этого года при обучении будущих офицеров и солдат вновь сформированных полков. В следующем году на его основе был разработан текст «Краткого обыкновенного учения», ставшего строевым уставом русской пехоты.

Значение его состоит в том, что в нем были сформулированы нормы обучения пехотинцев применению нового холодного и огнестрельного оружия. При этом ружейные приемы были просты в выполнении и придавалось большое значение обучению рукопашному бою. Последнее было новшеством, так как в Европе основное значение придавалось залповому (а потому неприцельному) ружейному огню, а новое вооружение, багинет считался защитным оружием.

«Краткое положение о учении конного драгунского строя» стало первым уставом для регулярной русской кавалерии, создававшейся на рубеже 1700–1701 гг. Оно выполняло для конницы те же задачи, что и «Краткое обыкновенное учение» для пехоты: приучить войска к необходимым перестроениям и правилам боевой стрельбы в линейном боевом порядке. Многие приемы обоих уставов аналогичны друг другу, так как драгуны обучались и бою в пешем строю.

Петровское «Учреждение к бою в настоящем времени» 1708 г. представляет собой общую инструкцию для всех видов войск и легла в основу «Устава Воинского» 1716 г. Она содержит в себе систему обучения войск, обязанности офицеров в бою, указания по построению боевых порядков и ведению боя. «Учреждение к бою» стало основой боевого воспитания и подготовки войск к Полтавскому сражению.

Необходимой составляющей военного законодательства регулярной армии явился дисциплинарный устав петровской армии – «Артикул» 1714 г. Разработанный с использованием западноевропейского военного законодательства он во многом послужил основой для разработки некоторых аспектов общего законодательства в России.

Уставы, разработанные под руководством Петра Великого, оставались основными руководящими документами русской армии до 50-х годов XVII века. В 1755 г. был принят новый устав, написанный Шуваловым, и заменивший петровский устав во всем касавшемся обучения и тактики войск. Основное значение в бою он отводил артиллерии, и от пехоты требовалось главным образом – и в первую очередь – производство огня. После вступления на престол Екатерины II был издан в 1763 году новый полевой устав, составленный президентом Военной коллегии Чернышевым и мало отличавшийся от предыдущего. Оба они из-за сложности и неудобства фактически не применялись и основные реформы в русской армии того времени связаны с именем П. А. Румянцева-Задунайского.

В середине столетия внимание российских военных деятелей в значительной степени было сосредоточено на общих вопросах теории и истории военного дела. Об этом свидетельствует, в частности, поданная в 1761 г. генерал-фельдмаршалом П. И. Шуваловым (1710–1762) в Сенат записка «О военной науке». Она включала вводную часть, в которой автор изложил свои взгляды на войну, армию и военное дело в их историческом развитии. Шувалов полагал, что война свойственна человеческой природе и существует с тех пор, как существуют люди, что она является движущей силой общественного развития, источником укрепления могущества народов, «возвеличивания государства». Отсюда им делался вывод о необходимости иметь в России сильную регулярную армию, которая бы постоянно совершенствовалась в «экзерцициях» и была

способна надежно защищать ее интересы.

Пожалуй, одним из первых в истории Отечества П. И. Шувалов высказал мысль о важности военной теории, посредством разработки которой, как он считал, можно возвысить военное искусство, все военное дело до уровня науки. Им также был впервые поставлен вопрос о желательности создать в России высшую военную школу – Академию военных наук.

Общепризнанным военным авторитетом в 60–70-е гг. XVIII в. пользовался генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев. Он являлся не только выдающимся полководцем своего времени, но и крупнейшим военным теоретиком. Перу Румянцева принадлежат многие работы, прежде всего «Обряд службы» (1770–1772), принятый в качестве общеармейского устава, и «Мысли» (1777)[11] – докладная записка Екатерине II об организации армии.

При всеобъемлющем уме, Румянцев отличался цельностью характера, с которой сочеталась редкая гуманность. Глубокий мыслитель, смотревший всегда и раньше всего «в корень» дела, он понимал самобытность России и все различие между русской и западноевропейской военными системами – различие, вытекающее из этой самобытности. Румянцев был первым военным деятелем после Петра Великого, посмотревшим на военное дело с точки зрения государственной, без одностороннего увлечения специалиста.

Несовершенство имевшихся уставов вынуждало блестящего командира и новатора в военном деле разрабатывать собственные инструкции и правила для подчиненных ему войск. Назначенный командующим армией, по Румянцев собрал в 1770 году свои указания в «Обряд службы», применявшийся в качестве устава в его войсках. После окончания войны этот свод правил был утвержден в качестве строевого и боевого устава екатерининской армии.

В полевом управлении войск Румянцевым проводится разумная децентрализация, частная инициатива, отдача не буквальных приказаний, а директив, позволяющих осуществить эту инициативу. Он отнюдь «не входит в подробности, ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности и не связывает рук…»[12]

[11] Полное название трактата – «Мысли генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского о состоянии армии, об устройстве войск, о содержании их, о построении крепостей, арсеналов, магазинов, о заведении военных школ, о дисциплине и военной полиции, комиссариатах и пр.»

Требуя от подчиненных точного знания устава, Румянцев прежде всего добивался с их стороны дела и работы. «В армии полки хороши будут от полковников, а не от уставов, как бы быть им должно»[13].

Большой интерес представляет его докладная записка Екатерине II об организации армии 1777 г., охватывающая все связанные с этим вопросы.

«Часть воинская удельно от других, с одного почти времени, по некоторым предположениям в Европе, всем державам сделалась необходимо надобною; – пишет в «Записке» Румянцев, – но по неравенству физического и морального положения не могли они ни в количестве ни качестве быть одна другой подобны, и познав от сего воинского удела другим частям в государствах тягость, употребляют они ныне все средства и способы к лутчей связи оных между собою, в чем одна известная далече и далее всех иных к большей своей пользе преуспела. Мы кольми паче по своей великой обширности, разнообразному и большею частью дикому соседству, и в самых обывателях разноверию и равноправию меньше всех сходствуя с другими, должны наблюдать, чтобы по мере пользы и выгод наших распространяться и в приличном только иным подражать, а сразмерно способам и доходам своим ополчаться, и весьма уважать их источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей и деньги, чтобы несоразмерными и бесповоротными взиманиями оный не оскудить, и браться за средства такие, чтобы к поре грозящей и запас в деньгах иметь и силы наши не чувствительно для самих умножать мы могли»[14].

Военно-теоретические работы Румянцева по-новому ставили ряд важнейших вопросов и являлись определенным этапом в военной теории, предшествовавшим суворовской «Науке побеждать». Незаурядный мыслитель, смотревший всегда в «корень» дела, фельдмаршал хорошо понимал самобытность России. Он выдвинул обширную программу переустройства ее вооруженных сил, считал, что государство Российское должно иметь свою, отличную от за-

[12] Русская военная мысль, XVIII век: Сб. / Сост. В. Гончаров. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 98.

[13] Там же.

[14] Цит. по: *Румянцев П. А.* Документы. – М., 1953.

падноевропейской, основанную на национальном опыте военную организацию. Румянцев требовал строить армейский организм с учетом исторических и географических условий страны, предлагал ввести усовершенствования в существующую систему комплектования и обучения войск. Так, в своем «Обряде службы» фельдмаршал рассматривает практически все стороны жизни современной ему армии. Его размышления «О марше армии и что при оном наблюдать» предусматривают: «Когда армии, которым крылом, бата-лионами, дивизионами, взводами или рядами маршировать и обозу впереди, позади, или стороннею дорогою – всегда в день пред выступлением при пароле приказано будет»; «Гранодерские, мушкатерские и конные роты делить всегда пополам, что учинит в баталионе 8, а в полку 16, а в кавалерийских шквадронах по 4 взвода, равняя число людей во оных по полку»; «Когда марш будет в колоннах, то наблюдать между оными равенство и одной пред другой не выходить вперед»; «В баталионах, дивизионах и взводах наблюдать всегда ту линию, по которой первой марширует, дабы по востребованию могли поспешно и порядочно фронт свой построить»; «Надобно рядовым в телесных своих нуждах пред выступлением из лагеря исправлятца и чтоб иногда видом сим ленивые или к отлучкам случая ищущие не пользовались»; «Когда полки отдыхать станут и люди похотят за водою иттить, и будет вода не в том месте»[15].

Особое внимание Румянцев уделяет в «Обряде службы» вопросам организации тыла. В части «О обозах и что во время марша генерал-вагенмейстеру наблюдать» он отмечает: «В марше обозу итти по нижеследующему порядку и имянно: 1) дивизионных командиров по их рангам; 2) бригадных командиров; 3) полковых штабов; 4) обер-офицеров; 5) артельных; 6) лазаретам; 7) маркитенте-рам; 8) провиантским, где наблюдать, чтоб всегда по порядку в бригадах и полках своих шли и один другого не выпережал, а особливо на плотинах и мостах, чрез что большее помешательство и медленность делаются»[16]. В части «О лазаретах» фельдмаршал высказывает особую обеспокоенность «о покое и выгодах которых обязаны все чины вообще иметь радение»[17]. Рассуждая «О фуражи-

[15] Русская военная мысль, XVIII век: Сб. / Сост. В. Гончаров. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 118–121.
[16] Там же. – С. 122.
[17] Там же. – С. 134.

ровании, каким образом и с какими осторожностьми оное производить», он говорит о строгом учете и контроле за расходованием продуктов, четкой организации работы фуражиров[18].

Общее управление армией и флотом Румянцев рекомендовал осуществлять через «Главное воинских дел правительство», которое должно было иметь статус Верховного воинского совета. Совет, по его мнению, следовало подчинить непосредственно главе государства (самодержцу) и определить в качестве высшего органа руководства вооруженными силами страны. Однако фельдмаршал не считал возможным, чтобы этот орган в военное время вмешивался в действия главнокомандующего на театре войны.

Румянцев не отрицал связи между политикой и стратегией, отдавая первой ведущую роль. Однако он справедливо полагал, что стратегия помимо политики должна исходить из учета сил и средств, имеющихся у государства. По мнению фельдмаршала, военная мощь той или иной страны зависит от состояния ее экономики, а благосостояние армии – от благосостояния народа. В связи с этим Румянцев предлагал соблюдать соразмерность военных расходов с другими потребностями государства. Рекомендуя «соразмерно способам и доходам ополчаться», он считал необходимым «весьма уважать их источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей, и деньги»[19].

Взгляд фельдмаршала на ведение войны основывался на наступательных действиях, на признании решительного полевого сражения важнейшим средством в достижении победы. Румянцев всегда стремился к разгрому живой силы противника, поскольку именно она, как он считал, является главным стратегическим объектом, от сокрушения которого зависит исход войны. Решительный удар по врагу должен был, по мнению полководца, наноситься сосредоточенными силами. Не разбрасывать войска, а держать их по возможности совокупно – вот важнейший стратегический принцип, который проповедовал Румянцев, противопоставляя его так называемой кордонной стратегии, широко применявшейся армиями европейских стран и насаждавшейся в России Б. К. Минихом (1683–

[18] См.: там же. – С. 136–138.
[19] Фельдмаршал Румянцев: Сборник документов и материалов. – М., 1947. – С. 68.

1767).

Румянцев требовал, чтобы наступление сопровождалось закреплением захваченной территории. В случаях, когда нет возможности действовать против неприятеля «прямым наступлением», он рекомендовал прибегать (и сам неоднократно делал это на практике) к различным формам изматывания противника, в частности к маневрированию с целью нападения на его коммуникации.

П. А. Румянцев высоко ценил русского солдата и придавал первостепенное значение воспитанию в нем чувства воинского долга. В основу воспитательного процесса он закладывал моральные начала – нравственный элемент, причем отделял воспитание, моральную подготовку от обучения. Свою систему воспитания и обучения фельдмаршал строил прежде всего на сознательном отношении к этим процессам, требовал подчинять обучение войск условиям войны, уделял в своих работах большое внимание выработке мер по повышению подвижности армии, достижению стандартизации вооружения, совершенствованию организации взаимодействия родов войск (оружия).

Ярчайшим представителем складывавшейся в XVIII в. русской военной школы был великий русский полководец генералиссимус А. В. Суворов, не только обладавший несгибаемой волей и титанической силой характера, но и отличавшийся выдающимся умом и большой эрудицией. Создатель «Науки побеждать»[20] (1795–1796) – этого самого выдающегося произведения русской и мировой военно-теоретической мысли XVIII столетия, считал себя учеником Петра Великого и фельдмаршала П. А. Румянцева.

Суворов хорошо понимал значение подлинной военной теории (науки), которую рассматривал как систематизированное изложение начал и правил, вытекающих из боевой практики, признавал наличие объективных факторов, определяющих практическую военную деятельность. Их изучение и составляло, по его мнению, главную задачу военной науки. Являясь непримиримым противником догматизма, Суворов, обобщив и проанализировав боевой опыт русской армии, обогатил все области военного дела новыми

[20] Под указанным наименованием работа А. В. Суворова впервые издана в 1806 г. До этого она была известна в армии как Суворовский устав, распространявшийся в рукописных вариантах. Отдельные, дошедшие до нашего времени его экземпляры хранятся в РГВИА и носят название «Вахт-парад». См.: *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению истории русского военного искусства. – М., 1954. – С. 114.

выводами и положениями, разработал и применил на практике наиболее совершенные для своего времени формы и способы вооруженной борьбы. В его «Науке побеждать», в многочисленных инструкциях, правилах, наставлениях и приказах нашли воплощение черты нарождавшихся передовой стратегии и соответствовавшей ей тактики, приходивших на смену застывшим схемам военного мышления эпохи феодализма. При этом определяющее влияние на новаторское творчество Суворова оказывали изменения, связанные с дальнейшим экономическим развитием Российской империи и ростом материально-технической базы войны, передовой по своему характеру системой комплектования национальной по составу регулярной армии, ее высокими морально-боевыми качествами.

Стратегия Суворова отличалась исключительной активностью и решительностью. На первое место он ставил наступление, однако считал возможным в отдельных случаях прибегать к обороне и даже к отступлению (ретираде) в интересах сохранения войск от ударов превосходящего противника. Суворов учил всегда действовать творчески, исходя из сложившейся обстановки, не превращать тот или иной способ ведения военных действий в шаблон. Судьбу войны, считал полководец, должно решать генеральное сражение, являющееся кульминационным ее пунктом. При этом проблему генерального сражения он рассматривал в плане решения главной стратегической задачи – уничтожения всей армии противника.

А. В. Суворов был не только крупнейшим стратегом, но и непревзойденным тактиком. Его тактическое кредо выражено в «Науке побеждать» с предельной четкостью: «глазомер, быстрота и натиск». Суворовский глазомер – это точное знание обстановки, противника, условий, обеспечивающих победу. Быстрота – умение воспользоваться этим знанием и обеспечить внезапность действий. Натиск – это выражение воли к победе, решительному разгрому противника путем искусного сочетания маневра, огня и штыкового удара. Особой заслугой Суворова являлись отказ от принципов господствовавшей в тот период на полях сражений линейной тактики, уже давно переживавшей кризис, и переход к новой ударной тактике колонн и рассыпного строя (впервые была применена под Туртукаем в 1773 г.) – способу боевых действий, начавшему применяться на Западе лишь в ходе войн Великой французской революции 1789–1799 гг. и усовершенствованному затем Наполеоном Бона-

партом. По сути дела, Суворов задолго до этого французского полководца выдвинул и практически применил в войнах многие стратегические и тактические приемы и способы борьбы, «открытие» которых было позже поставлено западноевропейскими военными теоретиками и историками в заслугу Наполеону.

Признанный знаток суворовского военно-теоретического и практического наследия Д. А. Милютин в свое время писал по этому поводу: «Суворов в отношении к военному делу стоял выше своего века, и никто не мог тогда постигнуть, что он создавал совершенно новый образ войны, прежде чем Наполеон дал Европе уроки новой стратегии и тактики»[21].

Особое внимание Суворов обращал на качество русской армии, ее уникальность, отличие от армий Западной Европы.

Уже в XX веке А. А. Керсновский в книге «История русской армии», написанной в эмиграции как напутствие «хоть тридцати читателям-офицерам», приходит по этому поводу к выводу, что специфические национальные основы русской армии не были осознаны в дореволюционной России, и это привело к засорению воинской традиции. «Мы стали копировать иностранные учения, свернули с пути, завещанного великими учителями. И победа покинула нас»[22]. «Самобытность русского военного искусства, неизреченная его красота, вытекающая из духовных его основ» остается, констатирует Керсновский, «до сих пор, к сожалению, недостаточно осознанной, вернее, не осознанной совсем». «Здание Русской Национальной Военной Доктрины, начатое Петром I, Румянцевым, Суворовым, стоит и поныне незаконченным. Со смерти Суворова никто к нему не прикасался»[23]. Керсновский обращает внимание на существенное отличие русской армии от западноевропейской. Западноевропейская армия формировалась на основе принципа найма, вербовки. Русская армия формировалась как национальная армия на основе долга каждого человека защищать русскую землю. Поэтому, отмечает Керсновский, уже московская рать Василия III – первая национальная армия в мире.

Тем не менее, дальнейшее становление русской армии происходило непросто. Специального исследования требуют 1670–1680-е годы в истории русской армии. «Эпоха маразма и военного бессилия», по Керсновскому. Русское посольство, посланное царевной Софьей в Париж во главе с князем В. В. Голицыным, не было принято французским королем. Так мало значила Россия в глазах Европы XVII века. Для победоносного шведского короля Карла XII с его великолепно подготовленной армией «московиты» – «персы Дария», древняя Азия, серая масса покорных рабов, «орда, неспособная сражаться» с западноевропейской армией. Легко разбив русскую армию под Нарвой, шведский король заявил: «Я нанес смертельную рану», «Россия – ничтожный противник». Сокрушительное поражение Петра I под Нарвой, казалось бы, подтверждало мнение Карла XII. Это мнение устойчиво удерживалось в разных формах: «армия, одерживающая победы ценой больших потерь», «беспощадно уничтожающая мирных жителей», побеждающая сплоченным множеством безынициативных индивидуумов.

Ф. Энгельс дал «научное» обоснование этого мнения, обратив внимание на превозносимую рядом славянофилов (да и «западников») общину, и вывел отсюда такие следствия: «сам общинный уклад наглядно показывает, что в сплоченности все спасение, что обособленный, предоставленный своей собственной инициативе индивидуум обречен на полную беспомощность», «в сомкнутом строю русский солдат был в своей стихии», «чем серьезнее опасность, тем плотнее смыкаются они в единое компактное целое»[24]. Победы, одержанные Петром над шведами, как и победы Суворова, объясняются обычно только природной одаренностью полководцев («счастливая натура»). По этой причине, как отмечал Керсновский, военное искусство Петра Великого не исследовалось, а только оценивалось рядом авторов, например, П. М. Андриановым, подполковником Генерального штаба, который ограничивался такими общими характеристиками: «организаторский талант царя», «всесторонний творческий ум», «искусный подход к полю сражения», «удивительно умело приступил Петр к выполнению трудной боевой задачи»[25] и т. п. Подобным же образом, обобщенно и неаналитично, указанный автор характеризует и те качества русского наро-

[21] *Милютин Д.* Суворов как полководец // Отечеств, записки. – СПб, 1839. – № 4. – С. 3.

[22] *Керсновский А. А.* История русской армии в четырех томах. – М. 1992. – Т. I. – С. 8.

[23] Там же. – С. 7–8.

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М., 1960. – Т. 22. – С. 403.

[25] История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. – СПб, 2003 (переиздание сборника статей 1911 г.) – С. 232.

да, которые сохранил Петр в русской армии, устраивая ее по западноевропейскому образцам: терпеливость, безграничная выносливость, способность к самопожертвованию[26]. Эти характеристики – результат работы вялого ума. Они так же туманны, обобщенны, не подробны, как и «научные» изыскания классика марксизма-ленинизма, далекого от реалий русской жизни, и все вместе они образуют жесткий стереотип, препятствующий пониманию и деятельному развитию русских начал.

А между тем и Петр I, и Суворов строили русскую армию на определенных единых, ясно осознанных началах. Они строили русскую армию на принципе христианском, европейском, русском. На принципе личного достоинства каждого, от генерала до рядового. «Имя солдат» в воинском уставе Петра «содержало в себе всех людей, которые в войске суть – от вышнего генерала даже до последнего мушкетера»[27]. Усилия Петра и Суворова были направлены на то, чтобы придать имени «солдат» высокий нравственный смысл и на нем утвердить русскую армию. Человек и его духовная сила – решающий фактор побед. К этому убеждению пришел Суворов, один из образованнейших людей своего века, досконально изучив военное дело, опыт минувших и современных войн. Армия Петра I и Суворова строилась как пространство свободы и достоинства личности в больном теле России. Нет, не пугливое стадо общинников, терпеливых, покорных, сбивающихся в «компактное целое», побеждало врагов Отечества, а союз личностей, доблестных, ясно мыслящих, инициативных, отважных, с высоким самообладанием и нравственным чувством правды. Такой союз был несокрушим всегда, начиная с тех времен, когда крошечный доисторический Рим, состоявший из тридцати родов, зажатый среди воинственных могущественных соседей, основал свою армию на личной доблести каждого человека и на связанной с ней идее справедливости как праве каждого человека на достоинство и его защиту, независимо от древности и знатности рода, от социального положения (на Палатинском холме, в среде римской армии, родилось знаменитое римское право). Не случайно любимым полководцем и Петра и Суворова был не Александр Македонский с его вавилонскими и египетскими симпатиями, а «Юлиус Цезарь», то есть доблестный Рим.

[26] Там же. – С. 235.

[27] Цит. по: *Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. – М., 1861. – С. 16.

Как странно, однако, узнать, что именно в русской армии, в «серой скотинке» (так называли свою армию наши интеллектуалы в начале XX века) всегда хранилось то подлинно элитарное качество, которого так не хватало именно правящей и интеллектуальной элите страны, – неподкупное, ясное, твердое достоинство личности. Тому, кто не имеет его, кажется нелогичной мысль основать армию, в которой ценно единство воли и действия, единство приказа и его беспрекословного выполнения, – основать такую армию на принципе достоинства, на принципе личности, необходимо имеющей свое личное мнение, необходимо полагающейся на свой личный разум. П. Я. Чаадаеву, В. С. Соловьеву и прочим казалось, что в силу этих качеств личность является носителем социального «зла разъединения», эгоизма, индивидуализма (они ошибочно принимали гонор мелкого самолюбия за достоинство личности). Именно военачальники, мыслившие подобно этим «философам», и разрушали традиции русской армии, внося в нее чуждые принципы, в частности, правила муштры, палочной дисциплины, свойственные западноевропейской наемнической армии XVIII века. Наемный воин (часто из деклассированных элементов) не проявлял желания подвергать свою жизнь излишней опасности. Только силой удавалось заставить его идти в бой. Солдат не должен был рассуждать. Ему запрещалось проявлять инициативу. Поэтому главное внимание уделялось выработке у воинского состава способности механически, как автомат, исполнять приказ. Трехверстная линия прусских батальонов, автоматически продвигающихся вперед с правильностью натянутой струны, производила неотразимое впечатление, и вся Европа ударилась в слепую подражательность. Суворов избежал ее. Учитывая опыт семилетней войны, опыт графа П. А. Румянцева, и понимая душу русского солдата, он строил «армию ошеломляющих побед» на противоположной основе – на основе национально русской, освобождая глубокое личное благородство русского человека, укрепляя его нравственное достоинство, его разум и волю, переводя врожденную стойкость из пассивного состояния в активное – в наступательную активность. «Между механически обученным войском и войском, обладающим высоким нравственным чувством, – писал французский маршал Бюжо, – разница та же, что между детьми и взрослыми»[28].

[28] Цит. по: *Петрушевский А.* Генералиссимус князь А. В. Суворов. В 3-х т. –

«Суворов приготовлял в Ладоге взрослых»[29]. Новая Ладога – колыбель суворовских побед. Здесь в 1763–1768 гг. Суворов, будучи полковым командиром, закладывал основы непобедимости русской армии. Уже в петровской армии велика была инициатива и свобода действий у полкового командира, и Суворов ею воспользовался, чтобы в Новой Ладоге создать национальный, живой метод обучения и воспитания войска. В Новой Ладоге он построил церковь, школу, разбил сад на бесплодной земле. Он сам был учителем в школе, он написал молитвенник и краткий катехизис. С горечью отмечал Суворов в 1771 году: «Немецкий, французский мужик знает церковь, знает веру, молитвы. У русских едва ли знает то его деревенский поп»[30]. Школа Суворова была не только школой отличной военной подготовки, с учебными маневрами в ночь, дождь, бурю, в поле, лесу, болоте, – но и школой религиозно-нравственного воспитания личности. Его солдаты знали, что «во всех делах Бог с ними и устремлялись к честности». От христианских истин Суворов не гнушался спускаться к самой черной работе: он учил каждого, как чиститься, обшиваться, мыться и т. д., чтобы «был человек здоров и бодр».

Суворов учил офицеров пробуждать у солдата чувство человеческого достоинства. Со дня вступления в русскую армию рекрут переставал быть крепостным. Он становился свободным человеком[31]. Его главная задача – стоять на страже интересов Отечества. Военачальник обязан был с первых же дней обучения помочь новобранцу изживать привычки, выработанные крепостным бытом, «отучать весьма от подлого виду», от униженности и забитости, учить его «иметь на себе смелый вид», «головы вниз не опускать», «чтоб глядели бодро и осанисто», «говорили со всякой особою и с высшим и с нижним начальником смело»[32]. В обучении наблюдать, чтоб «поступаемо было без жестокости», «весьма ласково и неторопливо». Долг оберегать чувство собственного достоинства солдата предъявлял определенные требования к офицеру. Еще в воинском уставе Петра отвергаются унизительные и искательные отношения между начальником и подчиненным, доставшиеся в на-

СПб, 1884. – Т. I. – С. 56.

[29] Там же.

[30] Там же. – С. 58.

[31] *Ростунов И. И.* А. В. Суворов. – М., 1989. – С. 84.

[32] А. В. Суворов. Документы. – М., 1949. – С. 86.

следство от стрелецкого воинства, – никакого «лакомства и похлебства». И Петр I и Суворов уделяли большое внимание общей культуре офицера. В армии Петра была оговорена особая привилегия офицера – право бесплатно пользоваться необходимыми книгами. Производство в офицерский чин осуществлялось «по приговору товарищей одного полка или целой дивизии»[33], то есть личное мнение каждого имело решающее значение, что повышало планку личной ответственности за общее дело.

Философия победы в наследии Суворова остается не изученной. Она труднодоступна для той философии, которая стремится не понять, а пленить русского человека. Остаются вне философского осмысления две, может быть, самые главные идеи великого полководца об условии победы, хотя эти идеи и приводятся во всех энциклопедических изданиях. Первая из них такова: «Каждый воин должен понимать свой маневр»[34]. То есть человек не должен был быть безынициативным, механическим автоматом войны. Каждый должен сознавать, знать, понимать свое место в общем деле, точнее, свое собственное действие, «свой маневр». Главный путь к подвигу и победе – «сознательное отношение солдата к происходящему событию»[35]. Это положение на первый взгляд не представляется бесспорным. Казалось бы, для победы необходимо совершенно противоположное: устрашающая механика сплоченных действий десятков тысяч солдат, покорных уму и железной воле полководца, а также слепящая ненависть к врагу. Но сознание, «сознательное отношение»? Холодное «сознательное отношение», казалось бы, по самой сути своей не победоносно.

Однако Суворов угадал гения русских побед. Только сознание пробуждает то несокрушимое, твердое победоносное начало в человеке, перед которым хрупкими оказываются и фанатичная ярость, и устрашающая вышколенность полков, и железная воля полководца. Только сознание пробуждает дух, «самосознающий дух». «Самосознающий дух наш существует», писал протоиерей И. М. Скворцов[36]. Это исходное положение русской классической

[33] *Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. – М., 1861. – С. 16.

[34] А. В. Суворов. Сборник документов. – М., 1953. – Т. 4. – С. 20.

[35] *Масловский С.* Суворов // Русский биографический словарь. – СПб, 1912. – Т. 20. – С. 12.

[36] Цит. по: *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. – Ч. I. – СПб, 2003. – С. 68.

философии. И ее задача – довести «до сознания то, что темно и безотчетно хранится в духе народном»[37]. Из потаенной глубины сердца, там, где русская этичность, где русская совесть открывается себе как голос Бога и как личностный стержень, – из этой глубины прорывается на свет свободная богатырская мощь русского духа вместе с чувством братства с соотечественниками и сознанием: «Я русский, – какой восторг!». Прорывается «яко огнь», как писали наши предки, сражавшиеся на Куликовом поле.

Глубоко поняв душу русского человека, А. В. Суворов по-своему решал задачу пробуждения русского духа. Он «прилагал все усилия, чтобы по возможности развязать в войсках работу ума и воли. Его дисциплина резко отличалась от палочной дисциплины западноевропейских армий. Суворов основал ее не на страхе, а на совести»[38]. Суворов всячески старался разъяснить войскам значение борьбы, к участию в которой они призваны, чтобы сделать им эту борьбу понятной и потому близкой. На войне Суворов не признавал тайны. Все солдаты знали, что предстоит совершить и зачем. Впоследствии эта традиция, как и другие, была усвоена Наполеоном. «Теперь ясно, – писал декабрист и участник войны 1812 года Ф. Н. Глинка в «Кратком начертании военного журнала», изданном в1817 г., – что многие правила военного искусства занял Наполеон у великого нашего Суворова». Осмысленность создавала интерес к делу. «Солдат любит учение, лишь бы коротко и с толком». Знание и чувство общности задачи сплачивало суворовские войска, от солдат до высших командиров, в одно несокрушимое целое.

Второе положение суворовской «науки побеждать» касается истоков храбрости. Храбрость должна быть «первым качеством солдата». Как ее развить? Страхом перед палкой капрала? Читая различные толкования метода Суворова, создается впечатление, что он был искусным манипулятором («напирал на развитие отваги», «притупляя инстинкт самосохранения»[39]), что для Суворова русский воин был марионеткой, и он просто «в полной мере использо-

[37] Там же.

[38] *Масловский С.* Суворов // Русский биографический словарь. – СПб, 1912. – Т. 20. – С. 12.

[39] *Петрушевский А.* Генералиссимус князь А. В. Суворов. В 3-х т. – СПб, 1884. – Т. 3. – С. 31.

вал его высокие боевые качества»[40]. Такие толкования – свидетельства нашей духовной нищеты. Положение Суворова об «основании храбрости» остается не раскрытым, какой-то загадкой. Попробуем ее разгадать.

Говоря о воинах четвертого гренадерского полка, Суворов замечал: они «бодры, мужественны, да не храбры: что тому причина? они на себя не надежны»[41]. В другом месте та же мысль: «на себя надежен – основание храбрости»[42].

Нас приучили к языку робких и слабых, опасающихся самостоятельного, свободного, смелого ума. На этом языке «на себя надежен» прочитывается как надежный для себя, себе на уме. Для Суворова «на себя надежен» тот, кто уверен в себе, кто является не марионеткой, а личностью. Уверенный в себе человек уверен в правде и правоте своего дела, в своих духовных и физических силах. Инициативный и умный, он способен найтись в любой обстановке. В сложных, постоянно меняющихся ситуациях военного дела, в типичных для войны «исключительных случаях» он сам знает, что ему делать. И это крайне важно, ибо часто «одна минута решает исход баталии». Такой солдат – надежная опора всей армии. Он с честью постоит за Отечество, за себя, за «други своя». Суворов понимал существенное отличие созданной им национальной военной науки от «науки» тех времен, когда «мы по-татарски сражались, куча против кучи»[43].

Личной инициативе, особенно необходимой в экстраординарных случаях, Суворов отводил широкое место в своих успехах. Он заботился всемерно об охранении инициативы воина, об охранении «на себя надежности». Инициатива, частный почин покоились на ясном сознании каждым своей цели. Только тогда каждый смело мог идти вперед, не оглядываясь назад. Суворов основал свои успехи на самостоятельности и самодеятельности своих подчиненных.

[40] *Кочетков А. Н.* Суворов // Советская историческая энциклопедия. – М., 1971. – Т. 13. – С. 911.

[41] *Петрушевский А.* Генералиссимус князь А. В. Суворов. В 3-х т. – СПб, 1884. – Т. I. – С. 68.

[42] Генералиссимус А. В. Суворов. Сборник документов и материалов. 1947. – С. 84.

[43] *Петрушевский А.* Генералиссимус князь А. В. Суворов. В 3-х т. – СПб, 1884. – Т. I. – С. 60.

«Я вправо, а должно влево – меня не слушать»[44]. Простой солдат имел право высказать свое особое мнение о предстоящем маневре высшему начальнику. Суворовым была оговорена форма этого психологически непростого диалога – наедине, «пристойно, не во многолюдстве, иначе – буйство».

Чтобы сделать человека слабым, заметил Вольтер, нужно лишить его личного достоинства. Все, что могло нанести ущерб достоинству солдата и армии, расценивалось Суворовым как зло, и к нему не могло быть никакой «терпеливости». В армии Петра I и Суворова сурово наказывались обычные и в те времена «грабеж, насилие, немилостивые поступки в неприятельской земле». Под страхом смерти даже во время сражения или взятия приступом города запрещалось не только «лишать жизни детей, женщин, стариков и священников, но и наносить им обиды». За удержание жалованья у подчиненных была определена ссылка на галеры, а в важных случаях и смертная казнь[45].

«Не множеством побеждают!» – эти слова Петра Великого стали девизом и в суворовской армии. Не множеством побеждают там, где полагаются на силу духа, правду и знание. Суворов действовал почти постоянно меньшим числом против большего. Зимний штурм крепости, где засела целая армия, оказался возможным для корпуса. На Рымнике бой происходил против вчетверо сильнейшего неприятеля. Русские батальоны обладали «твердостью и устойчивостью бастионов». «Высокий градус нравственной силы» был основанием этой твердости, непоколебимой даже в наши дни, и основанием особого русского нечванливого патриотизма, основанного на нравственной правде, знании, «на себя надежности» «За Россию и правду! – говорил Петр перед сражением. «Братцы, вы богатыри! Вы – русские!» – говорил Суворов.

В XVIII в. были также заложены и основы отечественной теории военно-морского искусства. Теоретический курс тактики российского флота впервые излагался в труде профессора Морского корпуса Н. Г. Курганова (1725–1796) «Наука морская – сиречь опыт теории и практики управления кораблем и флотом» (1774). Автор работы взамен «мертвых идей» линейной тактики выдвинул и

[44] *Елчанинов А. Г.* А. В. Суворов // История русской армии. – 2-е. изд. – С. 451.

[45] *Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. – М., 1861. – С. 17.

обосновал принципы другой – маневренной тактики, превосходство которой доказал его ученик адмирал Ф. Ф. Ушаков. Он на практике с успехом применил рекомендованные новые приемы и способы ведения морского боя, организации взаимодействия сил флота с сухопутными войсками. Кроме того, Ф. Ф. Ушаков и его единомышленники – адмиралы Д. Н. Сенявин (1763–1831), В. М. Головин и другие – принципиально по-новому поставили и решили вопрос о генеральном морском сражении. Они рассматривали его в органической связи с другими способами боевых действий (крейсерские и блокадные действия, удары по морским коммуникациям и др.)

В целом XVIII в. дал мощный толчок развитию отечественной военно-теоретической мысли. В полководческой (флотоводческой) и творческой деятельности выдающихся представителей Российского государства этого периода, стремившихся осмыслить то новое, что зарождалось в практике вооруженной борьбы, и подвести под него теоретическое обоснование, находили отражение все происходившие в военном деле процессы, причем как в своей стране, так и за рубежом. В течение этого столетия сложилась русская военная школа, сумевшая создать такую теорию, прежде всего военного искусства, которая не только не отставала от западноевропейской, но, напротив, особенно во второй половине XVIII в. превосходила ее в решении ряда проблем. Отечественная военная наука содержательно обогащалась, эволюционируя сообразно развитию военно-политической, социально-политической и духовной обстановке в России и приобретая при этом новые функциональные черты. Вместе с тем имевшиеся в рассматриваемый период военно-теоретические знания не были еще объединены в логически связанную систему на основе общих закономерностей и принципов, не сложились в стройную концепцию, основывающуюся на развитой категориальной системе. Всему этому предстояло свершиться только в следующем, XIX столетии.

В XIX в. русская военно-теоретическая мысль прошла большой и сложный путь. Ее эволюция происходила в обстановке разложения феодально-крепостнического строя и вызревания в его недрах капиталистических отношений, борьбы между сторонниками русской военной школы и представителями так называемой официальной, или академической, школы, склонной к копированию образцов западноевропейской военной системы. На характер, направленность, масштабы и темпы военно-теоретических иссле-

дований непосредственное влияние оказали также Отечественная война 1812 г., движение декабристов и их восстание в декабре 1825 г., Крымская (1853–1856), Русско-турецкая (1877–1878) войны и другие военные и политические события.

Развитие отечественной военной науки как относительно самостоятельного и целостного знания специфической области общественной деятельности шло в этот период по пути выделения и систематизации общих стержневых проблем военной теории: установление сущности и социально-политической природы войны и армии, соотношения войны и политики, войны и экономики, роли народных масс и полководцев, морального фактора в войне; выявление значения и места науки в практической военной деятельности, ее предмета, содержания и задач; определение взаимосвязи и отличия военной науки и военного искусства; раскрытие факторов и причин, лежащих в основе развития военной теории, всего военного дела; классификация отраслей военно-научных знаний; разработка методологии исследования военных явлений и др.

Глубокие изменения, происходившие в конце XVIII – начале XIX в. во всех областях военного дела, связанные в первую очередь с влиянием Великой французской революции (1789–1799), положившей начало складыванию основ новой буржуазной военной науки, требовали от отечественных военных деятелей и теоретиков отойти от постулатов господствовавшей в то время так называемой классической (западноевропейской) военной теории, поскольку они не только не давали ответов на выдвинутые боевой практикой, в частности действиями французской массовой революционной армии, вопросы, но и оказались в резком противоречии с ней.

Одними из первых в России, кто попытался в военно-теоретическом плане проанализировать некоторые из поставленных жизнью вопросов, были А. И. Хатов (1780–1846) и А. де Романо. В своих трудах, относящихся к 1802–1810 гг., они стремились, впервые применив метод исторического анализа, раскрыть объективные истоки и внутренний механизм развития военной науки, ее значение, определить содержание стратегии и тактики как отдельных отраслей военно-научных знаний и круг их актуальных проблем, выявить причины изменения способов и форм ведения войны и боя (сражения) и др. Так, генерал А. И. Хатов, например, считал, что наука, и прежде всего военная, должна «образовать лучшие войска и лучших генералов: поставить метод на место навыка и со-

ображения на место случая»[46]. Подобные взгляды на роль науки высказывали А. де Романо[47] и некоторые другие военные теоретики.

Значительное влияние на развитие отечественной военно-теоретической мысли оказали подготовка России и ее вооруженных сил к отражению нашествия Наполеона Бонапарта, Отечественная война 1812 г. и полководческая деятельность в ней генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова (1745–1813), достойного продолжателя традиций русской национальной военной школы. Он являлся творцом противопоставленной Наполеону стратегической концепции, основанной на идее достижения победы в войне не в одном генеральном сражении, к чему стремился выдающийся французский полководец, а, исходя из конкретных обстоятельств, в целом ряде согласованных между собой боев, сражений и маневров, растянутых во времени и пространстве, но объединенных общим замыслом. При определении задач, выборе видов и способов стратегических действий Кутузов исходил из возможностей массового использования имевшихся в стране людских и материальных ресурсов, близко подошел к правильному пониманию связи войны с политикой. «Обстоятельства политические укажут род войны»[48], – писал Кутузов. Самое пристальное внимание фельдмаршал обращал на своевременное пополнение действующей армии, создание стратегических резервов, в том числе и созыв ополчения, боевую подготовку, развертывание партизанской борьбы, что вытекало из его теории народной войны.

Полководческая практика М. И. Кутузова и его сподвижников – генералов М. Б. Барклая-де-Толли (1757–1818), П. И. Багратиона (1765–1812), П. П. Коновницына (1764–1822), А. П. Ермолова (1772–1861) и других дала богатейший материал для развития теории военного искусства, прежде всего стратегии. Представители передовой отечественной военно-теоретической мысли пытались на основе изучения опыта их боевой деятельности раскрыть основное содержание и специфику стратегии как науки, вывести правила, определить соответствующие времени способы и формы стратегических действий.

---

[46] См.: *Хатов А. И.* Общий опыт тактики: В 2 ч. – СПб, 1807–1810.

[47] См.: *Романо А.* Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки. – СПб, 1802.

[48] *Кутузов М. И.* Документы: В 5 т. – М., 1952. – Т. 3. – С. 754.

Глубокий след в истории развития военной науки оставили декабристы. Многие из них, в частности И. Г. Бурцов (1794–1829), Ф. Н. Глинка (1786–1880), Н. М. Муравьев (1795–1843), П. И. Пестель (1793–1826) и другие, ратовали за основательную, более глубокую разработку вопросов военной теории, пытались в своих трудах решить ряд важных проблем: о роли военной науки, ее предмете, содержании и задачах; классификации отраслей военной науки; взаимоотношении теории и практики; сущности стратегии и тактики, их взаимосвязи; способах ведения войны и боя и другие. Так, генерал И. Г. Бурцов в работе «Мысли о теории военных знаний» (1819) утверждал, что военная наука не может ограничиваться, как тогда считалось, рамками военного искусства и должна включать в свой предмет изучение закономерностей в военном деле. В общем, «пространном», смысле военные знания (военная наука), по Бурцову, «должны содержать в себе правила, научающие образовывать, приводить в действие и устремлять к цели силу, охраняющую безопасность народную». Он подразделял военные знания на «знания, относящиеся до войска» (составление армии, движение армии – поход, действие армии, или «вождение войны»: топография, кастраметация, артиллерия, наука осад и оборон, стратегия (наука замыслов) и тактика (наука боев); сверх того ко всем трем отделениям относится и общая теория управления армии), и «знания, относящиеся до крепостей» (выбор места, строение крепостей: фортификация, наука о минах). Все это, считал Бурцов, «по соединении вместе составляет общий объем военной науки». Классификация, предложенная Бурцовым, конечно, далека от совершенства, однако его попытка разделить военную науку на отдельные отрасли показывает, что предметом исследования военных деятелей в начале XIX в. становится сама военная теория, ее наиболее важные и вместе с тем сложнейшие проблемы.

Ряд новых теоретических положений высказал полковник П. И. Пестель. Под стратегией он понимал науку о войне в целом, считал, что стратегия определяет способы достижения главной цели войны, тактика же является наукой о бое. Пестель ставил вопрос о взаимосвязи войны и политики, зависимости военной организации от политического строя государства. Ликвидацию феодальной военной системы он связывал с уничтожением феодально-крепостнического самодержавного строя.

Пестель признавал необходимость постоянной регулярной

массовой армии, способной обеспечить защиту страны, разработал четкую структуру не только военно-сухопутных сил (армия, корпус, дивизия, полк), но и флота (флоты и эскадры), ратовал за их создание на основе всеобщей воинской повинности (вместо рекрутских наборов) с сокращением срока службы, настаивал на отказе от комплектования офицерского корпуса по сословному признаку (каждый, сдавший «положенные экзамены», может стать офицером), т. е. был сторонником реформ буржуазного характера. Войну П. И. Пестель подразделял на наступательную и оборонительную, стремился установить соотношение между наступлением и обороной, считал, что оба эти вида военных действий как бы дополняют друг друга, делал вывод, что при наличии больших по численности армий нельзя рассчитывать на выигрыш войны одноактным действием, т.е. одним генеральным сражением. Проигрыш такого сражения, считал он, еще не приведет к поражению, так как на пути победителя будут стоять вновь созданные резервы.

Декабристы, пытаясь вскрыть природу военных знаний, пришли к пониманию того, что они, сведенные в систему, являются военной наукой. Подчеркивая ее специфику, они не отрывали военную науку от других областей знания и утверждали общность основных принципов теории познания для всех наук, признавали тесную связь военной теории с общественными и естественными науками, указывали на наличие закономерностей военного дела.

Много ценных мыслей высказали декабристы о значении теории для практики. По их мнению, теория – одно из непременных условий успешной практической деятельности. Особенно необходимы теоретические знания для подготовки военачальников. «Для полного образования полководца, – писал, например, И. Г. Бурцов, – не довольно даже одних военных знаний; все политические науки, действующие на безопасность народную, как сопредельные военным, а с другой стороны, все нравственные, подающие правила владеть человеческим сердцем, должны войти в состав общей, пространной теории, управляющей действиями истинных полководцев»[49].

Признавая зависимость развития военной теории от изменений в материальных условиях человеческой деятельности, декабристы

[49] *Бурцев И. Г.* Мысли о теории военных знаний // Воен. журнал. – 1819. – Кн. 2. – С. 64.

пришли к выводу о необходимости разработки сравнительно-исторического метода исследования военных явлений.

В целом благодаря усилиям декабристов военно-теоретическая мысль России поднялась в первой четверти XIX столетия на довольно высокую ступень. Именно в этот период военная наука выделилась из других областей знаний, определился круг изучаемых ею проблем, а следовательно, и основное ее содержание, осуществлены попытки теоретически осмыслить отличие научного знания от практического военного опыта. К военной науке стали относить систему взглядов, понятий, суждений, отражавших природу войны и армии, факторы и закономерности, определявшие на разных этапах принципы строительства вооруженных сил и их применение для достижения победы с наименьшей затратой сил, средств и времени.

Высшим достижением отечественной военной теории этого времени было утверждение взгляда на военную науку как на одно из действенных средств решения боевых задач военной практики.

Из множества военно-научных проблем, выдвигавшихся боевой практикой, огромный интерес вызывал анализ причин изменений, происходивших во всех областях военного дела. Именно эти вопросы стояли в центре внимания русской прогрессивной военно-теоретической мысли. Она чутко отзывалась и на требования практики познать природу и характер войны и армии рождавшегося буржуазного общества.

Весомый вклад в разработку теории тактики парусного флота в это время внес преподаватель Морского кадетского корпуса капитан-командор П. Я. Гамалея (1766–1817). На основе обобщения передового опыта военно-морского искусства XVIII в. он разработал ряд руководящих документов, которые в совокупности составили труд под названием «Высшая теория морского искусства» (издан в 1801–1804 гг.) На основных положениях этой теории позднее выросла целая плеяда русских флотоводцев – М. П. Лазарев (1788–1851), П. С. Нахимов (1802–1855), В. А. Корнилов (1806–1854).

Победное шествие европейского Просвещения не миновало и Россию. Почти непрерывные войны, сопровождавшие упрочение русского централизованного государства, возникновение империи, с одной стороны, стимулировали осмысление идеи ненасилия, но в то же время накладывали на нее определенную печать. Это сказывалось и в двойственной позиции Православной церкви, в ее от-

ношении к внешней политике верховной власти, и в позиции политических мыслителей. Великодержавность и миротворчество стремились к гармоническому сосуществованию, что актуализировало теоретическую разработку проблемы межгосударственных принципов ненасилия. Именно к этому времени относится приобщение России к идеям Возрождения и Просвещения, положивших начало новому этапу в истории миротворческой идеи.

Идея «естественного права», «общественного договора» преломлялась в политической мысли верой во всемогущество прогрессивного законодательства. Монтескье, выразивший и обосновавший этот характернейший атрибут философии Просвещения, рано стал известен в России и оказал определенное воздействие не только на законотворческие замыслы Екатерины II, но и на движение миротворческой мысли. Одним из первых, кому русская интеллектуальная элита была обязана ознакомлению с идеями Монтескье, был поэт-сатирик, государственный деятель и деятель Просвещения А. Д. Кантемир (1708–1744). Будучи с 1738 г. полномочным министром России во Франции, он лично познакомился с Монтескье и перевел на русский язык его вышедшие в 1721 г. «Персидские письма», «скандализировавшие», по словам Герцена, своей смелостью Париж и ставшие сенсацией во всей Европе[50]. С острой критикой монархизма, дворянских привилегий в них сочетались антимилитаристские идеи, осуждение завоевательных войн: «Существует только два вида справедливых войн, – одни, которые предпринимаются для того, чтобы отразить напавшего неприятеля; другие – чтобы помочь атакованному союзнику»[51]. Утверждение принципа межгосударственного сотрудничества, дружественного отношения между странами содержал и знаменитый труд Монтескье «О духе законов» (1748) с его обоснованием конституционно-парламентского строя, основанного на началах разделения властей. В России в течение XVIII и в начале XIX в. он переводился неоднократно. Более того, «Дух законов» Монтескье стал предметом специальных лекций, читавшихся в Московском университете в 1782–1783 гг. «теоретически искуснейшим профессором» Яковом Шнейдером. Именно просвещение как источник «мудрого законодатель-

---

[50] См.: *Коган-Бернштейн Ф. А.* Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке // Вопросы истории. – 1955. – № 5. – С. 101–102.

[51] *Монтескье Ш.* Персидские письма. – М., 1936. – С. 225–226.

ства» провозглашалось Шнейдером в посвящении к изданию, главным непременным условием мира и благоденствия народов, противостоящим войнам и завоеваниям[52]. Тесно переплетаясь, идеи просвещения и мирного сосуществования народов проникали в сознание русского общества благодаря трудам Я. П. Козельского (ок. 1728 – ок. 1794) и С. Е. Десницкого (ок. 1740 – 1789).

Усиление интереса к миротворческим идеям, проектам умиротворения Европы питали русские реалии, широкомасштабные военные акции правительства Екатерины II, ее завоевательная имперская политика. Эта прямая взаимосвязь отчетливо просматривается у Р. М. Цебрикова – отца будущего декабриста Н. Р. Цебрикова. Под непосредственным впечатлением одного из сражений русско-турецкой войны 1787–1791 гг. он записал в своем дневнике 7 июля 1788 г.: «Таковая огромная группа породила во мне мысли о жизни и смерти, о могуществе царств и падении оных, о великих издержках и долговременных трудах на заведение войны... И самая война, причины которой покрыты верою, справедливыми требованиями и защитою отечества и прав его, не чаще ли бывает источником гордости, тщеславия, зависти одной особы, а по большей части еще и частной?»[53] И тогда же, в «стане перед Очаковым», он переводит с французского изданное в Амстердаме в 1757 г. сочинение Анже Гудара «Мир Европы или проект всеобщего замирения», которое уже в 1789 г. увидело свет на русском языке в С.-Петербурге. Выразителен сам факт, что, отправляясь в действующую армию, он захватил с собой проект всеобщего мира. Запись в дневнике Цебрикова перекликалась с идеями, развивавшимися Гударом. Ссылаясь на Генриха IV, аббата де Сен-Пьера, Гудар отвергал политическую догму, «что война есть необходимо нужное зло». Он развивает тезис о естественно-законосообразной обусловленности равновесия Европы, при котором «сила частных государств зависит от всеобщей силы Европы». Война справедлива лишь в том случае, если она «только естественная оборона, позволенная всем государствам, но

[52] Рассуждения на Монтескиеву книгу о Разуме Законов; или уроки всеобщей Юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском Университете (J. Schneider). № 1. Иждивением Н. Новикова и Компании. В Москве. В Университетской типографии у Н. Новикова, 1782 года.

[53] [*Цебриков Р. М.*] Вокруг Очакова. 1788 год. (Дневник очевидца). Сообщил академик А. Ф. Бычков // Русская Старина. – 1895. – Т. 84. – С. 152–153.

никоим образом... не справедливость браней»[54].

Практическую основу всеобщего мира в Европе Гудар видел «только в долговременном всеобщем перемирии». Предлагаемый им «План трактата о всеобщем перемирии» исходил из необходимости учреждения «Общего конгресса, на который все Европейские Государи имеют послать своих министров для утверждения общего положения орудий».

Общемировоззренческое преломление исходных просветительских идей, нашедших свое выражение в поисках условий установления «вечного мира» между народами, с особой силой и самобытностью выявило себя в том направлении русского дворянского либерализма XVIII в., для которого характерна утопическая направленность[55]. Его крупнейшим представителем стал Н. И. Новиков (1744–1818): первенствующее значение, придававшееся им нравственному началу, в единстве с утверждением «мудрого законодательства», сближало его прежде всего с кантовской модификацией просветительских идей, с выдвижением «нравственного императива» как первейшего условия движения общества, его гражданского совершенствования. Не случайно внимание Новикова к изданию трудов, относящихся к этой проблематике: таковы, например, упоминавшийся выше курс лекций, читанный в Московском университете профессором Я. Шнейдером, русский перевод книги Э. Роттердамского «Памятник воина-христианина». Это было одним из направлений деятельности «Дружеского ученого общества». Научная деятельность Десницкого, профессора Московского университета, по своему идейному наполнению полностью вписывалась в просветительские акции Новикова.

Здесь же, в университетской научной и идейной среде, проходило формирование будущего создателя одного из наиболее значительных русских миротворческих трактатов конца XVIII в. В. Ф. Малиновского (1765–1814). Он был сыном протоиерея, законоучителя

[54] *Гудар А.* Мир Европы или проект всеобщего замирения. – СПб, 1789. – С. XXVII, XXVIII, XXIX. Цебриков на титуле своего перевода трактата Гудара обозначил следующее название: «Мир Европы не может иначе восстановиться, как только в продолжительном перемирии, или Проект всеобщего замирения, сопряженного купно с отложением оружий на двадцать лет между всеми политическими Державами».

[55] См.: *Лотман Ю. М.* Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. – СПб, 1997. – С. 420.

университета Ф. М. Малиновского, принадлежавшего к кругу Новикова[56]. К этому же кругу выдающегося русского просветителя на протяжении 1785–1789 гг. тяготел и будущий автор «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзин (1766–1826), испытавший влияние его нравственных идей и общественных убеждений. Для Карамзина в эти годы были привлекательны идеи XVIII в. о братском единении людей всего мира, противостоящем разделяющим их невежеству, суеверию и деспотизму[57].

Пути Карамзина и Малиновского пересеклись летом 1790 г., когда Карамзин, путешествуя по Европе, достиг Лондона. Здесь, в доме русского посла в Англии, полномочного министра графа С. Р. Воронцова он оказался среди сотрудников миссии, молодых интеллектуалов, в числе которых был и Малиновский.

Малиновского привела в Англию не столько логика служебной карьеры, сколько целеустремленные идейные запросы. Сразу по окончании в 1781 г. гимназии Московского университета, где он получил солидную общегуманитарную и филологическую подготовку, знание многих европейских и древних языков, Малиновский был определен в Московский архив Коллегии иностранных дел в чине активариуса. Через год, в 1782 г. был переведен в Петербург на должность секретаря графа А. И. Остермана, президента Коллегии иностранных дел, где оставался до 1789 г., когда, по его словам, «выпросился» на место переводчика при российской миссии в Лондоне, так как хотел «познать государство, славное мудростью и счастием своего правления»[58]. В стенах русской миссии шли острые дискуссии, возбужденные разворачивающейся во Франции революцией, порожденными ею международными коллизиями. Вопрос о мире между народами был одним из центральных в дебатах среди окружения Воронцова. Карамзин не остался от них в стороне. На обеде у русского консула в Лондоне он провозглашает тост: «Вечный мир и цветущая торговля»[59]. Именно в это самое время Малиновский в загородном имении Воронцова в Ричмонде начинает работу над своим трактатом «Рассуждение о мире и войне». И

[56] *Долгова С. Р.* О первом директоре Царскосельского лицея // Советские архивы. – 1974. – № 6. – С. 100–101.

[57] *Лотман Ю. М.* Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. – СПб, 1997. – С. 431.

[58] *Малиновский В. Ф.* Избр. общ.-полит. соч. – М., 1958. – С. 149.

[59] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 338.

для Карамзина, и для Малиновского, как отмечает Ю. М. Лотман, обращение к этой проблеме «не было попыткой возродить старые иллюзии», не было продолжением утопической парадигмы русского просвещения XVIII в. Их пацифизм питала сгущавшаяся европейская атмосфера – «оба ощутили приближение новой эпохи, эпохи «больших войн», большой крови»[60]. Исследователь отмечает устойчивость пацифистских настроений Карамзина. С полной определенностью они были выражены в «Разных отрывках из записок одного молодого россиянина» (1792), а также в его «Песне мира», датированной тем же годом, помещенных в издававшемся им «Московском журнале».

Как один из отголосков лондонских дискуссий о мире и войне может быть рассмотрена и серия очерков «Россиянин в Англии», опубликованных в 1796 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», среди авторов которого был и Карамзин. Анонимный автор очерков в 1789–1790 гг. находился в Англии и явно принадлежал к окружению С. Р. Воронцова. Фиксируя это обстоятельство, Ю. М. Лотман высказывает предположение, что им мог быть В. Ф. Малиновский. При этом отмечает: «Отдельные места очерков поразительно напоминают страницы из «Писем» Карамзина, что позволяет говорить о каком-то общем круге устных источников и единстве настроений»[61]. Как бы то ни было, близость настроений будущего первого директора Царскосельского лицея и будущего автора «Истории Государства Российского» несомненна. При общей для них патриотической устремленности, родственности духовного, этического строя, испытавшего воздействие московского новиковского круга, оба впитали укорененные здесь идеи всеобщего благоденствия и мирного сотрудничества народов[62].

[60] *Лотман Ю. М.* Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. – СПб, 1997. – С. 182.

[61] Там же. – С. 181.

[62] Прямым отголоском новиковского влияния, по мнению Б. Мейлаха, был издававшийся В. Ф. Малиновским в 1803 г. еженедельный журнал «Осенние вечера», провозглашавший своей задачей пропаганду «общей пользы научения и просвещения» (*Мейлах Б.* Пушкин и его эпоха // Звезда. – 1949. – № 1. – С. 157). В отличие от Карамзина, дистанцировавшегося от масонской ориентации круга Новикова, Малиновский, находясь за рубежом, был связан с виднейшими русскими мартинистами. На основании обнаруженного письма Малиновского к неизвестному от 20 ноября 1792 г. Мейлах выдвигает предположение, что он принадлежал к какому-то кружку или тайному обществу масонской ориентации. Об этом гово-

Именно они легли в основу книги Малиновского «Рассуждение о мире и войне», конец первой части которой помечен: «Ричмонд. 1790». А в 1791 г. автор отправился на театр военных действий с Турцией, чтобы «видеть войну на самом деле и дополнить всеми... удостоверениями ее зол» свою еще не законченную книгу[63]. В этом сочинении Малиновский дает не только развернутое общетеоретическое обоснование недопустимости войн, но и разрабатывает практический план объединения европейских народов, исключающий военное насилие из их жизни. Привязанность проблемы войны и мира к конкретному региону – государствам Европы – определяет реалистический и оптимистический подход Малиновского к утверждению приоритета принципа мира в межгосударственных отношениях. Малиновский предстает при этом как один из первых русских западников: он провозглашает принадлежность России к общеевропейской семье народов, объединенных универсальным началом – просвещением: «европейское» трактуется им как «просвещенное». Генетическая связь трактата Малиновского с идеями А. Гудара и Руссо находит свое последовательное развитие в демократической сути трактовки им смысла государственного устройства: «Надежнейшая сила Государства есть сила народа, собственно оное составляющего. Народ составляют не токмо единоначалие, но одна окружность земли, одна вера, один язык, одни выгоды, одни иль сходные обычаи и нравы». Ставя принцип национальной общности над характером политической власти, Малиновский именно в общенациональных интересах, проясненных светом Просвещения, их схожести у всех европейских народов видит реальное основание торжества принципов мира. Будучи единой семьей, народы Европы «доведут распространяющееся в ней просвещение до высочайшей степени человеческой мудрости»[64].

Закончив на этих исходных положениях первую часть своего

рит и другое письмо Малиновского, относящееся уже к 1797 г. Обнаружившая и процитировавшая это письмо И. С. Достян высказывает предположение, что в нем «речь шла, очевидно, о какой-то организации масонского типа, но, по-видимому, имевшей определенную политическую цель и демократическую направленность, причем делался намек на переход ее к открытой, более широкой общественной деятельности» (*Достян И. С.* «Европейская утопия» В. Ф. Малиновского // Вопросы истории. – 1979. – № 6. – С. 37–38).

[63] *Малиновский В. Ф.* Избр. общ.-полит. соч. – М., 1958. – С. 149.

[64] *Малиновский В. Ф.* Рассуждение о мире и войне. – СПб, 1803. – С. 1–2, 4, 10, 11, 18–19,64.

сочинения, написанную им в Ричмонде в 1790 г., Малиновский в 1798 г., уже в России завершает работу над второй частью – конкретным проектом общеевропейского устройства, долженствовавшего оградить народы от пагубы войны. Он не провозглашает идеальный мир, а конструирует такое устройство, которое гарантировало бы оптимальные условия «для утверждения независимости и собственности земель и народов».

Преобладание народного начала над государственной силой определяет характер проектируемого Малиновским европейского союза. Он исходит из посылки, что завоевания не дают народам благоденствия, и это должно определять политику государств, объединенных общеевропейским союзом. Совет, в котором представлены входящие в союз страны, руководствуется принципом нераздельности права народного (его следует понимать как право национальное) с правами гражданскими – именно эта модель, исключающая из политики «разведение правды с властью», должна быть положена в основу отношений между государствами: они строятся на тех же принципах, что и взаимоотношения граждан, общества с верховной властью. Законность – первооснова этих отношений. «Как никакой народ не может существовать без законов правосудия, так целые народы, без наблюдения оных между собой не могут жить, не истребляя друг друга». Проецируя на межевропейские взаимоотношения принцип суверенности прав народа, Малиновский провозглашал: «Законы, будучи изъявлением общей воли, заключают в себе общую силу»[65]. Перед нами последовательная система синтеза правового государства и правовых, цивилизованных, как мы бы теперь сказали, отношений между народами.

По замечанию Б. Томашевского, труд Малиновского являлся «самостоятельным национальным вкладом в проблему ликвидации войн, поставленную европейским XVIII веком».

Справедливость этой оценки с еще большей очевидностью подтверждает не вошедшая в изданную в 1803 г. книгу Малиновского «Рассуждение о мире и войне» ее третья часть. Она сохранилась в двух рукописных списках и лишь в 1991 г. увидела свет (с некоторыми купюрами)[66]. О продолжении своего трактата Мали-

[65] Там же. – С. 118, 124.

[66] *Василий Малиновский.* Рассуждение о мире и войне // Коммунист. – 1991. – № 13. – С. 100–109; РГАДА. Ф. 1261. Д. 2822; АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 7869. Л. 3–32. Текст, опубликованный в «Коммунисте» воспроизведен по списку, на-

новский писал Г. Р. Державину[67]. Один из списков, как и книга «Рассуждение о мире и войне», подписан инициалами «В. М.» и помечен: «Яссы 1801 – С. Петербург 1803». Т. е. эта часть была завершена одновременно с публикацией книги и, как предполагает И. С. Достян, Малиновский тогда же вручил ее вместе с книгой государственному канцлеру и министру иностранных дел А. Р. Воронцову, под началом которого он продолжал свою дипломатическую службу[68]. В апреле 1804 г. Малиновский направил список, содержащий некоторые собственноручные исправления и добавления, товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыскому. В этом списке рукопись озаглавлена «Рассуждение о мире и войне», т. е. так же, как две первые части (воронцовский список заглавия не имеет).

То место, которое в третьей части получили идеи национального суверенитета, их постановка и развитие в значительной мере объясняются опытом, полученным Малиновским во время участия в Ясском мирном конгрессе 1791 г. в качестве секретаря, знающего турецкий язык (на театр военных действий он опоздал). Здесь решалась судьба Дунайских княжеств, оказавшихся вновь под властью Турции. А на протяжении 1801–1803 гг. он находился в Яссах в качестве генерального консула России в Молдавии и Валахии.

Рассмотрение проблемы национального суверенитета, его историко-теоретическое обоснование, этнические аспекты, а также, или прежде всего, раскрытие социальных и политических принципов государственного устройства народов, обеспечивающих их независимость, предстают в третьей части трактата Малиновского идейным завершением широкомасштабного плана общеевропейского союза, закрепленного созданием «Общеевропейского собрания» – гаранта мирного сосуществования государств и народов, чему посвящена вторая часть рассматриваемой книги. Таким образом, труд Малиновского включал два фундаментальных начала, которые лежали в основе просветительских проектов рационального миропорядка: идея «вечного мира» и идея международных конгрессов или рациональной соборности[69].

правленному А. А. Чарторыскому и хранящемуся в АВПР.

[67] *Державин Р. Г.* Соч. – Т. VI. – СПб, 1871. – С. 239.

[68] Архив кн. Воронцова. – Кн. XXX. – М., 1884. – С. 394.

[69] Нельзя не обратить внимания на совпадение идей европейского содружества, развивавшихся Малиновским, и самого времени передачи им своих трудов

Социальная справедливость – доминанта третьей части – первейшая, безусловная предпосылка мира между народами, между державами. Гарант социальной стабильности каждого человека, делающего его заинтересованным и активным членом общества, – наделение землей, «дабы никто не был чужой в своем отечестве... должно всякому отделить в наследие соразмерный участок земли»[70]. При этом речь идет не о частной собственности на землю, а лишь о праве на владение ею каждого. Отмечая, что этот план изложен Малиновским в самых общих чертах и оставляет много неясного, современный исследователь считает возможным видеть в содержащихся в нем социально-экономических идеях социальную, если не социалистическую утопию; во всяком случае установки более радикального толка, чем у эгалитаристов XVIII в., наиболее ярким представителем которых был Ж.-Ж. Руссо[71]. Вместе с тем, несомненно, с социальным идеалом Руссо перекликается призыв Малиновского к патриархальному общественному устройству: «К общей свободе верное средство – общая простота и природность жития, чтобы, с одной стороны, не было выгоды к угнетению и, с другой – нужды в терпении оного». Малиновский смыкает внутригосударственное устройство с целями внешнеполитически-

---

руководителям российского внешнеполитического ведомства с идеями и временем издания секретной инструкции от 11 сентября 1804 г., данной Н. Н. Новосильцеву, отправленному в Лондон для переговоров с английским правительством. В ней отразилось влияние на формирование внешнеполитического курса Александра I сложного комплекса идей, включающего, прежде всего, идеи Сен-Пьера о «вечном мире», принцип договорных правовых оснований в межгосударственных отношениях, обеспечивающих национальные интересы и волю народов европейских государств (в противовес европейской идее Наполеона – установления единства через агрессию, посягательства на суверенитет стран при усвоении взятых им на вооружение лозунгов французской революции – свободы и благоденствия народов). Именно эти начала стали идейной основой заключительного акта Венского конгресса 1815 г., провозгласившего создание Священного Союза. См.: *Хорошилова Л. Б.* О влиянии либерально-просветительских идей на формирование внешнеполитического курса Александра I // Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. – М., 1995. О преломлении идей социального мира и достижения благоденствия народа, минуя революционные катаклизмы, во внутриполитическом курсе Александра I, см.: *Вишленкова Е. А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. – Казань, 1997.

[70] *Василий Малиновский.* Рассуждение о мире и войне // Коммунист. – 1991. – № 13. – С. 106, 105.

[71] *Достян И. С.* «Европейская утопия» В. Ф. Малиновского // Вопросы истории. – 1979. – № 6. – С. 38–39.

ми: «единодержавие и самовластие необходимы за необходимостью войны». «Самовластию» он противопоставляет правление «сколь возможно общественнейшее». Не углубляясь в раскрытие этой формулы, он лишь констатирует современные политические реалии. Завоевательная устремленность ставшего во главе французской республики Наполеона Бонапарта вырисовывает для Европы, по мнению Малиновского, перспективу «всеобщей республики... Франция, полагая в республиканском правлении других народов свою силу, войною найдет случай и способы к распространению оного между ими»[72].

Укоренение идеи всеобщего и уравнительного землепользования, уничтожения эксплуатации человека человеком для Малиновского неотъемлемая часть проблемы войны и мира: «Не основателен мир извне, когда внутри война между богатыми и бедными по всей Европе»[73].

Малиновский сводит воедино социальные, политические и национальные аспекты устройства государств, долженствующие в своей совокупности служить фундаментом для создания системы всеобщего европейского мира. Право на национальную независимость как естественное право народов противопоставляется имперским образованиям неразрывным с единодержавием, покоящимся на полководческой власти, интересам которой отвечают «пространные владения», обеспечивающие превосходство в ведении войны. «Но сии пространные владения столь же вредны и противны благоденствию и следственно правам народов (ибо одно есть основание других), как самовластие и как война – начало и утверждение оного»[74]. В «пространственных владениях» и соответствующему им «самовластию» неизбежно «томление народа, убийство его благоденствия и продолжение зол войны: ...Завоевание, яко плод войны, имеет всю ее лютость и оказывает ее свирепости бунтами и мятежничеством, с одной стороны, другой – утеснениями и казнями»[75]. Нельзя не видеть в рассуждениях Малиновского переклички с Д. Дидро, развивавшим мысль о несовместимости империи с мирным сосуществованием народов, империи как силе, порождающей деспотизм.

[72] *Василий Малиновский.* Рассуждение о мире и войне // Коммунист. – 1991. – № 13. – С. 102.

[73] Там же. – С. 105.

[74] Там же. – С. 102.

[75] Там же.

Обращаясь к Малиновскому с точки зрения усвоения и преодоления им того решения вопроса о мире без войн и насилия, как он ставился западными мыслителями, Ж.-Ж. Руссо прежде всего, следует сказать, что сформулированная последним трудная дилемма – цена вечного мира – кровавое, революционное переустройство общества – решается русским адептом ненасилия в духе идеи христианского единения, христианского экуменизма[76].

Вместе с тем именно в духе идеи общественного договора и естественного права Руссо во всеобщем общественном интересе, укорененном взаимной договоренностью, Малиновский видит залог осуществления мира без войны. Общая договоренность, а не «тщетные ожидания усовершенствования рода человеческого, которое может быть токмо последствием продолжительного общего мира и сообразно оному внутреннего управления» могут обеспечить мир между народами[77]. Таким подходом определяется и иерархия, последовательность общественного преобразования и просвещения: последнее отнюдь не предпосылка для первого, напротив, оно может быть реализовано в самом широком масштабе и на всех уровнях только при общественном устройстве, отвечающем благу народа.

Система идей, на которых Малиновский строил свой широкомасштабный миротворческий проект, определяла и его взгляды на характер стоящих перед Россией преобразований. В области социальной он одним из первых в истории русской общественной мысли выдвигает в качестве назревшей практической задачи необходимость уничтожения крепостного права[78]. В области государственно-политической он выступает последовательным поборником принципа разделения властей в рамках конституционной монархии. В «Размышлениях о преобразовании государственного устройства в России» (1803) Малиновский излагает проект замены ныне существующего «деспото-аристократического, владыко-вельможного» «правления российского» парламентским строем, при котором собрание депутатов, избираемое на 4 года, рассматривает все «дела общественные... все поборы и налоги»: «утвержденные государем

[76] Там же. – С. 107.

[77] Там же. – С. 108.

[78] *Малиновский В. Ф.* Записка об освобождении рабов (1802) // *Малиновский В. Ф.* Избр. общ.-полит. соч. – М., 1958. – С. 111–112.

[они] приводятся в исполнение». Он ратует за правовое государство и суверинитет народа, при котором «война и мир для народа и им решается и производится»[79]. Это та же мысль, что и в «Рассуждении о мире и войне». Как и там, демократическая доминанта звучит совершенно отчетливо. Общая направленность проекта Малиновского политического переустройства России определяет и содержание его переписки как генерального консула с министром внутренних дел графом В. П. Кочубеем, участником Негласного комитета, что дает основание предположить, что он был причастен к замыслам реформ, ознаменовавшим начало царствования Александра I[80]. Его близкие контакты в дальнейшем со М. М. Сперанским позволяют рассматривать Малиновского, его политические воззрения в русле генезиса русского либерализма, той его стадии, когда еще не обозначилось размежевание между либерализмом правительственным и общественным.

Свое дальнейшее развитие миротворческие идеи Малиновского получили в его статье «Общий мир», помещенной в «Сыне Отечества» в 1813 г. В ней преломились исторические реалии политического состояния Европы после сокрушения Наполеона. Малиновский увидел в многочисленных мирных проектах, заключенных в ходе освобождения европейских стран, реальную предпосылку создания единого пакта-уложения правил безопасности и неотъемлемости владений. Особая роль при этом отводилась России, что соответствовало общей тенденции возникавших в то время в Европе проектов «вечного мира», ни один из которых не обходился без обеспечения его Россией, вернувшей народам Европы национальную независимость.

Но «общий мир», идеи которого развивал Малиновский в своей статье, представал в ней не просто юридическим актом, закрепляющим роль России в разгроме Наполеона. Он был нацелен на утверждение демократических принципов в государственном устройстве освобожденных стран[81]. При всем казалось бы несовпадении упований Малиновского с политическими реалиями, которые станет насаждать Священный Союз, он чутко предугадал дух национального самоутверждения и политического либерализма, охва-

[79] Там же. – С. 125.

[80] Мемуары князя Адама Чарторыского и его переписка с императором Александром I. Ред. и вступ. статья А. Кизеветтера. – Т. 1. – М., 1912. – С. 258.

[81] Сын Отечества. – 1813. – Ч. 10. – № 11. – С. 241–242.

тивший посленаполеоновскую Европу.

Еще в 1811 г. Малиновский стал директором только что учрежденного Царскосельского лицея. Своему первому директору Лицей обязан водворившемуся в нем духу высокого просвещения и свободомыслия. Вряд ли мимо внимания воспитанников Лицея прошли его произведения, утверждавшие передовые идеи времени, их приложение к России. Тем более, что общение лицеистов первого набора со своим директором было далеким от формальной субординации; в его доме они проводили «часы досуга»[82].

Столь занимавшая Малиновского проблема «вечного мира» приковала к себе несколько позже внимание выпускника первого набора Царскосельского лицея. Интерес к ней А. С. Пушкина и собственная ее трактовка нашли свое выражение в его записке на французском языке «О вечном мире», относящейся к 1821 г., – отражение споров, происходивших в Кишеневе, в доме участника тайных обществ Михаила Орлова вокруг «Проекта вечного мира» Сен-Пьера. Текст Пушкина свидетельствует, что он был знаком с ним в изложении Ж.-Ж. Руссо, с его комментариями, сопровождавшими изданный им «Extrait du Projet» из произведения французского аббата, и с собственным трудом Руссо – «Суждение о вечном мире».

Как и Руссо, Пушкин разделяет вместе с Сен-Пьером осуждение войны: «Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стало ясно рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение – есть, пить и быть свободными». Пушкин допускает возможным, что «менее чем через 100 лет, не будет уже постоянной армии». Он сочувственно приводит рассуждения Руссо, что только сила может заставить королей пойти на союз народов, и что он до сих пор «не осуществляется, так как это может быть достигнуто лишь средствами жестокими и ужасными для человечества». Замечая, что Руссо ведет здесь речь о революции, и не снимая проблемы революции как радикального средства установления «вечного мира», признавая его соответствие интересам народа, Пушкин видит иной путь – путь конституционализма, противостоящий «принципу вооруженной силы»: «конституционная идея» «представляет шаг вперед человеческой мысли» и с ее победой связывается им конец во-

[82] *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – Л., 1989. – С. 250.

енного решения вопросов во взаимоотношениях народов.

В записке «О вечном мире» Пушкин как бы сводит воедино свое признание идеала «вечного мира» со способом его достижения, минуя революцию. В пункте «3» он писал, следуя замечаниям Руссо, учитывая их, и как бы полемизируя с ними: «Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала: у людей довольно других забот, и только ради этого они поставили себя под защиту законов»[83]. Правовые устои, гарантируемые конституцией, делают необязательным пускать в ход «ужасные средства», т. е. революционное насилие. Представляется близко приближенным к истинному смыслу позиции Пушкина в кишиневских спорах о «вечном мире» толкование, которое дала ей Ек. Орлова в письме к брату Н. Раевскому от 23 ноября 1821 г. Она писала: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек – вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия»[84].

Записка «О вечном мире», суть которой – размышления Пушкина о силовом воздействии на историю с вынесенной им инвективой волевым упражнениям «великих людей», представляется едва ли не первой фиксацией перелома в политическом сознании поэта, выражением того идейного кризиса, который переживали в это время и участники тайных политических обществ, и сам Пушкин. Выход из него поэта и будущих декабристов был прямо противоположным. Если опыт европейских революций начала 1820-х гг. и столь близко видные из Кишинева реалии греческого восстания под предводительством Ипсиланти, делавшими очевидными инертность народа, радикализировали тактику дворянских конспираторов, стимулировали переход к установке на военную революцию, то для Пушкина вопрос о роли народа в исторических катаклизмах

[83] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. – Т. VIII. – М.; Л., 1949. – С. 749.
[84] *Гершензон М. О.* История молодой России. – М., 1908. – С. 27–28.

стал ключевым в переходе от романтизма на позиции историзма. Написанные вскоре после размышлений о вечном мире, уже в Одессе, «Свободы сеятель пустынный», «Демон» (1823) знаменовали новый этап в его идейном самоопределении, решительный отход от претензий творить историю, при этом он выносит за одни скобки и «великие страсти», и «великие воинские таланты».

Пушкин больше не возвращался к теме «вечного мира» как таковой. Однако тема войны, ее историко-философское осмысление проходят через все его дальнейшее творчество, через его раздумья. Среди факторов, питавших их, были впечатления, вынесенные Пушкиным из пребывания на театре военных действий русско-турецкой войны и нашедшие свое выражение в стихотворении «Делибаш». Война резко им осуждается, а воюющие стороны уравниваются в их взаимной вражде и жестокости.

Вместе с тем, говоря об отношении Пушкина к проблеме насилия в ее реально-историческом выражении, нельзя пройти мимо позиции, занятой поэтом по отношению к польскому восстанию 1830–1831 гг. Она определилась отнюдь не спонтанно, не была только эмоциональной реакцией задетого национального чувства. В ней отразилась неоднозначность его представлений о правах России на завоеванные ею территории. Вслед за стихотворением «Делибаш» он пишет (оставшееся незавершенным) стихотворение «Опять увенчаны мы славой...», навеянное заключением Адрианопольского мира 2 сентября 1829 г. В нем прозвучали мотивы раннего творчества поэта с его воспеванием покорения Кавказа, доблести Ермолова. Присущее Пушкину имперское сознание возобладало в его восприятии польского восстания. Пафос стихотворений «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» (написано 5 сентября, сразу же по получении известия о взятии Варшавы) определило неприятие Пушкиным вмешательства чужеземцев в «домашний старый спор», в «сею семейную вражду», убеждение в незыблемости исторических интересов и государственных прав России. Приоритет этих ценностей отражал тот момент его идейного самоопределения, когда переход на позиции историзма, отказ от субъективизма во имя принципа «история всегда права» выдвигали на первый план государственное начало. В декабре 1830 г. выходит «Борис Годунов», где ставится вопрос о русской государственности. Он станет стержнем «Полтавы», «Медного всадника», «Арапа Петра Великого», «Истории Пугачева». Однако проходящая

через них идея великого Государства Российского была сопряжена для Пушкина с идеей самоценности личности, определившей утверждение поэта к концу жизни на позициях гуманистического просветительства, в равной мере противостоящей и державности, и революции.

Таким образом, во взглядах Пушкина на войну отражалось движение его мысли в общемировоззренческом плане, эволюция его историософских и политических взглядов.

Проблема войны и мира, оборачиваясь проблемой справедливых и несправедливых войн, глубоко занимала декабристов, переживших Отечественную войну 1812 г. и европейские походы 1813–1814 гг. Связь политики и войны преломлялась в размышлениях о завоевании народами свободы: будь то национально-освободительная война, или революционная борьба против собственных правителей. Такой подход усугублял неприятие идей Сен-Пьера, который был для них только наивным мечтателем.

Сильный импульс этой направленности дали революционные вспышки, прокатившиеся по югу Европы в 1820–1821 гг., – революции в Испании, Неаполе, Пьемонте. Греческое восстание, начавшееся в марте 1821 г., напрямую связывалось в декабристской среде с революционными преобразованиями внутри России. Война и революция выстраивались в один ряд: право народов на свое освобождение. Для многих из декабристов их отношению к войне были глубоко созвучны слова В. Ф. Вейса – швейцарского руссоиста, открыто вставшего в 1789 г. на защиту французской революции. Лицеист Вильгельм Кюхельбекер внес их в 1815 г. в свой словарь (свод сентенций на политические, философские и моральные темы). Они гласили: «Война прекрасная. Как благородна была бы война, предпринятая против деспотических правительств для того, чтобы освободить их рабов»[85]. Политическая доминанта интегрировала революцию и войны как безусловное благо.

Значительно сложнее отношение к войне одного из глубоких представителей декабристской политической мысли – Н. И. Тургенева (1789–1871). В его суждениях (они содержатся в готовившемся им к печати труде «Теория политики», 1820) отчетливо прослеживаются две струи. Одна, как бы общемировоззренческая, – гуманистическая, питаемая просветительскими идеями. Он видит в перспективе полный отказ человечества от войн: «...Когда искусство сражаться народами будет доведено до высшей степени совершенства, тогда совсем нельзя будет вести войны, и Государства невозможностию проливать кровь человеческую будут доведены до необходимости беречь ее? Неужели род человеческий всегда будет находиться в том диком младенчестве, в котором мы видим его по сию пору в том отношении? Неужели ум человеческий, сия искра Божества, не устыдится наконец напрягать свои усилия на успешнейшее истребление человеков? Неужели человек всегда останется врагом человеку?»[86] Как видим, его антимилитаризм питало и провидческое убеждение в гибельных для судеб человечества перспективах возрастания истребительной мощи вооружений.

Но когда Тургенев говорит как политик, как человек сегодняшнего дня, на поверхность выходит другая струя – государственный интерес, причудливо сочетающийся при этом с апелляцией к благу народа. «Война, – писал Тургенев, – справедлива и необходима тогда, когда Государство в опасности, и нет другого средства отвратить оную... Война, при всех ужасах и бедствиях, имеет выгодные действия. Дух народный, сила народная возрождаются посредством войны к новой жизни. Войною народы часто узнают права свои. Война, равно как и торговля, более способствует к распространению общей образованности, нежели учение. Народы знакомятся войною между собою...» В этих суждениях не только отзвуки восприятия русским обществом только что пережитой общеевропейской войны. Здесь явно очерчиваются и завязи имперского сознания в радикальном направлении русской мысли. Тургенев признает необходимость осуществленного Екатериной II включения Польши в состав Российской империи, чеканя при этом жесткую формулу имперского, националистического сознания: «Чувство к Отечеству должно быть в гражданине сильнее чувства к человечеству»[87].

Капитальное выражение эта имперская направленность леворадикальной мысли получила в масштабном плане социально-политического переустройства России, каким был конституцион-

---

[85] *Тынянов Ю.* Пушкин и Кюхельбекер // Литературное наследство. – Т. 16–18. – М., 1932. – С. 334.

[86] Архив братьев Тургеневых. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы. / Т. III. Под ред. и с прим. проф. Е. И. Тарасова. – Пг, 1921. – С. 392.

[87] Там же. – С. 396–397.

ный проект Павла Пестеля «Русская правда». «Русская Правда» содержит развернутое обоснование незыблемости имперских принципов российской государственности. Категорически отвергается сама возможность федерации в государственном устройстве послереволюционной России. Она провозглашалась «Государством единым и неразделимым» с безусловным правом на включение в состав империи ранее присоединенных народов – государств и национальных образований, а «земли с Россией смежные... надобно к России присоединить для твердого установления Государственной Безопасности»[88]. Вся первая глава конституции Пестеля – «О земельном пространстве», решение им национальных и внешнеполитических проблем, предстающее зеркальным отражением имперской сути русского самодержавия, воспринимается как скрытая полемика с Малиновским, со всей антиимперской заостренностью идей, развивавшихся им в «Рассуждении о мире и войне».

Реакцию на декабризм, отрицание любых насильственных действий – будь то революция или война – последовательно выразил близко соприкасавшийся в молодости с декабристами А. С. Хомяков (1804–1860). Еще в задуманной им в 1821 г., но не завершенной поэме «Вадим», посвященной событиям древней Новгородской вольности, антивоенные мотивы пронизывают трагическую окраску событий – скорбь и печаль по погибшим определяет ее эмоциональный настрой и идейно-этическую направленность[89]. В споре, происшедшем в 1823 г. на одном из собраний у К. Ф. Рылеева (1795–1826), Хомяков высказал свое резкое неприятие допустимости военной революции, насилия – во имя чего оно бы не совершалось. Позиция Хомякова была глубоко созвучна исканиям последекабристской мысли. Поэтому он оказался близок к кругу «любомудров» – объединению передовой дворянской интеллигенции, ориентированной не на политическую конфронтацию с правительством, а на осмысление глубинных пластов духовного бытия общества, народа, самой России, судеб мировой цивилизации. Просвещение рассматривалось как основополагающее начало движения народов в целом, и России в том числе, по пути прогресса, к осоз-

[88] *Пестель П.* Русская правда. – М., 1993. – С. 115.

[89] См.: *Егоров Б. Ф.* А. С. Хомяков – литературный критик и публицист // Хомяков А. С. О старом и новом. – М., 1998.

нанным национальным целям. С этой точки зрения не война, а мирная производительная деятельность, проясненная просвещением, представала как средство и стимул к утверждению национальных интересов: она «рождает торговлю и промышленность, которые мирными отношениями сгоняют с лица земли дух кровожадной войны, и соединяют золотым поясом рассеянные народы в одно дружелюбное семейство»[90]. Так утверждал орган «любомудров» – лучший литературно-теоретический журнал своего времени «Московский вестник».

Однако именно Хомяков с наибольшей глубиной сформулировал и развил этот принципиально иной по сравнению с декабристами подход к проблеме войны, которая была заявлена «любомудрами». В сочинении, фиксирующем выступление славянофильства как определившегося направления общественной мысли, – записке «О старом и новом» (1839) – проблема войны оказывается вписанной в ее общемировоззренческую ткань как органическое слагаемое, рассматривается в контексте основополагающих для Хомякова идей, которыми были для него религия, христианство и духовная миссия России по отношению к европейским народам. Именно с ненасильственным началом русской истории Хомяков связывал преимущество своей страны перед Западом: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщенья»[91]. Эти изначальные «инстинкты души русской» были в дальнейшем «образованы и облагорожены христианством», «произвели все хорошее, чем мы можем гордиться: ...мирное направление политики, провозглашение закона Христа и правды как единственных законов, на которых должны основаться жизнь народов и их взаимные сношения»[92]. Христианство для Хомякова нерасторжимо с Просвещением, которое понималось не только как распространение знаний, но, в первую очередь, в его духовном наполнении.

Суждения Хомякова о русском народе соотнесены с его общеисториософским видением истории человечества, которое он развертывает в своих широкомасштабных «Записках о всемирной ис-

[90] Московский вестник. – 1828. – Ч. II. – № XVII. – С. 159.

[91] *Хомяков А. С.* Соч. – Т. III. – М., 1914. – С. 28.

[92] Там же. – С. 19–20.

тории» – «Семирамиде» (труд остался незавершенным). В основе построения Хомякова – идея изначального разделения человечества на две антиномичные стихии: «народы завоеватели» и «народы земледельческие». Это два противоположных духовных «начала» – начало стихии «завоевательной» олицетворено кушитством, «земледельческое» – иранством. История у Хомякова – «своеобразная реализация драматических конфликтов», где в лице кушитства – необходимость, в то время как символ веры иранства – свободно творящая личность. Необходимость враждебна духовной свободе – она должна быть абсолютной[93].

И хотя в историософии Хомякова насилие, завоевание объективно присущие миру реальности, они ущербны, поскольку им противостоит безусловный смысл бытия человечества – благо мира. Оно мыслится Хомяковым как имманентное и всеобщее начало, пронизывающее его существование: «В нас живет желание человеческого сочувствия; в нас беспрестанно говорит теплое участие к судьбе нашей иноземной братии, к ее страданьям, так же как к ее успехам; к ее надеждам, так же как к ея славе»[94]. Стремление к благу мира есть выражение любви, предстающей в философии Хомякова как высшая мировая сила. «Любовь есть тот высший закон, которым должны определяться отношения человека к человеку вообще или лица разумного ко всему роду своему»[95]. Так писал Хомяков в статье, посвященной памяти Ивана Киреевского.

Любовь в историософии Хомякова ключ к решению человечеством проблем своего общежития: «Там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода»[96]. А отсюда универсальный нравственный закон: «Народ порабощенный впитывает в себя много злых начал: душа падает под тяжестью оков, связывающих тело, и не может уже развивать мысли истинно человеческой. Но господство – еще худший наставник, чем рабство, и глубокий разврат победителей мстит за несчастие побежденных. Этот закон важен для истории...»[97] Так русский мыслитель формирует нравственный закон, императив, управляющий судьбами человечества. Он

[93] См.: *Кошелев В. А.* Парадоксы Хомякова // Хомяков А. С. Соч. В 2 т. – Т. 1. – М., 1994.

[94] *Хомяков А. С.* Соч. – Т. I. – М., 1911. – С. 3–4.

[95] Там же. – С. 249.

[96] Там же. – Т. III. – С. 28.

[97] *Хомяков А. С.* Соч. В 2 т. – Т. 1. – С. 117.

уповал, что «придет время, когда человечество, мужая разумом и образованностью, признает одни начала высшей истины»[98].

Свой широкий гуманистический подход к человечеству, обладающему, как он подчеркивал, единой духовной сущностью, Хомяков сочетал с глубоко присущим ему национальным чувством. Однако лишенное национального эгоизма и самодовольства, оно сочеталось с безусловным уважением «всякой народности», «всякого глубокого и истинного чувства, возникшего из исторической жизни»[99]. Данное Хомяковым историко-философское обоснование русской национально-религиозной идеи, духовного превосходства России над Западом не снижало его общечеловеческой устремленности, безусловного признания приоритетов идеалов братства, хотя и несло отпечаток идеализации русской духовности. Так, например, он писал: «русский смотрит на все народы, замежеванные в бесконечные границы Северного царства, как на братьев своих... Мы будем, как всегда и были, демократами среди прочих семейств Европы; мы будем представителями чисто человеческого начала, благославляющего всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное»[100].

Утверждение принципа истинности национального чувства всякого народа определило отношение Хомякова к войнам, в которых он различал святую войну за родину от неправой войны завоевателя. В его поэтическом творчестве подчас прорывалось чувство горячего сопереживания «кровавым сраженьям» и не менее страстное их отвержение: «Да будут прокляты сраженья...» Именно этим чувством проникнуто его обращение к отечеству в стихотворении «России»: «Бесплоден всякий дух гордыни, / Не верно злато, сталь хрупка, / Но крепок ясный мир святыни, / Сильна молящихся рука! / <...> Хранить племен святое братство, / Любви живительный сосуд, / И веры пламенной богатство, / И правду, и бескровный суд»[101].

Эти истины и этот призыв универсальны для Хомякова по отношению ко всему человечеству: «Ни могущества, ни силы / Нет величия под луной!», – писал он в стихотворении «На перенесение Наполеонова праха». Признавая войну в некоторых случаях не-

[98] *Хомяков А. С.* Соч. – Т. V. – М, 1900. – С. 19.

[99] Там же. – Т. III. – С. 366.

[100] Там же. – Т. V. – С. 107.

[101] *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. – Л., 1969. – С. 111.

обходимой, он видел в ней безусловное зло: «...Война и завоевание, этот итог бесконечных убийств, безстрастных и бескорыстных, это исполинское преступление всех законов человеческих, эта мерзость, сопряженная с очаровательным величием и соблазном себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей»[102].

В размышлениях о всемирной истории, исходя из своей историософии, покоящейся на идее извечной борьбы духовного и материального, Хомяков ставил войну в ряд разрушительных сил, сокрушающих человеческое братство, противное началам духовности. Как и славянофильство в целом, миротворческая идея в историософии Хомякова, произрастая на почве общеевропейской культуры, обретает свою яркую национальную наполненность, ставящую ее в ряд значительнейших явлений в обретении идеала любви и содружества.

Идея «мира без войны», «вечного мира», рожденная эпохами Возрождения и Просвещения, стала органичной для русского общественного сознания, включенного «революцией» Петра I в общеевропейский культурный процесс. Гуманистический пафос идеи ненасилия отчетливо просматривается как составляющая в движении русской мысли, чутко улавливавшей в ней сопряженность миротворчества как принципа межгосударственных отношений с Миром социальным и политическим. Именно данное обстоятельство определило, в первую очередь, национальный облик миротворческой идеи в ее российском выражении. Ее нравственно-этическое наполнение сочетало (в разных соотношениях) элементы просветительской философии с традициями национального, религиозного сознания. В смысле социально-политической наполненности она с особой отчетливостью была заострена на проблемах внутреннего, социального мира.

В движении миротворческой идеи в России просматриваются основные этапы истории различных общественно-политических направлений от середины XVIII до середины XIX в.: русского просвещения, либерализма, зарождения радикальной традиции. Над ней размышляют те, кто определил облик русской культуры до ее сегодняшних дней – Карамзин и Пушкин, она вписывается в историософские построения самобытных мыслителей, таких как Хомяков. Она получает развитие в своем общесоциологическом и фило-

[102] *Хомяков А. С.* Соч. – Т. III. – С. 336.

софском наполнении и в решении вопросов войны и мира в их сочлененности с решением проблем российской действительности.

Идея миротворчества никогда не иссякала в русской общественной мыли. Вместе с тем, если иметь в виду ее радикальное направление, то в нем возникают, и чем далее, тем больше набирают силу, начала, присутствовавшие у декабристов: вопрос о войне и мире всецело подчиняется задачам социально-политическим, решается исключительно с позиций революционного преобразования общества. Животворное воздействие общегуманистических ценностей, питавшихся христианством и идеями Просвещения, оттесняется убежденностью в абсолютной истинности насилия как универсального средства прогресса человечества.

Первая четверть XIX в. в истории русской военной мысли характерна также возникновением военно-исторической науки, закладыванием основ военной педагогики, теории военно-инженерного дела, организации тыла и снабжения, управления войсками.

Время после подавления восстания декабристов в истории Российской империи характеризуется как один из сложных, драматических периодов. В отечественной историографии его часто называют периодом политической реакции, застоя. Многие стороны общественно-государственной деятельности, экономики находились тогда в стагнации. Это, естественно, отразилось и на отечественной научной мысли, в том числе и на военной науке. Поражение России в Крымской войне (1853–1856) явилось наглядным выражением кризиса в военном деле. Вместе с тем военная наука в определенном отношении все же не стояла на месте, а развивалась.

В 1832 г. в России была основана Императорская Военная академия (с 1855 г. Николаевская академия Генерального штаба), в которой спустя год образовали кафедру стратегии, истории военных походов и военной литературы. В лекциях и пособиях по истории военной литературы слушателям давались сведения о стратегических взглядах, принципах, правилах, разработанных выдающимися военными деятелями и мыслителями прошлого, что оказало положительное влияние на развитие отечественной военной науки и совершенствование исторического метода исследования в военной области.

В академии широко обсуждались важнейшие вопросы военного дела, ее ученые создали труды и руководства по стратегии, тактике, военной истории. В стенах академии в разное время труди-

лись видные представители отечественной военной науки, к работе в ней был привлечен, можно сказать, весь цвет русской военной интеллигенции. Популярность академии в стране и армии была очень велика.

Крупным коллективным достижением отечественной военно-теоретической мысли середины XIX в. стал «Военный энциклопедический лексикон», первый том которого вышел в 1837 г., а последний – 14-й – в 1852-м (значимость этой работы была столь высока, что в 1852–1858 гг. вышло второе ее издание). Лексикон носил характер справочника, но в его статьях, как правило, излагались взгляды на современные события боевой практики и факты военной истории, отражавшие уровень военной теории того времени.

В конце 30-х и в 40-е годы XIX в. появились труды Н. В. Медема (1796–1870), П. А. Языкова, Ф. И. Горемыкина (1839–1917), Н. Д. Неелова[103], в которых решительно отстаивалась необходимость дальнейшей разработки военной теории, подчеркивалось ее большое значение для боевой практики. Авторы пытались определить методологические принципы изучения военных явлений; подвергали критике взгляды западноевропейских теоретиков на принципы ведения войны и боевых действий, как раз и навсегда данные, неизменные и вечные. В частности, Н. В. Медем указывал на связь между войной, политикой и стратегией, подчеркивал, что политика влияет не только на общий план войны, но и на «частные стратегические соображения». Он рассматривал стратегию как часть военной науки, имеющую свою специфику. В задачи стратегии Медем включал: определение целей войны, сил и средств вооруженной борьбы, необходимых для их достижения; выбор способа военных действий; разработку и осуществление мероприятий по повышению нравственного состояния войск и их материальному обеспечению.

Н. В. Медем, П. А. Языков, Ф. И. Горемыкин в своих работах выдвинули тезис о решающей роли оружия в деле становления способа ведения боевых действий (войны) и сделали вывод, что само развитие форм и способов ведения войны и боя находится в прямой

[103] *Медем Н. В.* Обозрение известнейших правил и систем стратегии. – СПб, 1836; *Языков П. А.* Опыт теории стратегии. – СПб, 1842; *Горемыкин Ф. И.* Руководство к изучению тактики в начальных ее основаниях и практическом применении. – СПб, 1849; *Неелов Н. Д.* Очерк современного состояния стратегии. – СПб, 1849.

зависимости от изменения средств вооруженной борьбы. Они смотрели на военное дело гораздо шире и глубже, чем многие военные теоретики Запада. «Я не видел причины, – писал, например, генерал Языков, – почему мы, русские, должны повторять только то, что сказано писателями иностранными. Не положено в законах природы, чтобы идеи новые и открытия в науках должны непременно следовать от Запада к Востоку. Они могут принять и обратный путь»[104].

Именно русским военным теоретикам в тот период удалось в общих чертах определить рамки и предмет, примерный объем военной науки, сформулировать понятия стратегии и тактики как самостоятельных областей военных знаний, дать характеристику некоторым их категориям, выявить определяющие факторы в совершенствовании способов ведения войны и боя.

В развитие русской военно-теоретической мысли во второй половине XIX в. заметный вклад внесли А. И. Астафьев (1816–1863), Д. А. Милютин (1816–1912), Г. А. Леер (1829–1904), А. Н. Петров (1837–1900), М. И. Драгомиров (1830–1905), Г. И. Бутаков (1820–1882) и др. Они смело отбрасывали отжившие теоретические концепции и выдвигали новые; настойчиво преодолевали косность и рутину, царившие в официальных военных кругах. Так, генерал А. И. Астафьев в трактате «О современном военном искусстве» (1856–1861) отстаивал решительные формы ведения войны и боя, пропагандировал полководческое искусство Петра I, П. А. Румянцева и А. В. Суворова[105], утверждал, что на развитие военного дела влияет не только военная техника, но и общественный строй, который определяет моральный фактор. Отталкиваясь от опыта неудачной для России Крымской войны, А. И. Астафьев, как и Д. А. Милютин, поставил вопрос о необходимости радикальной перестройки всей военной государственной системы. Он доказывал, что понятие «военная наука» значительно шире, чем понятие «военное искусство», подразумевая под первым широкие теоретические познания,

[104] *Языков П. А.* Опыт теории военной географии. – СПб, 1838. – Ч. 1. – С. 10.

[105] Характерно, что именно А. И. Астафьев в 1856 г., вопреки установившимся академическим понятиям, согласно которым в России не было военачальников, заслуживающих быть в одном ряду с великими полководцами мира, впервые на страницах печати назвал А. В. Суворова «великим полководцем». См.: *Астафьев А. И.* Воспоминания о Суворове. – СПб, 1856. – С. 25. К числу великих полководцев Астафьев отнес также Дмитрия Донского, Петра I и П. А. Румянцева.

относящиеся к ведению войны, военным действиям, достижению победы, развитию военного дела в целом, подготовке войск.

Что касается Д. А. Милютина, то он в конце 1840-х гг. высказал интересные мысли о взаимосвязи и взаимозависимости военной теории и боевой практики. Будущий разработчик новых основ военного строительства и руководитель военных реформ I860–1870-х гг. в России, генерал-фельдмаршал (1898) Милютин утверждал, что только та теория достоверна, которая опирается на опыт и проверяется фактами[106]. Он подчеркивал, что на ход и исход войны влияют политические, нравственные факторы и материальные средства, без которых немыслимо ведение войны. Заслуживают внимания высказывания Милютина о связи военной науки «с науками политическими», которые должны лежать, по его мнению, в основе всех наук, в том числе и военной.

Значительный вклад в военно-теоретическую мысль последней четверти XIX в. внес генерал Г. А. Леер. Его труды[107] пользовались большой известностью не только в России, но и на Западе. В них Леер стремился обобщить опыт войн XIX столетия, исследовать современную ему боевую практику, показать, какое влияние на ведение войны и боя оказывали массовые армии, нарезное оружие, железные дороги и телеграф. Леер внес свою лепту в развитие общих проблем военной теории и в стратегию. Многие страницы своих произведений он посвятил обоснованию предмета и содержания военной науки. Леер доказывал наличие самостоятельной военной науки и ее объективных законов. Предмет военной науки он сводил к теории военного искусства, а точнее, к его высшей области – теории стратегии.

Последнюю Леер рассматривал с двух точек зрения. В широком смысле стратегия понималась им как всеобъемлющая военная наука, как «синтез, интеграция всего военного дела, его обобщение, его философия»[108]. В более узком, прикладном значении – это учение «об операциях на ТВД». Основное внимание Леер уделил ис-

[106] См.: *Милютин Д. А.* Первые опыты военной статистики. – СПб, 1847. – С. 10.

[107] Прикладная тактика: В 2 т. – СПб, 1877–1880; Записки стратегии. Вып. 1–2. – СПб, 1877–1880; Метод военных наук. – СПб, 1894; Коренные вопросы. – СПб, 1897; Стратегия: В 2 ч. 5-е изд. – СПб, 1893–1898 и др.

[108] *Леер Г. А.* Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). – СПб, 1871. – С. 3, 4.

следованию стратегии во втором значении. Обобщив и проанализировав накопившийся в течение XIX в. опыт подготовки к войне и боевых действий крупных войсковых масс, он обосновал возникновение в военном искусстве качественно нового явления – стратегической операции, положив начало разработке ее теории. Одновременно этот теоретик ошибочно считал, что в основе теории стратегии лежат вечные и неизменные законы и принципы военного искусства, на которые не влияют изменения ни средств борьбы, ни общественных отношений.

В отличие от «академиста» Г. А. Леера, представитель русской военной школы генерал А. Н. Петров в исследовании «К вопросам стратегии (критический очерк)» доказывал, что «сущность стратегии как высшего военного искусства состоит в правильном сочетании условий силы (физической, нравственной и умственной), места и времени (своевременности)»[109]. «Цель науки, – писал Петров, – собрать материал и вывести из него законы... Добытые путем открытий законы, известным образом систематизированные, составляют науку в чистом значении этого слова»[110]. Он пытался установить различия между военной наукой, военной теорией и военным искусством. «Первая вырабатывает законы, – считал А. Н. Петров, – вторая изучает их различные свойства, а последнее применяет их к данному случаю»[111]. Это утверждение свидетельствует, что автор, в отличие от тех, кто смешивал военную науку с военным искусством, впал в другую крайность: он механически разрывал то, что в действительности органически связано.

Законодателем в области теоретической разработки новой тактики – тактики стрелковых цепей, пришедшей на смену отжившей свой век тактике колонн и рассыпного строя, был генерал М. И. Драгомиров. Его основная работа «Учебник тактики» вышла в 1879 г., а через два года была уже переиздана. В ней Драгомиров доказывал, что введение стрелковых цепей по-новому ставит вопрос о боевых порядках и подготовке войск, требовал отказаться от механического исполнения уставных требований и воспитывать у бойцов и командиров творческую инициативу.

Драгомиров резко критиковал представителей академической

[109] *Петров А. Н.* К вопросам стратегии (критический очерк). – СПб, 1898. – С. 4.

[110] Там же. – С. 105, 107.

[111] Там же. – С. 108, 109.

школы за их примитивизм, выражавшийся в том, что все многообразие способов и форм вооруженной борьбы они упорно сводили к абстрактной схеме неких «вечных принципов», «типовых норм», «рациональных и точных правил» и т. д. Хотя Драгомиров отрицал существование военной науки как самостоятельной отрасли общественных наук, он, тем не менее, разработал, обосновал и рекомендовал наиболее рациональные в тех исторических условиях формы, способы и методы обучения и воспитания войск.

Во второй половине XIX в. в России активизировалась также военно-морская теоретическая мысль. Увидели свет исследования С. И. Елагина (1824–1868), Ф. Ф. Веселаго (1817–1895), В. Ф. Головачева (1821–1904), Е. И. Аренса (1856–1931) и др. Однако наиболее существенный вклад в разработку теории стратегического использования российского флота внес вице-адмирал И. Ф. Лихачев (1826–1907)[112], а приоритет в исследовании проблем морской тактики принадлежал адмиралу Г. И. Бутакову, который первым в России разработал основы новой для своего времени тактики парового броненосного флота, в том числе способы маневрирования эскадры в различных боевых строях[113].

На рубеже XIX–XX вв. отмечается новый этап оживления отечественной военно-теоретической мысли, особенно после поражения России в Русско-японской войне (1904–1905), показавшее, насколько опасно игнорирование достижений военной науки, отставание в ее развитии. Разработка проблем военной науки в этот период сосредоточивалась в Генеральном и Главном штабах, в специальных комитетах по устройству и образованию войск. Ведущим же военно-научным центром, исследовавшим вопросы ведения войны и боевых действий, являлась Николаевская академия Генерального штаба (с 1909 г. Императорская Николаевская военная академия). Большое значение в деле развития военной теории имели также военно-научные общества, прежде всего «Общество ревнителей военных знаний» и «Императорское Русское военно-историческое общество». Широко обсуждались такие коренные проблемы военного дела, как происхождение и сущность войн, их роль в развитии общества; характер и продолжительность возможной будущей войны; роль экономического и морального факторов в достижении победы на войне. Значительное внимание уделялось изучению вопросов мобилизации, сосредоточения и стратегического развертывания вооруженных сил; определению роли и состава стратегических резервов, важнейшего театра военных действий, способов разгрома многомиллионной армии противника. Делались попытки разработать основы коалиционной стратегии, уточнялись основные стратегические понятия и термины. Продолжалась и дискуссия о том, что такое военная наука, каковы объект ее исследования и содержание. В ней участвовали многие видные военные исследователи: Е. И. Мартынов (1864–1937), В. Е. Борисов, Н. А. Корф (1834–1883), Н. А. Орлов (1827–1885), А. А. Незнамов (1872–1928), А. Г. Елчанинов и др.

Четкую формулировку понятия «предмет военной науки» попытался дать генерал Н. П. Михневич (1849–1927) – наиболее крупный военный теоретик начала XX в., яркий представитель русской военной школы, перу которого принадлежат более 30 работ по различным вопросам военной теории. Михневич выдвинул тезис об эволюции военного дела, подверг пересмотру многие давно сложившиеся военно-теоретические взгляды. Им были осмыслены новые явления военного дела в эпоху империализма.

Он утверждал, что военная наука является одним из отделов социологии, поэтому рассматривал ее не изолированно от общественной жизни, а в связи с ней. Задачей военной науки Михневич считал отыскание закономерностей вооруженной борьбы, принципов военного искусства и способов их применения. В отличие от Г. А. Леера, Н. П. Михневич утверждал, что стратегия – лишь часть военной науки, выдвинул идею о зависимости стратегии не только от внешней, но и от внутренней политики, а также от политического строя государства и его экономики. Он разработал многие вопросы, связанные с планированием войны и кампаний, мобилизацией и сосредоточением армий, проанализировал новые формы и способы ведения войны, возможный характер ее начального периода и др.

Другой видный военный теоретик, профессор Николаевской

[112] И. Ф. Лихачев научно обосновал необходимость содержания сил российского флота одновременно на Балтике, в Черном море и на Тихом океане, доказывал целесообразность создания в России Морского Генерального штаба как органа планирования войны на море, справедливо утверждал, что в морских сражениях «фундаментальные принципы военного искусства те же самые, как на суше», а «в основании военной науки в обоих случаях» лежат общие «теоретические истины». См.: Морской сборник. – 1912. – № 11. – С. 6, 48.

[113] См.: *Бутаков Г. И.* Новые основания пароходной тактики. – СПб, 1863.

академии Генерального штаба генерал А. А. Незнамов в своих трудах[114] горячо выступал за установление единых взглядов на ведение войны и боя, за необходимость разработки военной доктрины как «единой военной школы», стремился сформулировать ее принципиальные положения. О единой военной доктрине впервые заговорили после Русско-японской войны. В 1910–1912 гг. в военной печати, особенно в газете «Русский инвалид», развернулась бурная дискуссия (Журнал опубликовал 21 статью различных авторов)[115]. А. А. Незнамов, как и его единомышленники генералы В. Е. Борисов, А. Г. Елчанинов и другие, ратовал за создание такой военной доктрины, которая бы учитывала и предусматривала широкую подготовку государства, армии и народа к конкретной предстоящей войне (основы подобной подготовки А. А. Незнамов изложил в работе «План войны»). Незнамову принадлежит также большая заслуга в дальнейшем развитии идей об операции. В труде «Современная война» он поставил своей задачей дать представление о полевых операциях армий в условиях большой европейской войны, где одним из первых нарисовал более или менее систематизированную картину организации и ведения армейских операций как нового явления в военном искусстве. Как и Н. П. Михневич, А. А. Незнамов утверждал, что в будущем операции станут вестись не только одной армией, но и группой армий, каждая из которых может включать в себя от 2 до 4 армий. В связи с этим им ставился вопрос о необходимости введения промежуточной управленческой инстанции между главнокомандующим на ТВД и командармами в виде полевого управления группы армий или фронта. За создание с началом войны фронтов выступали в своих трудах и другие теоретики, в частности генерал А. Г. Елчанинов.

В рассматриваемый период разработка вопросов военно-морского искусства, в том числе броненосного флота, была связана с именем адмирала С. О. Макарова (1848–1904). Теоретическое и практическое наследие последнего оказало огромное влияние на строительство и боевую подготовку военно-морских сил России конца XIX – начала XX в. Адмирал указывал на взаимосвязь раз-

[114] Из опыта русско-японской войны. – СПб, 1909; Оборонительная война. – СПб, 1909; Современная война. Действия полевой армии. – СПб, 1911; План войны. – СПб, 1913 и др.

[115] См.: Российский военный сборник. – М.: Изд. Гуманитарной академии ВС, 1994. Вып. 5. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов.

личных отраслей военного и военно-морского искусства, но на первое место ставил стратегию. Он никогда не рассматривал флот обособленно, а считал его составной частью вооруженных сил страны. В изданном в 1897 г. труде «Рассуждения по вопросам морской тактики», посвященном основам ведения эскадренного боя кораблями броненосного флота, С. О. Макаров высказал мысль о необходимости разработки общих согласованных стратегических планов с учетом взаимодействия армии и флота. Он решительно отвергал чисто «морскую стратегию» А. Мэхэна и Ф. Коломба и доказывал, что стратегия, в смысле определения целей, должна быть единой, приемы же достижения этих целей могут быть различны. За единство стратегии выступал и другой русский военно-морской теоретик и историк генерал Н. Л. Кладо (1862–1919).

В 80–90-х гг. XIX в., а также в начале XX в. в России были осуществлены два военно-энциклопедических издания: «Энциклопедия военных и морских наук» (под редакцией Г. А. Леера) и «Военная энциклопедия»[116], обобщавшие имевшиеся к тому времени сведения по различным отраслям теории и практики военного дела. В частности, было дано определение военной науки, сформулирован ее предмет исследования, раскрывались некоторые принципы военного искусства. «Военная наука, – говорилось в энциклопедии, – занимается всесторонним исследованием войны. Она изучает: 1) явления в жизни обществ и 2) силы, средства и способы для ведения борьбы. Первая область исследования входит в социальную динамику, вторая – технически военная, теория военного искусства[117].

Ввиду сложности военного дела изучение его, согласно Военной энциклопедии, распадалось на целый ряд специальных исследований, составлявших задачу второстепенных (конкретных) военных наук. К ним относились военная администрация, тактика, артиллерия, фортификация, военная топография, военная статистика, военная политика, военная история, история военного искусства, военная психология и другие. Окончательное же обобщение результатов исследований являлось, как считал автор статьи «Военная наука» Н. П. Михневич, прерогативой стратегии, стре-

[116] Начавшаяся Первая мировая война не позволила полностью осуществить издание Военной энциклопедии. В 1911–1915 гг. увидели свет только 18 томов (36 полутомов).

[117] Военная энциклопедия. – СПб, 1912. – Т. VI. – С. 476.

мящейся выработать рациональную теорию искусства ведения войны[118].

Приведенные энциклопедические формулировки позволяют судить, что военным деятелям и теоретикам России второй половины XIX – начала XX в. не удалось все же создать целостной общей теории военной науки. И нельзя не согласиться с выводом, сделанным в конце XIX столетия генералом Н. А. Корфом, который справедливо писал: «Современная теория военного дела распадается на обширный ряд «военных наук», не имеющих вовсе или почти не имеющих связи между собой; подобно рою пчел, каждая из них несет свою лепту, не зная общей цели и только инстинктивно объединяя свою деятельность с деятельностью других»[119].

Как видим, трудами военных ученых была создана многочисленная и разнообразная литература. В ней освещались важнейшие проблемы военной науки, особенно те, которые относились к способам и формам ведения войны и военных действий. Глубоко изучался военно-исторический опыт. Необычайно расширились объем и содержание военной науки. Помимо стратегии, тактики и военной истории успешно развивались и специальные ее отрасли – военная педагогика, военная география (как часть стратегии), военная администрация, военная статистика и другие. Совершенствовались метод и методика научных исследований. Прогрессивные русские военные теоретики исходили из признания выдающейся роли военной науки в практической деятельности по строительству армии и флота и их использованию в вооруженной борьбе.

На рубеже XIX–XX вв. отечественная военно-теоретическая мысль в целом правильно подошла к оценке характера будущей войны, вероятного влияния на ее ход и исход изменившихся социально-политических условий и технико-экономических возможностей. Она смогла предугадать процесс расширения полей сражений, увеличения напряженности и длительности вооруженной борьбы, возросшие трудности руководства массовыми армиями на ТВД и др.

Наследие отечественной военной науки рассматриваемого пе-

[118] Там же. – С. 478.

[119] *Корф Н. А.* Общее введение в стратегию, понимаемую в обширном смысле. – СПб, 1897. – С. 13.

риода весьма значительно. Но не все в этом наследии равноценно. Наименее разработанной частью остались общие проблемы (основы) военной науки, а также проблемы, связанные с выяснением происхождения войны и армии, их социальной природы и роли в общественном развитии, связей и взаимодействия войны и политики, войны и экономики. Виной тому – недостаточно разработанная еще в то время методологическая база исследования.

К разработке теории понимания сущности войны, мира и армии в XIX – начале XX века активно обращаются не только военачальники, военные мыслители, но и русские политики, политологи, социологи и философы. Среди них видное место занимают имена А. С. Хомякова, Б. Н. Чичерина (1828–1904), М. И. Туган-Барановского (1865–1919), П. Б. Струве (1870–1944), русских либералов.

А. С. Хомяков – философ, историк, социолог, экономист, лингвист, педагог, богослов, эстетик, вся эта творческая деятельность успешно совмещалась им. Кроме того, он не лишен был поэтического и художественного дара, что отразилось в его драматургии, художественной и литературной критике, иконописи и живописи.

А. С. Хомяков принадлежал к тому поколению русской интеллигенции, уделом которой в 40-е годы XIX в. было идейное осмысление путей развития России, ее роли во всемирной истории. Этот период во многом предопределил весь последующий ход развития отечественной социально-политической мысли. «Тридцатые и сороковые годы, – считал Г. В. Плеханов, – являются у нас фокусом, в котором сходятся, из которого расходятся все течения русской общественной мысли. Понимание этой эпохи безусловно необходимо»[120]. Всякая эпоха несет на себе печать личности, во многом определявшей ее содержание. Так, 40-е годы XIX в. были названы Ю. Ф. Самариным эпохой Хомякова, который после смерти А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова был одним из наиболее глубоких мыслителей своего времени[121].

Вершиной социально-политических взглядов А. С. Хомякова является социальный идеал, а ее основанием служат его религиозная и социологическая концепции. Исходя из классификации типов

[120] *Плеханов Г. В.* Соч. – М.; Л., 1925. – Т. 23. – С. 29.

[121] *Попов А. А.* Социально-политические воззрения А. С. Хомякова // Социально-политические науки. – 1992. – № 4–5. – С. 71.

обоснования социального идеала, мировоззрение А. С. Хомякова носит ярко выраженный религиозный характер. Чтобы понять методологические особенности учения славянофилов, необходимо затронуть вопрос о соотношении веры и философии. Как некий баланс важнейшему тезису А. С. Хомякова о том, что «вера есть крайний предел человеческого знания»[122].

Его перу принадлежит и идея современного осмысления проблем национальной безопасности и национальной угрозы России.

Для России и ее народа, по его мнению, желание стать самым «богатым, или самым грамотным, или даже самым умственно-развитым» не будет иметь должного успеха, не найдет всенародного сочувствия. «России надобно быть или самым нравственным, т. е. самым христианским из всех человеческих обществ, или ничем; но ей легче вовсе не быть, чем быть ничем»[123]. Подобная постановка вопроса во многом стала основой для разработки так называемой русской идеи.

А. С. Хомяков выделял три основные группы противоречий между Востоком и Западом; религиозные, общественные и экономические. Специфика двух последних групп заключается в следующем. На Западе, с точки зрения А. С. Хомякова, развит дух разъединения, идет постоянная борьба партий и группировок за свои интересы и власть. В России он находит мир и согласие всех народов, что свидетельствует, по его мнению, о цельности и единстве всего общества. Объяснял эти различия А. С. Хомяков тем, что страны на Западе сложились в результате завоевания и насилия, а Россия образовалась путем добровольного согласия на объединение всех ее народов. Основу экономических противоречий славянофилы видели в характере форм собственности: на Западе – господство частной собственности, а в России – преобладание общинной.

А. С. Хомяков придерживался мнения, что развитие российского общества должно происходить в процессе эволюции, полностью исключая всякое насилие. Революция рассматривалась им как голое отрицание, не имеющее никакого позитивного содержания. В то же время он признавал ее возможность при наличии объективных предпосылок. «Всякая революция, – писал он, – в себе предпо-

[122] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. – М., 1900. – Т. 6. – С. 251.
[123] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. – М., 1914. – Т. 3. – С. 337.

лагает предшествующее беззаконие. Взрыв страсти тем сильнее, чем ужаснее было иго, против которого она восстает... Преступление против гражданственности объясняется преступлением против человечества»[124].

Эти взгляды А. С. Хомякова отразили подъем русского национального самосознания первой половины XIX в. Они положили начало традиции «кающегося дворянина», столь характерной для российской интеллигенции прошлого столетия. Все это дало основание Н. А. Бердяеву увидеть в славянофилах основателей народничества, представители которого идеализировали простой народ, наделяя его тайной жизни, недоступной другим сословиям.

Б. Н. Чичерина можно по праву назвать русским Макиавелли. В истории политической мысли в России ему суждено было сделать то же, что великому флорентийцу – во всемирном масштабе. В творчестве Чичерина мы находим решительный переход в русской политической мысли от монополии политической философии к становлению политической науки. Чичерин – первый русский политолог, и именно в силу этого он еще и юрист, экономист, философ, социолог.

Об этом лучше всего свидетельствуют его фундаментальные произведения: пятитомная «История политических учений» (1869–1902), двухтомник «Собственность и государство» (1882–1883), докторская диссертация, озаглавленная «О народном представительстве» (1866), трехтомный «Курс государственной науки» (1894–1898) и др. Политическая жизнь общества рассматривается в этих трудах как самостоятельная область научного поиска. Подобно Макиавелли, Чичерин бескомпромиссно отделяет политику от религии и морали. Он анализирует расстановку политических сил и динамику социальных и политических интересов, рассматривает способы политического воздействия, пытается определить роль личности в политике, выделяет проблемы национальной политики и все это концентрирует вокруг основы своих теоретических построений – феномена государства. Отказавшись от односторонности правоведческого подхода и рассматривая государство в единстве философского, юридического и социологического аспектов, Чичерин формировал – пусть пока в метафизических (а конкретно в неогегельянских) рамках – чисто политологический

[124] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. – М., 1904. – Т. 5. – С. 115.

подход. Формы правления и национально-государственное устройство; взаимоотношения государства с семьей, церковью и гражданским обществом; влияние партийной политики на политику государственную – эти и многие другие проблемы не ускользнули от внимательного анализа ученого[125].

Политическую мысль Чичерина вообще и понимание им феномена государства в частности невозможно рассматривать без учета его правого гегельянства и особенностей либерализма. На это, в частности, указывал Н. А. Бердяев: «Он был ненавистником социализма, который соответствовал русским исканиям правды. Это был редкий в России государственник, очень отличный в этом и от славянофилов, и от левых западников... Он принимает империю, но хочет, чтобы она была культурной и впитала в себя либеральные правовые элементы. По Чичерину можно изучать дух, противоположный русской идее, как она выразилась в преобладающих течениях русской мысли XIX века»[126].

В Чичерине было сильно развито понимание многовариантности общественного развития. С одной стороны, он был решительным противником «пустого, зряшного отрицания» революции: «Можно желать, чтобы не было ни войн, ни революций, но эти желания не имеют ничего общего с законом развития»[127]. Революции возникают, по его мнению, везде, где существует «упорная охранительная система», где власть тверда в своем нежелании компромиссов и реформ. С другой стороны, ученый ясно видел, что бедствия, которые несет с собой революция, не ограничиваются междоусобными войнами, кровопролитиями, жестоким подавлением свободы. Революция уничтожает чувство законности, «народ начинает предпочитать смело воздвигнутые теории зрелому практическому обсуждению вопросов; разжигаются его страсти, порождается в нем нетерпение, ибо гораздо легче достигнуть цели внезапным переворотом, нежели мирным развитием учреждений. Наконец, что всего хуже, революции порождают временный упадок сил и недо-

[125] *Маркин А. В., Татарникова С. Н.* «Редкий в России государственник»: о некоторых аспектах творчества Б. Н. Чичерина // Социально-политические науки. – 1992. – № 1. – С. 87.

[126] *Бердяева. А.* Русская идея // Вопросы философии. – 1990. – № 2. – С. 96

[127] *Чичерин Б. Н.* Положительная философия и развитие науки. – М., 1892. – С. 221.

верие народа самому себе»[128].

Вдохновляющим примером иного, мирного развития для Чичерина стала Англия. Чтобы не уподобиться народам, «внезапно сорвавшимся с цепи», необходимы привычка к гласности, чувство законности и «нравственный смысл» общества. В мирном развитии Англии немалую роль, согласно Чичерину, сыграло дворянство, сумевшее разделиться внутри себя на охранителей (тори) и поборников движения (виги). Ученый много размышлял о предназначении русского дворянства в деле будущего политического устройства страны. Он выступил решительным противником тех идей, согласно которым вместе с отменой крепостного права с политической арены должно уйти дворянство. Устранение из политической жизни самого образованного сословия, столь искушенного в делах государственного и местного управления, представлялось ему «политическим легкомыслием», «детством политической мысли». Идея сильного и стабильного государства, считал Чичерин, требует не насильственного, принудительного вытеснения той или иной социальной группы с политической арены, а формирования внутри нее здорового ядра, обладающего силами и возможностями найти себя в новой социальной обстановке[129].

М. И. Туган-Барановский – еще одно «возвращенное имя» из истории отечественной военно-политической мысли.

В центре социально-политических исследований Туган-Барановского находится вопрос о переходе от агрессивного к кооперативному типу социального взаимодействия. Последний, по мысли ученого, чрезвычайно близок анархическому идеалу, так как он не совместим не только с принуждением меньшинством большинства, но и с демократической идеей власти большинства. Отсюда вывод об исторической перспективе политических отношений: «...власть большинства над меньшинством все же есть отрицание свободы, и социальная борьба не прекратится, пока каждый не станет вполне свободен, пока не исчезнет какая бы то ни было власть человека над человеком»[130].

Пристальное внимание Туган-Барановский уделял и пробле-

[128] *Чичерин Б. Н.* Очерки об Англии и Франции. – М., 1858. – С. 43.

[129] *Кокорев А. С.* Б. Н. Чичерин как социальный мыслитель // Социально-гуманитраные знания. – 2003. – № 6. – С. 251.

[130] *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. – М., 1989. – С. 440–441.

мам национально-государственного устройства России. Отчасти это было вызвано тем, что он непосредственно столкнулся с ними как политик. Но основная причина такого интереса заключалась, очевидно, в другом. Нельзя забывать, что именно в эту пору в мире усилились национальные движения, начался процесс выхода самостоятельных государств из состава империй – Османской, Австро-Венгерской, Российской. Первая мировая война привела к росту не только патриотических, но и националистических, шовинистических настроений, которые Туган-Барановский называл уродливым патриотизмом своего времени[131].

Осмысливая происходящее, ученый и политик сумел уловить наметившиеся тенденции в решении всех этих назревших проблем, высказал немало интересных мыслей, провидческих идей, не потерявших своего значения и по сей день. Прежде всего он справедливо отмечал, что вопросы национально-государственного устройства сложны и требуют к себе вдумчивого, серьезного отношения. Туган-Барановский прекрасно понимал, что существующая в России модель многонационального государства, словно сотканного из множества соприкасающихся между собой этнических территорий, наиболее конфликтна. И разрешение этих конфликтов возможно при непосредственном участии государства. Однако мыслитель предостерегал государственную власть от сопротивления объективному ходу развития национальных процессов.

Туган-Барановский выступал за равноправие наций, подчеркивая при этом особую роль их культурного самоопределения. Однако при этом высказывал довольно спорную мысль о том, что такое самоопределение, будучи осуществленным в полной мере, снимет проблему национальной государственности. В качестве примера стабильности федеративного государства с этнически мозаичной территориальной структурой ученый приводил Швейцарию и США. Но при этом он не учитывал одну важную особенность. Ведь немцы, французы и итальянцы не могут рассматривать Швейцарию как свою этническую родину. То же касается и США.

П. Б. Струве – выдающийся экономист и политический мыслитель. Он оставил свой след в историографии, литературоведении,

[131] *Самсонова Т. Н., Татарникова С. Н.* Идолы и идеалы на весах гуманизма (О творчестве М. И. Туган-Барановского) // Социально-политические науки. – 1991. – № 10. – С. 82.

языкознании, социологии и философии.

Общественное развитие должно быть, по мысли Струве, эволюционным, в его ход не должна вмешиваться война. В своей статье «Марксова теория социального развития» он противопоставил идею социальной эволюции, идею постепенного реформирования капитализма социальной революции как «теоретическому псевдопонятию». Для Струве «социализм обладает реальностью постольку, поскольку он содержится в возникающем из современного экономического порядка движении; не более и не менее. Отвлеченное же наделение самостоятельностью противоположностей, капитализма – социализма, приводит к форменной мифологии понятий»[132]. Поэтому социализм «или должен быть достигнут в действительном, т. е. капиталистическом обществе, или вообще лишен существования»[133]. Струве подчеркивал, что смысл социализма состоит «не в борьбе классов, а в творческом объединении и согласовании производительных сил всей нации (а, в дальнейшем расширении, – и всего человечества) в интересах всестороннего развития *личности.* Эта идея личности, которая есть основание идеала либерализма... неразрывно сплетается и должна сплетаться с идеей общественного самоуправления, с идеей творческого объединения и согласования всех производительных сил нации. И потому... между либерализмом и социализмом, понимаемом в таком смысле, нет и не может быть никакого основного противоречия»[134].

Для Струве революционная идея страшна своим *внеправовым* характером. Знавший его на протяжении многих десятилетий С. Л. Франк верно заметил, что своим *государственным* умом Струве представлял явление совершенно исключительное для русской либеральной оппозиции: «Потому ли, что он сам происходил из бюрократической семьи... или же по прирожденному складу ума, он рано умел и привык судить о политических вопросах не с безответственной позиции угнетенного, бунтующего раба, а – при всей критической резкости... как бы сверху, мысля себя в положении ответственного государственного деятеля»[135]. Струве как-то заме-

[132] *Струве П. Б.* Марксовская теория социального развития. – Киев, 1905. – С. 54–55.

[133] Там же. – С. 39.

[134] *Струве П. Б.* Идеи и политика в современной России. – М., 1907. – С. 6.

[135] *Франк С. Л.* П. Б. Струве (Опыт характеристики) // Возрождение. – Париж, 1949. – № 2. – С. 119.

тил, что государство должно в своей деятельности учитывать не только интересы данного поколения граждан, но и интересы будущих поколений, единственным защитником которых оно является в настоящий момент. Именно такой стратегический, «государственный» стиль мышления, умение видеть перспективу и постоянно соотносить ее с общей концепцией развития были присущи Струве.

Для Струве, как мыслителя, стратега, страшен не социализм, а революция. Социализм в его современном социал-демократическом понимании был ему близок. Ученый был твердо уверен, что социализм должен либо трансформироваться в сильную систему социальной политики, либо – при нежелании поступиться принципом равенства – привести к упадку производительных сил. Струве ясно видел, что «эгалитарный социализм есть отрицание двух основных начал, на которых зиждется всякое развивающееся общество: идеи ответственности лица за свое поведение вообще и экономическое поведение в частности, и идеи расценки людей по их личной годности, в частности по их экономической годности. Хозяйственной санкцией и фундаментом этих двух начал всякого движущегося вперед общества является институт частной, или личной собственности»[136]. Как экономист, Струве не сомневался в нежизнеспособности социалистических производственных отношений и в неизбежном «возвращении на круги своя».

Мыслителя волновали и возможные последствия торжества революционных, внеправовых подходов в политике. Революция для него – это прежде всего жестокий, беспощадный разрыв социальных связей, крушение традиций, вековых устоев народной жизни. Революция – это беспримерное ожесточение, кровь и насилие. Она не только требует все новых и новых жертв, но в конце концов пожирает своих собственных детей. Именно поэтому Струве определял «революционизм» как своего рода зеркало абсолютизма, «полицейскую идею с противоположным знаком». И тот, и другой находят свою опору в принуждении, тщетно надеясь навязать таким образом свою волю всему обществу. Подобный подход, по мысли Струве, гибелен вообще и особенно гибелен для России, вся история которой связана с авторитарным правлением, попранием прав и свобод личности. Он подчеркивал, что революционная идея, апел-

[136] *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. – София, 1921. – С. 16–17.

лирующая к прямому действию масс, ставит крест на слабых ростках правового сознания, так как принуждение в политике (в данном случае понимаемое как прямое насилие) в конечном счете ведет либо к деспотизму, либо к охлократии.

Струве неоднократно подчеркивал, что у самодержавия и имперского правительства нет худшего врага, чем они сами, не желающие поступиться малым ради сохранения большего, пойти на политические уступки и компромиссы. «Только в том случае, – предупреждал он в 1901 г., – дело не дойдет до конечной и кровавой борьбы революционной России с самодержавно-бюрократическим режимом, если среди власть имущих окажутся лица, у которых найдется мужество – смириться перед историей и смирить перед ней самодержца, выросшего в нелепой и безнравственной вере в свое всемогущество»[137]. В то же время Струве рассматривал эти особенности «исторической власти» как данность, с которой необходимо длительное время считаться. Это наложило существенный отпечаток на его концепцию политики национального согласия.

Однако под впечатлением событий гражданской войны Струве придет к выводу, что самодержавно-бюрократический аппарат был не так уж плох, ибо умел удержать в рамках закона и традиций «нравы народа». Революционеры не желали задумываться о последствиях своей пропаганды, их мало интересовало, каким причудливым образом трансформируются социалистические идеи в неподготовленном к их восприятию сознании. Вдобавок ко всему первая мировая война «поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей»[138]. И случилось то, что случилось.

Над Струве так же, как и над Петром Великим всегда довлела идея государственного могущества. Эта идея диктовала ему и игнорирование проблем межнациональных отношений, и милитаристские идеи, и – по крайней мере экономический – экспансионизм (чего стоило хотя бы одно предложение расширить сферу экономи-

[137] *Струве П. Б.* Предисловие к 1-му изданию // *Витте С. Ю.* Самодержавие и земство. – Штутгарт, 1903. – С. XLIV.

[138] *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи. – С. 291; См.: *Самсонова Т. Н., Татарникова С. Н.* Идолы и идеалы на весах гуманизма (О творчестве М. И. Туган-Барановского) // Социально-политические науки. – 1991. – № 10. – С. 89.

ческого господства России за счет всех европейских и азиатских стран, выходящих к Черному морю). Но если сейчас эти идеи, с учетом всех происшедших в мире изменений, интересны прежде всего как документ своей эпохи, то этого нельзя сказать о другой, явно обреченной на долголетие идее. Она сводится к простой в общем-то мысли о том, что и от внешнего врага, и от внутренней смуты государство может спасти национальное согласие, консолидация всех осознающих свою историческую ответственность политических сил. Понимание стоящей перед нацией сверхзадачи (независимость, достижение качественно нового уровня развития и др.) должно стать главной предпосылкой политики гражданского мира, «круглого стола», коалиций и компромиссов. Смысл и дух подобной политики ярко был выражен Струве: «На развалинах России, перед лицом поруганного Кремля и разрушенных ярославских храмов, мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого и чаял и требовал величия для ее будущего»[139].

После поражения декабризма особо проявилась «русская идея», развернулась оживленная дискуссия славянофилов и западников. До этого, конечно, мы наблюдали предысторию «русской идеи», или того, что можно назвать ее предысторией. В. Д. Щукин в статье «На заре русского западничества»[140] пишет, что «в XV–XIX веках были порою разрывы патриархальных связей и традиций, порою становление современного индивидуализма, мучительного отчуждения личности от общества в процессе производства материальных и духовных ценностей и рационализации человеческого мышления. Процесс этот был весьма сложным. Индивидуализм и рационализм, составлявшие основы либерализма – в экономике, политике и культуре, – испытывали на себе сильное противодействие со стороны консервативных, ретроспективных по своей природе тенденций, различных форм коллективизма и рационализма. Барокко и романтизм были в момент своего зарождения консервативной реакцией на Возрождение и Просвещение, по-

[139] *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 305; См.: *Самсонова Т. Н., Татарникова С. Н.* Идолы и идеалы на весах гуманизма (О творчестве М. И. Туган-Барановского) // Социально-политические науки. – 1991. – № 10. – С. 92.

[140] См.: Вопросы философии. – 1994. – № 7–8.

пыткой вернуться к старой доренессансной Европе или обновить ее. Анатомия личности и общества, прогресса и традиций, сознательности и непосредственности особенно болезненно терзали души и умы европейцев после Великой Французской революции, когда в литературе пользовался огромной популярностью миф о Сатане – Освободителе или об утраченном рае. Русский европеист, интеллектуально переживавший волнующие его проблемы, смотрел на мир глазами человека, выросшего в условиях докапиталистического общества с неразвитой частной собственностью, – общества, не пережившего эпоху Возрождения». Следует сказать, что это крайне важное положение для понимания того, как зарождалась «русская идея» в России. В пору, когда «русская идея» наконец сформировалась, споры вокруг нее детонировали чаадаевские «Философические письма». Чаадаев поднял эти споры с уровня урапатриотической похвальбы и казенного патриотизма николаевщины на уровень диалога об историческом предназначении России после поражения декабристского движения за конституционное реформирование в стране. Тут надо учесть, что после поражения на Сенатской Кавказская война 1817–1864 годов резко прояснилась в своей державной сути. На Кавказе воевали не только с горцами. Туда ссылали рядовыми множество продекабристски настроенных офицеров, разжалованных в солдаты, там оттачивали навыки держимордства в государственном масштабе. Не только в Сибири, но и на Кавказе уже тогда перековывались и ковались «кадры» – ведь Скалозуб со всеми своими дикими контрреформистскими планами «упорядочивания» России явился с Кавказской войны. Какой, как говорят, узнаваемый тип! И, как отмечают некоторые исследователи, не так уж глуп – все дело в том «особом отпечатке», который лежит на нем.

Чаадаев назвал «русскую идею» ретроспективной утопией. Для более подробного разъяснения сути дела я мог бы сослаться на свою статью «Любовь без радости. Опыты посильного прочтения Чаадаева»[141]. Надо учесть, что Николай II на свой лад продолжал – в данном случае – традицию Александра I, дополнившего экстенсивные военные действия на Кавказе аракчеевщиной внутри страны, опытом наведения порядка посредством усмирения, как будет потом сформулировано это в русской литературе. Это было

[141] См.: Вопросы философии. – 1992. – № 7.

откровенно и демонстративно вульгарно-политическое, официозно-популистское применение «русской идеи», вменение любви к отечеству в гражданскую обязанность. Чаадаев был родоначальником той «странной любви», как скажет Лермонтов, к отечеству, которой чужда и «слава, купленная кровью», и «полный гордого доверия покой», т. е. официозная формула; и «темной старины заветные преданья», т. е. опять-таки всякого рода мифы.

Сейчас так же немодно вспоминать одних русских мыслителей, как модно других. Но именно Герцен лучше всего сказал об атмосфере сердечного диалога в «Былом и думах» в главе с характерным и потом столь скверно переосмысленным названием «Не наши». Именно московских славянофилов – Хомякова, Киреевских, Константина Аксакова – он назвал «нашими друзьями-врагами» и «врагами-друзьями»; именно он сказал, что «русская идея» или «русизм» могут быть рассмотрены «не как теория, а как оскорбленное народное чувство, существовавшее начиная с бритья о, бород. «Да, мы были противниками, – писал он, – но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинакая. Мы были как Янус, как двуглавый орел: смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно». А вот что говорил по сходному, а может быть, этому же самому поводу, и, главное, как говорил А. С. Хомяков, говорил на том же уровне, что и Герцен, быть может, несколько неожиданно, но глубоко и дальновидно. «Говорят, в старые годы лучше было все в земле русской. Была грамотность в селах, порядок в городах, в уездах, правда в жизни, довольство, земля русская шла вперед, развивала все силы свои – нравственные, умственные, вещественные; ее хранили и укрепляли два начала, чуждые остальному миру; власть правительства, дружного с народом, и свобода церкви, чистой и просвещенной. Грамотность? Но на копии, которая находится у меня, с присяги русских дворян первого из Романовых вместо подписей князя Троекурова, двух дворян Ртищевых и многих других менее известных находится крест с отметкою: по неумению грамоте. Порядок? но еще в памяти многих мне известных стариков сохранились бесконечные рассказы о криках ясычных. А ясычный крик был то же, что на Западе воинственный клич. И беспрестанно в первопрестольном граде этот крик сзывал приверженцев, родственников и клиентов дворянских, которые при малейшей ссоре высыпали на улицу, готовые на драку и на сражение до смерти или до синяков. Правда? Но князь Пожарский был

отдан под суд за взятки. Старые пословицы полны свидетельств против судей прежнего времени. Указы Михаила Федоровича и Алексея Михайловича повторяют ту же песню о взятках и новых мерах для ограждения подсудимых от начальства. Пытка была в употреблении всеобщем, и слабый никогда не мог побороть сильного. Довольство? Но при малейшем неурожае люди умирали с голода тысячами, бежали в Польшу, кабалили себя татарами, продавали всю жизнь свою и будущих потомков крымцам или своим братьям-русским, которые едва ли были лучше крымцев и татар. Власть, дружная с народом? Не только в отдаленных краях, но и в Рязани, в Самаре, в самой Москве бунты народные и стрелецкие были происшествием довольно обыкновенным, и власть царская частехонько сокрушала все препоны, противопоставленные ей какой-нибудь жалкой толпой стрельцов или делала уступки какой-нибудь дворянской крамоле. Несколько олигархов вертели делами и судьбами России и растягивали или обрезывали права сословий для личных выгод. Церковь просвещенная и свободная? Но назначение патриарха всегда зависело от власти светской, как скоро только власть светская хотела вмешиваться в дела избрания. Архиерей псковский, уличенный в душегубстве и утоплении нескольких десятков псковитян, заключается в монастырь. А епископ Смоленский метет двор патриарха, чистит его лошадей в наказание за то, что жил роскошно. Собор стоглавый остался бессмертным памятником невежества, грубости, язычества, а указы против разбоя архиерейских слуг показывают нам нравственность духовенства в виде самом низком и отвратительном. И что же было в то золотое старое время? Взгрустнется поневоле. Искать ли нам добра и счастья прежде Романовых? Тут встречает нас волчья голова Иоанна Грозного, нелепые смуты его молодости, безнравственное царствование Василия, ослепление внука Донского, потом иго монгольское, уделы, междоусобия, унижения, продажа России варварам и хаос грязи и крови. Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения или подражания не было в России. Везде и всегда были безграмотность, неправосудие, разбой, крамолы, личности, угнетение, бедность, неустройство, непросвещение и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте в жизни народа, ни на одной эпохе утешительной и, обращаясь к настоящему времени, радуется пышной картине, представляемой нашим отечеством».

«После краткого обзора обоих мнений, – продолжает Хомяков, – относительно того, что лучше – старое или новое в России, можно пристать к тому или другому. Вопрос представляется многосложным, и решение представляется затруднительным»[142].

Как видим, речь здесь идет именно о диалоге, о выяснении истины, а не отбрасывании с порога того, что кажется неприемлемым. Более того, Герцен признает, что отбрасывание противоположной точки зрения, переход взаимный от диалога к антагонизму – «родовая ошибка всех утопий».

Сам Герцен потом вспоминает об этой фазе развития русской общественной философской мысли как об утраченном счастье общения живой и спорящей мысли, атмосфере, в которой такая мысль лишь и живет, об утраченном диалоге по поводу постановки и решения общероссийских исторических задач. А вот после поражения реформизма (первые опыты парламентаризма и т. д.) 1905–1907 гг., после утверждения старых имперских навыков наведения внутреннего порядка за счет экстенсивных приемов «Вехи» повели борьбу совершенно на ином уровне, хотя «не наши» тут вышли из «наших». Веховцы – из марксистов. И веховцы (я писал об этом ранее) оказались не в силах преодолеть в себе марксистскую методологию. Они просто – как мы сейчас частенько говорим по разным поводам – поменяли у старых понятий знаки на обратные и одни портреты в галерее традиций заменили другими. Вышел не диалог, а идейно-политическая схватка, свара, которая завершилась на уровне методологического пата в «Материализме и эмпириокритицизме», написанном в пору «Вех», но тогда не замеченном почти совершенно никем и лишь позже внедренном в общественное сознание в обязательном порядке в качестве методологического символа веры уже после Октября, и в сборнике «Из-под глыб».

Механической связи между «русской идеей» и войной нет. Но от идеи исключительности, державности, «богоносности», православного ханства, даже в идее открытости и всечеловечности В. Соловьева – недалеко до мыслей о национализме и войне. «Русская идея» всегда где-то около крови. Тут ее почва. История, конечно, вообще дело кровавое. Но не всякий цветок радуется подобным образом удобренной почве, такого рода своему почвенничест-

[142] *Лебедев А. А.* «Русская идея» в окрестностях войны (Заметки к теме) // Политические исследования. – 1995. – № 2. – С. 121–122.

ву. «Да, скифы мы». Это написано непосредственно вслед за «Двенадцатью» и является манифестом воинствующего российского скифства той поры. Но, как достаточно убедительно показано в ряде современных научных публикаций, именно агрессивностью такого рода скифства напиталось неославянофильство. Интересный материал на эту тему содержится в статье С. С. Хоружего «Трансформация славянофильской идеи в XX веке»[143]. В частности, он пишет, что «применительно к русской истории теософия вкупе с антизападной установкой порождала самую популярную особенность евразийства, его пресловутое монголофильство и упор в Азию». Это активнее всего сегодня дискутируемая тема, но главные идеи тут немногочисленны и несложны: господство татар было в русской истории не деструктивным, а конструктивным, не отрицательным, а положительным фактором.

Полное воплощение этих идей нашло свое отражение в «Скифах» Блока. Характерным же образом поэт предваряет свое стихотворение цитатой из Владимира Соловьева: «Панмонголизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно»[144].

Немаловажную роль в осмыслении проблемы войны и мира сыграли и религиозные философы, мыслители-моралисты.

Наряду с гениями полководцев и качеством вооружения, была особая нравственная сила, помогавшая России побеждать. Не секрет, что мировоззрение и жизненные установки русского человека веками формировались под влиянием доктрины Православной

[143] См.: Вопросы философии. – 1994. – № 11.

[144] «Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. / Попробуйте, сразитесь с нами! / Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, – / С раскосыми и жадными очами! // Для вас – века, для нас – единый час. / Мы, как послушные холопы, / Держали щит меж двух враждебных рас / Монголов и Европы! // Придите к нам! От ужасов войны / Придите в мирные объятья! / Пока не поздно – старый меч в ножны, / Товарищи! Мы станем – братья! // А если нет – нам нечего терять, / И нам доступно вероломство! / Века, века – вас будет проклинать / Больное позднее потомство! // Мы широко по дебрям и лесам // Перед Европою пригожей / Расступимся! Мы обернемся к вам / Своею азиатской рожей! // Идите все, идите на Урал! / Мы очищаем место бою / Стальных машин, где дышит интеграл, / С монгольской дикою ордою! // Но сами мы – отныне вам не щит, / Отныне в бой не вступим сами! / Мы поглядим, как смертный бой кипит, / Своими узкими глазами! // Не сдвинемся, когда свирепый гунн / В карманах трупов будет шарить, / Жечь города, и в церковь гнать табун, / И мясо белых братьев жарить!.. // В последний раз – опомнись, старый мир! / На братский пир труда и мира, / В последний раз на светлый братский пир / Сзывает варварская лира!» (А. А. Блок «Скифы»).

церкви. Однако христианская мораль, казалось бы, всеми силами противится войне. Как же совместить христианскую нравственность с необходимостью воевать и добиваться побед? Решению этого вопроса в основном и посвящены размышления русских религиозных философов о войне в XX веке. Всплеск этих размышлений приходился на периоды ведения войн – Русско-японской, Первой, Второй мировых и Великой Отечественной. В то время эти размышления были особенно актуальны, т. к. если в Русско-японскую речь шла о защите чести страны, то в мировые войны – о самом выживании России. Актуальны они и сегодня: возможно, нашей стране еще не раз придется вступать в войну. Однако размышления Н. А. Бердяева (1874–1948), С. Н. Булгакова (1871–1944), Б. П. Вышеславцева (1877–1954), И. А. Ильина (1883–1954), Л. П. Карсавина (1882–1952), Н. О. Лосского (1870–1965), В. В. Розанова (1856–1919), Ф. А. Степуна (1884–1965), Е. Н. Трубецкого (1863–1920), Г. П. Федотова (1886–1951), П. А. Флоренского (1882–1937), Г. В. Флоровского (1893–1979), С. Л. Франка (1877–1950), В. Ф. Эрна (1882–1917) и других замечательных русских мыслителей касаются не только успехов или неуспехов русской армии и политических задач России в войне, но, в первую очередь, посвящены именно философскому анализу войны как сложного социального и морального явления. Ими исследуются его метафизические предпосылки, его антропологические и политические причины, нравственное значение для жизни народов, его диалектические противоречия. Суд над войной идет не перед лицом эпохи, а перед лицом вечности. При этом особый интерес вызывает именно религиозное направление отечественной философии, т. к. в ней наиболее остро ставится вопрос о соотношении войны и христианской морали. Нередко этот вопрос поднимается и в наши дни: может ли война иметь высшую религиозную санкцию? Должен ли христианин защищать свою Родину с оружием в руках, либо избрать иные методы борьбы? Как должна вести себя во время войны церковь? Как соотносится христианский гуманизм с необходимостью воевать? Все эти вопросы обсуждались в рамках русской религиозной философии и этики войны.

Нельзя сказать, что отечественная этика войны возникла на пустом месте. Она опиралась как на серьезную западную традицию, так и на национальные размышления о войне, существовавшие в нашей культуре до XX века.

Уже размышлений о нравственной природе войн в русской философии до XX в., то они не относились к разработке ни правовой теории, ни отдельной науки о войне, но были изначально включены в общий контекст русской православной культуры и явились приложением традиционных христианских норм и добродетелей к существенной стороне жизни народа, к войне. Так в первом документе, содержащем правила поведения человека в сражении – «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» (1647), подразумевалось, что быть совершенным воином означало быть совершенным христианином. Это положение еще раз было подтверждено в «Уставе воинском» Петра I, который касался не только внешней стороны воинской службы, но и регламентировал нравственное воспитание воинов. Православный взгляд на войну XVII–XVIII вв. развили выдающиеся русские мыслители XIX века – А. С. Хомяков и славянофилы, К. Н. Леонтьев (1831–1891), Н. Я. Данилевский (1822–1885), Ф. М. Достоевский (1821–1881), В. С. Соловьев (1853–1900). Наиболее кратко их выводы можно суммировать в следующей фразе: 1) Россия – самобытная, но не милитаристская держава (славянофилы), однако 2) ее национальный уклад и политические задачи чужды Европе (Н. Я. Данилевский), следовательно, 3) не исключена вооруженная защита своего исторического призвания по строительству православной федерации государств в священной войне, которую будут вести лучшие люди страны – воинство (К. Н. Леонтьев); при этом 4) пока мы столь подвержены греху, войны никуда не уйдут, но их нельзя оценивать однозначно, их последствия могут быть благотворными (Ф. М. Достоевский), к тому же 5) высшая религиозная санкция для воинства есть служение Христу (В. С. Соловьев). Мыслители, на долю которых выпадет большое количество военных лет, вносят немало нового в эту тему, но на них огромное влияние оказывает «парадоксалистика» и метафизика войны Достоевского и Соловьева, патриотический пафос славянофилов, Данилевского и Леонтьева.

Особое место не только в российской, но и в мировой философской мысли о войне и мире принадлежит В. С. Соловьеву. Его учение о нравственности, об оправдании добра опирается на его центральную философскую идею – идею всеединства. Суть ее в том, что мир многообразен в проявлении растительной, животной, социальной жизни, но одновременно он и един. Нет целого без составляющих его частей. В единство многообразия включают-

ся материальное и духовное, знание и вера, человеческая история, наука, эстетика и нравственность. Природное и социальное бытие гармонизируется в идеальное всеединство. «Я называю истинным или положительным всеединством такое, – писал Соловьев, – в каком единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы, само оказывается таким образом пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает эти элементы, осуществляясь в них как полнота бытия»[145].

Все живое, полагает Соловьев, существует за счет уничтожения другого живого и самого себя, то тогда мы придем к другому тезису: уничтожать все живое становится возможным при отрицательном отношении к этому мировому безобразию. Если же существует зло, основанное на выживании одного живого существа за счет другого, то это означает, что ему противостоит иное основание, которое утверждает не взаимное истребление, а гармонию бытия посредством блага и истины, любви и красоты. Таким основанием, которое наделяется Соловьевым высшими нравственными качествами, выступает Божественное Слово (Логос), явный и действующий Бог, одухотворяющий материальный мир[146].

Из этого положения вытекает, что Логос, или Божество, обладающее полнотою добра и источником благодати, становится принципом мирового всеединства и смыслом человеческой жизни. Если же есть вечная живая сила всеединства, то значит есть и носитель ее – Богочеловек, в котором воплощается Логос и одухотворяется материальная природа. С верой в сверхчеловеческое Добро, т. е. в Бога, возвращается и вера в человека. Отделение от Божества, т. е. от полноты Добра, есть зло, и, действуя на основании этого зла, мы можем делать только дурное дело. Избегая совершать зло, каждый человек имеет возможность приобщиться к Богочеловечеству на основе нравственных, добродетельных помыслов и деяний. Этим целям, по замыслам Соловьева, должна служить нравственная философия.

При построении нравственной философии, отмечает русский философ, необходимо исследовать человека, его желания. Два желания поднимают его душу над остальной природой: желание бес-

[145] *Соловьев В. С.* Соч. В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 552.
[146] См.: Там же. – С. 243.

смертия и желание нравственного совершенства. Одно без другого не имеет смысла. Бессмертная жизнь, отделенная от нравственного совершенства, не есть благо. Также и совершенство, подверженное гибели и уничтожению, не есть истинное благо. Родовая потребность есть потребность вечной жизни, но вместо ее осуществления природа дает вечную смерть. Удовлетворяя потребности нашей животной природы, мы получаем в конце смерть. Удовлетворяя потребности нашего ума и познавая все существующее, мы узнаем, что для всего существующего исходное есть также смерть. Стремясь жить, мы умираем и, желая познать жизнь, познаем смерть. Чувственность ведет нас к гибели, а ум только может подтвердить эту гибель как всеобщий мировой закон[147].

Неспособность к сопротивлению животным инстинктам есть бессилие духа, – считает русский философ, – нечто для человека постыдное, следовательно, дурное. Значит, способность к такому сопротивлению, или к воздержанию, есть добро и должна быть принята как норма, из которой могут вытекать определенные правила жизни, утверждаемые обыденным человеческим сознанием. Каждый человек согласится, что обжорство, пьянство, распутство вызывают презрение, а воздержание от этих пороков пользуется уважением, т. е. признается добром.

Соловьев приводит глубокие размышления о сущности моральных качеств человека, в т. ч. таких как мужество и храбрость – основных чертах нравственности военнослужащего.

Если мы переберем те нравственные качества, которые еще с древних времен считались наиважнейшими добродетелями (справедливость, мудрость, мужество, умеренность и т. п.), то не найдем среди них ни одного, которое само бы по себе заслужило такое название, считает русский философ. Каждое из них только тогда может признаваться добродетелью, когда согласуется с предметными нормами должного отношения, которые выражаются в трех выделенных выше добродетелях. Эти нравственные отношения (добродетели) определяются господством человека над материальною чувственностью, как солидарность сживыми существами и как внутреннее подчинение сверхчеловеческому началу. Прочие добродетели могут считаться таковыми лишь в зависимости от этих

[147] *Васильев В. А.* Добро и добродетель в нравственной философии В. С. Соловьева // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 6. – С. 256.

трех основ[148].

Например, проявление такой добродетели, как мужество, или храбрость, мы находим в более глубоком нравственном принципе – в стыде. Стыд возвышает человека над животным инстинктом родового самосохранения. Мужество осознается человеком как способность духа возвышаться над инстинктом личного самосохранения, причем присутствие этой силы духа является добродетелью, а отсутствие ее осуждается как постыдное. Доблестную храбрость показывает тот, кто не трепещет перед случайными бедствиями, сохраняет самообладание среди внешних опасностей. Существенное сходство между стыдливостью и храбростью обнаруживается в том, что недостаток второй добродетели осуждается по норме первой: отсутствие мужества становится предметом стыда. Итак, мужество получает свое нравственное значение или становится добродетелью лишь постольку, поскольку оно связывается с первой основой человеческой нравственности – стыдливостью.

Однако сама по себе храбрость еще не является добродетелью. Ведь самое храброе совершение бесчинств, самое смелое нанесение обид и самое бестрепетное попирание святыни не оцениваются как добродетель. Также не вменяется человеку в трусость боязнь греха. Следовательно, проявление мужества может расцениваться как добродетель в одном случае и осуждаться в другом.

Отсюда и двоякая оценка войны и насилия.

В целом, философы, творившие русскую религиозную этику XX века, были убеждены: войны в ближайшем будущем не исчезнут, т. к. в мире еще слишком много противоречий, способных породить вспышки вооруженного насилия. Мир и покой наступят лишь в Царствии Божием, но в нашем бытии мы всегда будем вынуждены сталкиваться и бороться со злом (Л. П. Карсавин, Н. А. Бердяев, Е. Н. Трубецкой и др.) Однако можно ли считать войну злом абсолютным или в ней можно найти нечто хорошее? Отечественная религиозная этика войны считает более правильным второе утверждение, поскольку абсолютного зла, согласно христианскому учению, вообще быть не может; война – лишь относительное зло, и в некоторых случаях вести ее нравственно оправдано. Каковы эти случаи? Ответ напрашивается сам собой: когда невступление в войну повлечет еще более тяжелые последствия, чем вступление.

[148] *Соловьев В. С.* Соч. В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 52.

Хуже вооруженного столкновения может быть кровавая гражданская распря, подчинение врагу и последующий за тем разгром страны, поражение в войне, наконец, саму войну можно иногда остановить только путем вооруженного вмешательства. Но применять силу следует только в исключительных случаях, в безвыходных положениях, когда необходимость войны несомненна; по ничтожным поводам, как, например, решение незначительного международного спора, нельзя подвергать людей такому страшному испытанию, как военное противостояние.

Справедливая война должна быть нравственно обоснована, должна стать решительным ответом разгулявшемуся злу. «Оправдать войну, – писал С. Л. Франк, – значит доказать, что она ведется во имя правого дела, что она обусловлена необходимостью защитить или осуществить в человеческой жизни какие-либо объективно ценностные начала… Найти такие ее основания, которые были бы обязательны для всех»[149]. Русская религиозная философия считает нравственно оправданной только войну в защиту высших духовных святынь, которыми И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, А. А. Керсновский и др. называют защиту родины, жизни и мира. Такие войны они предпочитают называть не только справедливыми, но и священными. Цель священной войны – не убийства, а победа и долгий, а лучше вечный мир. Но для уяснения нравственного смысла войны недостаточно указать только на ее праведную цель, надо еще выяснить ее нравственное значение: несет ли война только горе и разрушения или же она вносит в общество нечто ценное, некое добро, которое редко встречается в мирной жизни? Здесь мы встречаемся с основным нравственным парадоксом войны: с одной стороны, нет ничего страшнее ее, но с другой – самые яркие примеры самоотверженного служения своим ближним мы находим именно на войне. «В войне… совершается такое великое добро, как жертва своей жизнью за других»[150], – говорит Л. П. Карсавин. Священная битва освобождает людей от обыденного житейского эгоизма, возвращает чувство родства у разрозненных групп людей, составляющих население одной страны, воспитывает качества мужества, героизма, взаимопомощи. Однако никто из отечест-

[149] *Скворцов А. А.* Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX века. Сектор этики Института философии РАН. Этическая мысль. – Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001.

[150] Там же.

венных мыслителей не отрицает страшных последствий войны: массовых жертв, разрушений, морального и психического разложения некоторых солдат. На войне героическое соседствует с ужасным, нравственный подъем с моральным растлением, самопожертвование с крайним цинизмом и пренебрежением жизнью других. Это и есть основной нравственный парадокс войны: в ней великое добро встречается с отвратительным злом, которое часто повергает нас в ужас. Войну можно принять только в виде парадокса, только как великую трагедию, которая никогда не обходится без смерти и горя, но именно смертью и страданием она просветляет души людей. Отсюда вопрос о нравственном значении войны правильнее ставить как проблему нравственного смысла трагедии войны. Об этом говорил Н. А. Бердяев: «Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть только антиномическое. Это – изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления…»[151] Несколько по-иному раскрывает нравственный смысл войны И. А. Ильин. Он полагал, что «смысл войны в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил»[152].

Однако убеждение в справедливости войны, в святости отстаиваемых идеалов недостаточно для ее морального оправдания. Здесь мы подходим ко второй нравственной проблеме – какими средствами должна вестись справедливая война? В истории этики давались два противоположных ответа: первый, утверждавший, что вооруженную борьбу можно вести любыми средствами, характерен для милитаризма; второй, характерный для гуманистических, правовых и христианских доктрин, гласил, что есть предел в выборе средств и схватку надо вести по-человечески, а не по-зверски. Русская традиция этики войны, как и вся русская военная культура, всегда разделяла вторую точку зрения. В этой связи характерны слова Н. А. Бердяева: «Человеческое должно утверждаться даже в страшных условиях войны»[153]. Но трагедия войны состоит в том, что святые цели достигаются безнравственными средствами, которые неминуемы. Если же война невозможна без насилия, то надо,

[151] Там же.
[152] Там же.
[153] Там же.

во-первых, заставить насилие служить добру, во-вторых, по возможности ограничить его. Самое страшное с моральной точки зрения, происходящее на войне, – необходимость убивать. Эту необходимость И. А. Ильин назвал «основным нравственным противоречием войны» и сформулировал его так: «Может ли человек разрешить себе по совести убиение другого человека»[154]? Христианину убийство категорически запрещено, и какие бы оговорки ни приводились, оно все равно остается большим грехом. Однако нельзя называть убийцами воинов, которые защитили многие тысячи жизней и отстояли право на жизнь целых народов. Убийство на священной войне и убийство в грабительском походе – два совершенно разных по моральной ценности поступка. Русская религиозная философия, опираясь на нравственное учение христианства, указывает путь смягчения и постепенного преодоления греха убийства. Во-первых, воин должен признавать свой грех и раскаиваться в нем, во-вторых, мотив такого поступка не должен быть корыстным, т. е. убийство должно совершаться ради защиты, в-третьих, воин не должен ненавидеть убиваемого врага. Далее русские философы обращают внимание на то, что текст Евангелия нельзя толковать буквально, в нем заложено очень много скрытых смыслов и оттенков. Когда Спаситель говорит «любите врагов ваших», «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую» (Мф. 5, 39), Он обращается к каждому из нас и имеет в виду личные обиды. «Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам, – пишет А. А. Керсновский. – Но, если этот ближний посягает на высшие ценности, наш долг воспротивиться ему»[155]. И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун и др., опираясь на Священное Писание и Предание, указывают, что защищать своего ближнего от насилия, в том числе и с оружием в руках – долг каждого христианина. И. А. Ильин говорит об этом так: «Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека… Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное… любовно сочувствовать одержимым растлителям душ»[156].

Необходимость противостоять злу безнравственными средст-

[154] Там же.
[155] Там же.
[156] Там же.

вами составляет личную трагедию воина, однако нельзя осуждать воинов, участвующих в священной битве, и называть их убийцами, тем самым приравнивая их к тем, от кого они нас защищают. Труд воина – священен; он по своей ценности не уступает труду земледельца, учителя, священнослужителя или врачевателя, ибо дает им возможность в мире и спокойствии служить людям.

Русская религиозная мысль выработала собственный подход к проблеме гуманизации боевых действий. Для отечественных философов было очевидно, что не международные конвенции и не гуманитарные организации ограничат вооруженное насилие, а воспитание души солдата в христианской добродетели. Настоящий христианин никогда не применит насилия больше, чем это необходимо, ибо он знает, что насилие неправедно. «Смысл участия христиан в деле вражды, насилия и даже убийства, – пишет Ф. А. Степун в произведении «Христианство и политика», – заключается только в том, что, борясь, воюя, казня и убивая, они не в силах делать все это с чистой совестью»[157].

В понимании нравственного смысла войн основное направление отечественной религиозной философии вынуждено было вступить в полемику с толстовством. И, пожалуй, нельзя раскрыть основное содержание русской этики войны без сравнения его с учением-антиподом. Все отечественные философы XX века признавали Л. Н. Толстого гениальным художником и крупнейшим мыслителем-моралистом, но с его основными философскими положениями согласиться не могли. Л. Н. Толстой полагал, что если на войне происходят столь чудовищные преступления, как убийства, то в ней нет и не может быть ничего хорошего. Убийство нельзя оправдать никакими целями, никакой священной борьбой, и какими бы словами его ни прикрывали, оно все равно остается убийством. Те же люди, которые все же пытаются его оправдать – лицемеры и преступники. Ни защита родины, ни защита мира не могут оправдать насилия, которое есть зло.

Русские религиозные философы соглашались с Толстым, что все люди должны стремиться исключить насилие из своей жизни; также они были согласны с тем, что злом нельзя отвечать на зло, а надо творить добро. Однако они не считали всякое применение силы злом: важен мотив этого действия. По И. А. Ильину, написав-

[157] Там же.

шему в опровержение идей Толстого целую книгу «О сопротивлении злу силою», таким мотивом должна быть жертвенная одухотворенная любовь, а сам пресекающий поступок должен быть «бескорыстным принятием своей личной неправедности в борьбе со злодеем как врагом Божьего дела»[158]. В ответ на заповедь Толстого «не противься злу силой» Ильин выдвигает максиму «противиться злу из любви» и разъясняет ее: «…из любви отдавая все свое, где это нужно; из любви понуждая и пресекая, где нужно; из любви уговаривая и из любви казня, и из любви не отдавай ничего своего, если это «твое» есть больше, чем твое, если оно есть в то же время – Божие: святыня, церковь, родина…»[159] Ильин жестко критикует Толстого за то, что он называл защитников родины такими же убийцами, как и обычных бандитов: «Только для лицемера или слепца равноправны Георгий Победоносец и закаляемый им дракон»[160]. Для христианина нравственным идеалом должен быть Иисус Христос, соответственно и вести себя он должен стремиться как Спаситель. А разве Он когда-либо осудил воинское служение, сказал, что быть солдатом означает быть отступником от веры? Нет, а Толстой это делает.

Другие русские религиозные философы не посвящали специально проблеме допустимости насилия целые исследования, подобно «О сопротивлении злу силою», но к идеям Толстого у них было схожее с И. А. Ильиным отношение. Они обращали внимание на то, что абсолютного добра в нашем мире не бывает, вместо него существует лишь иерархия добра. Применять оружие против людей – большое зло, но применять оружие ради спасения людей от преступников – может быть немалым благом. В то же время ненасильственное сопротивление врагу ни в коем случае его не остановит, а, напротив, может придать ему уверенности, и он совершит еще множество злодеяний. Лучше вовремя пресечь зло силой, чем потом встретиться с еще большим злом, на обуздание которого сил может не хватить.

Основное отличие в отношении к войне толстовца и христианина можно выразить так: толстовец осуждает войну и в ней не участвует, христианин также осуждает войну, но в ней участвует,

[158] Там же.
[159] Там же.
[160] Там же.

добиваясь тем самым, чтобы война не уничтожила ни христиан, ни толстовцев, ни кого-либо другого. Но эта с первого взгляда противоречивая позиция с точки зрения русских религиозных философов нравственно выше толстовской, о чем очень верно говорит Н. А. Бердяев: «Виновность бывает нравственно выше чистоты. Это – нравственный парадокс, который следует глубоко продумать. Исключительное стремление к собственной чистоте, к охранению своих белых одежд не есть высшее нравственное состояние. Нравственно выше – возложить на себя ответственность за ближних, приняв общую вину»[161]. Несмотря на то, что христианское учение противится войне, христианин считает своим долгом взять грех участия в вооруженной борьбе на себя, поскольку, во-первых, не желает еще большего распространения зла, во-вторых, освобождает от этого греха своего ближнего. Таков важнейший вывод русской религиозной философии XX века.

С начала XX века любая военная стратегия планировала вести сражения в трех стихиях: на земле, на воде и в воздухе. После второй мировой к ней добавилась четвертая – душа воина. Стали разрабатываться идеи информационной войны, манипулирования сознанием, появились первые образцы психотропного оружия. Им ставилось задачей так изменить психику воина, чтобы он навсегда потерял возможность сопротивляться. Сегодня считается очевидным, что войну выиграет тот, кто сумеет растлить души солдат противника и сохранить неразвращенными души собственных воинов. Как правило, задача военной педагогики и пропаганды с первого дня войны состоит в том, чтобы доказать каждому бойцу: война ведется ради жизненно-важных интересов его страны, ради высших нравственных идеалов; она – не действие безличного государства, а совершенная необходимость для Родины, а значит, личное дело каждого ее гражданина. «Чем выше идеалы, за которые борется армия, тем доблестнее ведет она себя на войне»[162], – отмечал генерал и талантливый писатель П. Н. Краснов (1869–1947).

Главная цель воспитания воинских добродетелей – помочь бойцу преодолеть страх, который все время преследует его на войне. Полностью ликвидировать страх невозможно, но можно его существенно ослабить и не дать ему повлечь состояние панического

[161] Там же.
[162] Там же.

бегства. Нужна эмоция, не менее сильная, чем ужас смерти, требуется особо сильное переживание, благодаря которому воин смог бы преодолеть страх и рисковать своей жизнью. Русские философы войны почти единогласны в разрешении вопроса: таким духовным стимулом должна стать Святыня в сердце воина, в сравнении с которой жизнь кажется значительно менее ценной. Такими Святынями могут быть вера в Бога (в бессмертие души), верность Родине, любовь к своему народу. Они, по мысли русских религиозных философов, составляют ядро добродетелей воина-патриота. На их основе формируются другие качества, воспетые многими военными писателями. Так мыслители русской военной эмиграции (А. А. Керсновский, П. Н. Краснов, Н. Н. Головин и др.) считают незаменимыми для бойца добродетели мужества, храбрости, отваги, инициативы, ответственности, героизма, дисциплины, трудолюбия, веры в свои силы, чувства единения, чести, ума, воли, решимости победить и, как важнейшая добродетель для полководца, – вера в рядового бойца.

Но воспитать добродетельных воинов мало; надо еще суметь составить из них армию, способную надежно защитить общество от любого вооруженного насилия. «Армия представляет собою единство народа, – отмечал И. А. Ильин, – его мужественное начало; его волю; его силу; его рыцарственную честь»[163]. Русские религиозные философы всегда защищали точку зрения, согласно которой презрительно относиться к своей армии, тем более к воюющей армии, означает не ценить готовности воинов в любую минуту отдать свою жизнь за своих соотечественников, за право нации творить свое историческое бытие. Необходимо помнить, что воюет наша страна и наша армия и умирают ее воины за нас, ради того, чтобы мы могли спокойно жить. Желать поражения своей стране можно только в одном случае: если она ведет несправедливую захватническую войну. В остальных случаях радоваться неудачам своей армии – нравственное преступление. Но и армия в таком случае должна быть достойна всенародной любви и действительно быть носительницей нравственной идеи мужества, героизма, служения своим ближним. Ей не только следует забирать духовные силы общества, но и самой оказывать на него положительное влияние. В идеале армия и общество должны соотноситься так, как это

[163] Там же.

выразил В. В. Розанов в первый день Первой мировой войны: «Ныне мы все воин, потому что наша Россия есть воин, а с Россией – мы все»[164].

При формировании армии следует избегать двух опасностей: всеобщей воинской повинности и наемничества. Не по принуждению и не за деньги должен служить воин, а из любви к своей Родине. Главным критерием отбора в армию должно быть призвание человека к воинской службе. На нее должны поступать молодые люди, вдохновленные романтическим пафосом защиты Родины от всякого зла, знающие военную историю, мечтающие о боевых подвигах и победах, о достижении народной любви, славы и доблести. По степени развития нравственно-патриотических качеств в армии должны служить лучшие люди страны, и для русских философов, рассуждавших о войне, не было сомнения в том, что многочисленные народы России все вместе смогут найти для этой цели 700–800 тысяч человек.

Если давать общую характеристику русской религиозной этики войны XX века, то стоит заметить, что ее нельзя обвинить в излишнем милитаризме или национализме, т. к. она, в первую очередь, является частью христианской этики, но, с другой стороны, ее нельзя назвать излишне пацифистской, т. к. она не учит оставлять покусившегося на высшие духовные Святыни врага безнаказанным. Нахождение золотой середины между универсальным христианским миролюбием и охранительным государственным патриотизмом было главной задачей русской религиозной этики войны. Эта задача актуальна и сейчас, т. к. России необходимо иметь сильные армию и флот, надежную систему их комплектования, четко выраженную государственную военную доктрину и, как необходимую нравственную основу для всего этого, этику войны, которая помогла бы человеку следовать идеалам добра как в страшных обстоятельствах войны, так и во время армейского служения мирных дней.

[164] Там же.

2.2. Русская военная наука накануне и в годы Первой мировой войны

Теперь доподлинно известно, что подготовка к новой войне велась на Западе по всем важнейшим направлениям, в том числе и путем разработки новых теорий ведения войны и достижения победы. Ведущую роль в этом играла военная теория Германии, в которой особенно активно разрабатывались формы и методы ведения войны, предусматривающие разгром противника в непродолжительной, так называемой молниеносной войне (блицкриг). Но и в других западных странах военная мысль была довольно активной. Достаточно сказать, что быстрое распространение получила теория «воздушной войны» в Италии, Франции, Великобритании и США, а теория «танковой, или механизированной, войны» во Франции.

Что касается состояния военно-морской теории, то здесь господствовали взгляды А. Мэхэна и Ф. Коломба, которые продолжали считаться незыблемыми авторитетами военно-морской стратегии. Никто из западных военных ученых не пытался даже ставить под сомнение правильность высказанных ими взглядов.

Таково вкратце было состояние военной науки на Западе в период, непосредственно последовавший за Первой мировой войной. Он был переломным для ее (науки) развития. Некоторые военные теоретики пытались умозрительно представить себе характер и способы ведения будущей войны. Другие решительно преодолевали прежние, сложившиеся представления о войне, формах и способах ее ведения, пытались вырваться из плена опыта Первой мировой войны. Иные же пускались в явный авантюризм и без всяких научных обоснований выдвигали крайне односторонние теории, причем главными причинами их появления были не гносеологические, теоретико-познавательные, а чисто социальные, идеологические.

Особое место в странах Запада занимала военная мысль, развиваемая эмигрантами из России. Они оказались там после Первой мировой войны (1914–1918), Гражданской войны в России и военной интервенции (1918–1922) либо покинули страну из-за неприятия советской власти. В числе эмигрантов было немало военных

профессионалов, историков и теоретиков. Они внимательно следили за военно-политической обстановкой в мире, тенденциями развития военного дела, анализировали их, публиковали статьи в журналах, книгах, а также излагали свои взгляды на разного рода курсах и в некоторых военно-учебных заведениях.

Круг интересов зарубежных русских военных историков и теоретиков был достаточно широк. Это прежде всего история Первой мировой войны и Гражданской войны в России, а также история русской армии (Н. Н. Головин, А. К. Байов, А. А. Зайцов, Л. П. Карсавин и др.) Большое внимание уделялось исследованию проблем общей теории войны, военного искусства, теории управления войсками, строительства вооруженных сил, а также военной психологии и социологии (Н. Н. Головин, Е. Э. Месснер, Ю. Н. Данилов, И. А. Ильин, А. А. Керсновский, Н. С. Тимашев, В. Н. Доманский, Н. Я. Галай, Н. Н. Львов и др.) Однако многое из того, что было разработано представителями русского зарубежья в межвоенные годы, оказалось невостребованным в минувшем столетии.

Совершенно особое место среди них занимает творчество выдающегося русского военного мыслителя А. Е. Снесарева (1865–1937). Его идеи основывались на практике царской армии, но, в отличие от его современников, царских офицеров, были востребованы и в советской общественно-политической мысли.

Вклад А. Е. Снесарева в теоретическое и философское постижение войны огромен. Только он его полностью не систематизировал, а исследователи его творчества долго не обращались к этой теме. Да, собственно, не было самой такой возможности. Только в начале XXI века началась публикация его рукописей, в которых рассматриваются военно-философские проблемы. В 2001 г. в Академии ГШ была опубликована рукопись Снесарева (1924) «Жизнь и труды Клаузевица», а в 2002 г. – «Философия войны». Обе работы были выпущены мизерным тиражом в 100 экземпляров. Этими работами положена основа для исследования военно-философского наследия Снесарева. Правда, еще не завершена публикация его писем и дневников, в которых также Снесарев обращается к военно-философской проблематике, но эта работа в настоящее время ведется. Таким образом, сейчас уже созданы необходимые условия для исследования и оценки вклада А. Е. Снесарева в военно-философскую проблематику.

Надо заметить, что военно-философские взгляды Снесарева

формировались в последнее десятилетие XIX века. В то время в России общественная мысль активно обсуждала философские проблемы войны. К традиционному интересу к войне с позиций как к ней лучше подготовиться и как добиваться в ней победы прибавились более сложные мировоззренческие вопросы: «Почему люди воюют вообще?», «Война – естественное или неестественное явление для природы человека, соответственно, устранимое или неустранимое?» Мнения по этим вопросам поляризовались. Л. Н. Толстой, олигарх И. С. Блиох и их сторонники отстаивали взгляды, согласно которым война – это неестественное явление по отношению к природе человека, она может и должна быть устранена, война изжила себя, угрожает разрушить экономику, существующую финансовую систему и т. д. Противоположную позицию отстаивал известный генерал М. И. Драгомиров и его сторонники. Дискуссия велась на отрицании противоположных мнений, продуктивных результатов для науки о войне она не давала, но укореняла в общественном мнении антивоенные настроения. Известна оценка позиций основных участников спора о войне, данная Снесаревым в курсе лекций по «Философии войны», созданном в 1919 г.

«Только в России могла найти себе приют и поощрение такая компиляторская мазня – невежественная и нескладная – как пятитомное творение И. С. Блиоха «Будущая война», а почему, да только потому, что она всеми неправдами старалась доказать, что война, во-первых, дело в высокой степени мерзкое и что, во-вторых, она в будущем должна прекратиться по целой сотне мотивов, которые старательно вымучивал из своей банкирской головы почтенный автор, и которые блестяще фактическим издевательством были разбиты в минувшую великую войну 1914–1918 гг. Пять книг едва ли кто удосужился прочитать, но главную мысль уловили, книгу одобрили и оказали ей приют. Затем, опять-таки, только в России мог найти себе столь плодотворную жатву Л. Н. Толстой, как художник, давший нам дивные образы военных и чарующие картины боевых обстановок и столкновений, но как мыслитель старавшийся все свои – с этой стороны небольшие – ресурсы приложить к тому, чтобы опорочить, высмеять и унизить войну и все военное. И многие ли насладились великим военным художником, но маленького военного мыслителя расценило и превознесло большинство»[165].

[165] Здесь и далее цит. по: *Даниленко И. С.* Вклад Снесарева в постижение

Первая Мировая война существенно повлияла на формирование военно-философских взглядов А. Е. Снесарева. В качестве фронтового полковника и генерала он пробыл на этой войне более трех лет (с июля 1914 г. по ноябрь 1917 г.) Как сложившийся ученый, Снесарев всесторонне изучал войну и делал удивительно глубокие военно-философские выводы. Они зафиксированы в его письмах и дневниках.

С ходом войны Снесарев все больше интересуется вопросами стратегии, хотя ее проблемы не входили в круг его служебной деятельности, но к этому его побуждал неудачный ход войны. Его интересуют не только частности войны, проблемы военного искусства, но и война как общественное явление, ее природа, постоянные и переменчивые факторы, их соотношение. Мысль его непрерывно углубляется с ходом войны. «Война – это что-то особенное, она все меняет, все освещает под своим углом, все расценивает и раскладывает по-своему. О ней книги написаны, а ничего ясного не сказано» (Из письма 28 сентября 1914 г.) Это вывод, сделанный в конце первого месяца войны. Командуя боевыми действиями пехотного полка, полковник А. Е. Снесарев приходит к выводу, что принятая в русской армии тактика не отвечает условиям и требованиям ведущейся войны. Он считает, что для разработки новой, огневой тактики надо опереться на арсенал отечественной военной истории, взять из него подходы Суворова и Скобелева. Он это делает, но тактика не решает всех проблем успешного ведения войны. Это все больше с ходом войны беспокоит и возбуждает желание послужить в штабах, причастных к решению стратегических вопросов. «Война полна загадок, и нам, которые живут и мыслят в ее сферах, хочется возможно глубже проникнуть в ее тайники, как духовные, так и материальные. И странно, каждая война идет со своими законами и правилами, ломает то, что было как будто бы и прочно установлено ее предшественницей, создает новое полотно истин. Я часто по целым часам ломаю голову над целой суммой вопросов, и свое бессилие их решить объясняю недостаточно удобной перспективой моего положения… слишком у меня в моей работе мало стратегии и все заполнено сплошной тактикой» (Из письма 6 мая 1915 г.)

Его все больше занимают проблемы войны как общественного явления. «Удивительно, как меняется на войне обстановка; то, что

войны // http://a-e-snesarev.narod.ru/statyi.html

людьми переживается месяцами, а государствами в сотни лет, на войне первыми переживается в часы или минуты, а государствами в месяцы» (Из письма 23 августа 1915 года).

Снесарев считает, что постижение идущей войны чрезвычайно важно для будущих поколений. «Веду дневник почти без пропусков. Мне очень жаль, что в бытность с Павловым я не мог делать чего-либо подобного; но командир полка более вольный человек, чем начальник штаба, который не может позволить себе такую роскошь. О событиях в дневнике я пишу мало, больше останавливаюсь на думах и впечатлениях, проверяю свои старые выводы и мало помалу стараюсь разобраться в легионе поднятых войною тем. Она должна перевернуть всю Европу, перечертить государства, пересмотреть некоторые науки и дать новый тон искусствам; и нам надо суметь почерпнуть из нее все те поучения и выводы, которые только можно сделать, дабы по возможности облегчить плечи наших детей и внуков» (Из письма 28 августа 1915 года).

Мысль его в постижении войны все время идет дальше, приходит к выводу, что способности народа и государства вести войну закладываются задолго до ее возникновения: «Воюют не в момент только войны, а воюют много раньше, чем раздались первые звуки выстрелов: женщины рожают и воспитывают воинов, ученые изучают войну и ее новые формы, заводы льют пушки и готовят снаряды… Да еще вопрос – насколько 2-е и 3-е существенное дело, может быть, зерно победы в том, кто кого перерожает, какой страны женщина более окажется сильной в выполнении своей государственной задачи». (Из письма 9–10 февраля 1917 года).

Приведенные положения позволяют сделать вывод, что совершенно не случайно А. Е. Снесарев – генштабист и строевой командир (в годы Первой мировой войны он был начальником штаба казачьей и пехотной дивизий, армейского корпуса, командовал полком, бригадой, дивизиями, армейским корпусом, а в Советское время он был военным руководителем и организатором Северо-Кавказского военного округа, командующим Западным участком Завесы, отдельной армией – Белоруско-Литовской 16) будучи назначенным в 1919 году начальника Академии генерального штаба РККА (на этой должности он пробыл два года), он начал с разработки программы и создания курса лекций по «Философии войны». До него такого курса не было. Снесарев посчитал его необходимым для полноценного военного образования. Он посчитал, что вкрап-

ление философии в стратегию было неоправданным, малопродуктивным.

Снесарев исследовал мнения о войне известных авторитетов науки и культуры и сделал вывод, что мнения людей о войне мало что значат. Они прекрасны по форме, но все они находятся на уровне веры, а не науки. Практический смысл их нулевой, или негативный, дезориентирующий общественное мнение. Война как бы властвует над судьбами народов, независимо от отношения к ней тех или иных личностей, групп и даже целых народов. Поэтому задача науки заключается в изучении войны, ее исторической эволюции, реалистической оценки хода исторического развития. Борьба против войны без глубокого знания природы миро-военного алгоритма истории мало продуктивна, а порой и контр продуктивна.

А. Е. Снесарев на основе изучения Первой мировой войны сделал целый ряд глубоких выводов о новых тенденциях в развитии войны.

Война ведется не только мечом, а и другими средствами, в том числе пропагандой. «Мы думаем, что стратегии так же, как операции или бою, свойственна непрерывность напряжений, ударность без отдыха и ослаблений до окончательного повала на колени: философски нельзя мыслить себе стратегию, понимая под таковой специальный вид людской деятельности, как напряжение с перерывами; в той борьбе не на живот, а на смерть, которую она олицетворяет, нет места ни пощаде, ни отдыху, ни перерывам. А непрерывность усилий и вместе с этим и единство стратегии будут тогда лишь восстановлены, если «операции» придать более уширенный смысл, чем тот, который ей придает автор; тогда промежутки между «операциями» автора не будут провалами, а лишь какими-то другими операциями, в которых стратегия работает не мечом, а другими средствами, хотя бы и чужими – агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т. п.»

Война идет вширь и глубь по охвату сфер общественной жизни и территорий воюющих государств. Войну нельзя ограничивать полями сражений, как это было в прошлые века.

Заглавную роль в военной борьбе играют информационные процессы. Вот как об этом он пишет в рецензии на книгу А. В. Сергеева «Стратегия и тактика Красного Воздушного Флота»: «Никак нельзя согласиться с распределением задач авиации (64 стр.) в той

его части, где в качестве параграфа приведена задача: «пугать, давить на психику войск и населения». Эта задача не является слагаемым, а основной задачей, синтезом всех остальных; для нее и, главным образом, для нее выполняются остальные задачи: наблюдается или поражается противник, разрушаются мертвые цели, ведется политическая работа и т. д. Война, а в частности бой, есть накопление ужасов, прежде всего, ведущее к потрясению и конечной прострации духа и нервов армии и народа... Не сам ли автор упоминает о прекрасных словах Серинии, который поражение психики врага считает конечной целью боя».

Особое место у Снесарева занимает исследование и оценка творчества Клаузевица. Как уже говорилось, в 1924 г. им написана специальная работа, в качестве обширного предисловия к изданию основного труда Клаузевица «О войне». В результате получился самостоятельный труд, одно из лучших исследований творчества Клаузевица, как военного философа. В нем Снесарев дал удивительно глубокую краткую оценку всех восьми частей этого труда. Особый философский интерес имеет его оценка первой части. Позволю себе привести ее полностью:

«Первая часть устанавливает тот исходный базис, который является особенностью творения Клаузевица и делает последнее всеобъемлющим и великим. Он устанавливает природу войны не только как «чисто военного» явления, а как общесоциального, лежащего в природе человеческих отношений и в особенности природы самого человека. Этот широкий базис даёт ему возможность сблизить войну с другими явлениями и вложить её в общую систему человеческих деяний страданий и радостей. Книга сразу получила необъятные горизонты, она этим-то выбилась на первое место среди груды сырья и посредственности.

Из подобного определения войны вытекла затем, как логически естественная формула, что стратегия является ничем иным, как продолжением той же политики, но с иными средствами... формула, разорвавшая, Гордеев узел старых путаниц и сентиментальностей.

Но из той же основной базы автор вывел и другую идею также капитальной важности, идею о двойной природе стратегии, об её полярности. Так как эта идея была им только набросана, а разработать её он не успел, то крупнейшая идея была заглушена громом решительных кампаний 1866 и 1870–1871 гг. И прочно забыта. Только на наших днях, трудами исторической критики, а также

многострадальными событиями мировой войны 1914–1918 гг. эта идея вновь оживлена и тем за Клаузевицем восстановлена честь её создания».

Речь идет о стратегии сокрушения и измора. Что касается стратегии сокрушения, то она не вызывала больших споров, наоборот, была понятна. Поскольку нашла яркое подтверждение в указанных войнах Пруссии с Австро-Венгрией в 1866 г. и с Францией в 1870–1871 гг. В Первой мировой войне имели место и стратегия сокрушения, и стратегия измора. Однако последней не было уделено должного внимания, она была отнесена на счет отсутствия больших полководческих талантов в этой войне, не нашедших Поэтому не были оценены такие факторы стратегии, как информационно-пропагандистская борьба, восстановление и наращивание военно-экономического потенциала, использование внутренней политической борьбы, создание групп влияния и т. д. В Советское время после Первой мировой войны абсолютизировалась стратегия сокрушения, обращение к стратегии измора некоторые военные теоретики трактовали как пораженческий капитулянтский подход. Он был неверным и с теоретической точки зрения, как не учитывающий двойственную природу военной стратегии, так и ущербным с практической точки зрения, так как в войнах стратегия не только избирается, но и диктуется складывающейся обстановкой.

Недооценка стратегии измора продолжалась и после Второй мировой войны. В ее анализе и оценках особое внимание уделялось ударным операциям. Появление ракетно-ядерного оружия еще больше усилило акцент на ударную стратегию, хотя масштабы сокрушения от ракетно-ядерных ударов переходили границы всякой рациональности при большом накоплении этого оружия обоими сторонами. Выход был найден в стратегии измора. Наряду с поддержанием готовности к ракетно-ядерной дуэли была развернута нетрадиционная война, которую назвали Холодной. Эта война длилась почти полвека. Тенденция развития войны в этом направлении была осознана А. Е. Снесаревым очень глубоко. Он не просто высоко оценил глубокие философско-социологические понимание войны Клаузевицем, но и существенно развил его идеи на основе войн второй половины XIX и первых десятилетий XX века, прежде всего, Первой мировой войны.

Снесарев не только по достоинству оценил широкий социологический подход Клаузевица к войне, как общественному явлению,

но и указал на сумму тех факторов, которые расширяли содержание войны и позволяли преодолеть узкопрофессиональный подход к ней, как только к процессу ведения вооруженной борьбы. В этом отношении к числу особых заслуг Клаузевица он относил морально-психологическое состояние войск и народа и интеллектуальные способности руководства: «Устанавливая широкую базу для понятия войны Клаузевиц естественно должен был расширить и сумму обусловливающих её факторов. Среди них мы видим ясно подчеркнутую категорию моральных факторов и тех причин, какие ведут к их подъёму или понижению. Среди двигателей, влияющих на бой, автор выделяет два: страсти, охватывающие нацию и гений полководца. Это конечно, далеко не полная сумма, о средствах могущих вдохновить армию, почти не говорится, но как метод, это было поучительной новостью. Зато анализ военного гения поражает блеском содержания и широтой своего замысла. Среди пружин морального настроения мы находим интересно проанализированными страх, физические напряжения, сведения на войне, трения, – термин, введённый автором впервые и т. д.»

Со времени Снесарева война далеко ушла вперед на плечах научного и производственного прогресса XX века. Сегодня она способна стать средством не только суицида по отношению к отдельным народам, но и актом геноцида для рода человеческого. Большие успехи сделала военная наука, как наука о подготовке и ведении войны. Но немного сделано в развитии науки о войне, как общественном явлении. Причин отставания науки о войне много. Но среди них немаловажной является и такая, как невостребованность отечественной военно-философской мысли, творческого наследия А. Е. Снесарева, Н. Н. Головина, Н. Л. Кладо, упорно работавших над развитием науки о войне. Именно опираясь на их труды, и прежде всего, на труды Снесарева, современная военно-философская мысль может и должна сделать крупный шаг в постижении природы и современнбых тенденций развития войны, миро-военного алгоритма исторического процесса.

Военно-политические действия в стране активизировали марксистскую общественную мысль России, вывели на международную политическую арену В. И. Ленина (1870–1924).

«Марксистско-ленинское учение о войне и армии, – отмечается в философско-социологическом очерке «Война и армия», подготовленном в Военном университете под редакцией Д. А. Волкого-

нова, А. С. Миловидова и С. А. Тюшкевича, – представляет собой результат многовекового развития общественной мысли, ее высшее достижение в познании явлений военной области. Марксизм, совершив подлинный переворот во взглядах на общество, впервые поставил изучение войны и армии на научную почву, с позиций пролетариата»[166].

В. И. Ленин, ссылаясь на историю философии и социальной науки, отмечал, что марксизм возник не в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации, а явился прямым и непосредственным продолжением учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма[167]. Ленинская оценка охватывает, естественно, и становление марксистского учения о войне и армии. Это учение произошло не на пустом месте, оно явилось продолжением и дальнейшим, качественно более высоким развитием достижений домарксистской военно-теоретической мысли, критически переработанных с точки зрения интересов рабочего класса[168].

Исходя из анализа социально-политического характера войн, К. Маркс и Ф. Энгельс конкретно-исторически рассматривали роль и место вооруженного насилия в историческом прогрессе. Они сделали огромный шаг вперед в изучении этой проблемы, подняли ее разработку на качественно новую ступень.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса получил научное обоснование вопрос об условиях исключения в жизни человечества войн. Расценивая войну как непременный спутник эксплуататорского общества, они доказали, что только победа самого прогрессивного – коммунистического строя положит конец классовым антагонизмам и обеспечит торжество мира. Основоположники марксизма научно определили исторические рамки существования войн. «Союз рабочих всех стран, писал К. Маркс, в конце концов искоренит всякие войны и приведет к миру между народами. Ибо в противоположность старому обществу у нового общества международным принципом будет мир, и у каждого народа будет один и тот же вла-

[166] См.: Война и армия. Философско-социологический очерк. Под ред. Д. А. Волкогонова, А. С. Миловидова и С. А. Тюшкевича. – М., Воениздат, 1977.

[167] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 40.

[168] Война и армия. Философско-социологический очерк. Под ред. Д. А. Волкогонова, А. С. Миловидова и С. А. Тюшкевича. – М., Воениздат, 1977. – С. 7.

стелин – труд»[169].

Историческая заслуга принадлежит К. Марксу и Ф. Энгельсу и в научной разработке вопроса о происхождении, классовой сущности и функциях армии как вооруженной организации государства, предназначенной для ведения войны. Они глубоко раскрыли реакционный характер эксплуататорских армий, служащих орудием подавления угнетенных классов своих государств и порабощения народов других стран, обосновали идею слома в ходе социалистической революции буржуазной государственной машины, в том числе буржуазной армии, показали необходимость замены старой, разрушенной армии новой вооруженной организацией, способной обеспечить защиту революционных завоеваний трудящихся. Основоположники марксизма определили характер, важнейшие основы и ряд существенных черт армии пролетариата.

Значительным вкладом К. Маркса и Ф. Энгельса в исследование войны и армии явилась разработка проблемы условий победы в войне и источников силы армии. Исходя из материалистического понимания истории, К. Маркс сделал вывод, что «перспективы войны... опираются на материальные факторы»[170]. Вслед за этим Ф. Энгельс раскрыл зависимость вооруженного насилия от материальных средств. Он подчеркивал, «победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно... на материальных средствах, находящихся в распоряжении насилия»[171]. Без этих средств насилие вообще «перестает быть силой».

Классики марксизма впервые научно решили вопрос о роли народных масс и полководцев в войне. Они отмечали, что боевые успехи находятся в прямой зависимости от морального духа армии и народа, так как «люди, а не мушкеты, будут выигрывать сражения...»[172]. В процессе войны моральный элемент преобразуется в материальную силу. Армия, сражающаяся за справедливые цели, обладает более высокими идеалами, решимостью и сплоченностью. Гражданин коммунистического общества, защищая действительное отечество, будет бороться с воодушевлением, со стойкостью,

[169] См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. – Т. 17. – С. 5.

[170] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. – Т. 13. – С. 287.

[171] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. – Т. 20. – С. 170.

[172] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. – Т. 15. – С. 225.

с храбростью[173].

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс, опираясь на диалектико-материалистическое понимание общественного развития, критически освоили, качественно переработали и развили дальше достижения предшествующей философской, политической и экономической мысли, в том числе в исследовании войны и армии. Тем самым был произведен революционный переворот в учении о войне и армии и созданы основы военной программы и военной науки пролетариата.

Эти идеи получили широкое распространение в России благодаря трудам революционных демократов А. И. Герцена (1812–1870), Н. Г. Чернышевского (1828–1889), В. И. Ленина и др.

Они в первую очередь раскрывали отрицательные последствия войн. Война, считал А. И. Герцен, – «несчастие, злая необходимость»[174]. Н. Г. Чернышевский показывал, что результаты войн эксплуататоров отрицательны во всех отношениях. Уже подготовка к войне обогащает имущих и разоряет страну. Она разрушает финансы и все хозяйство, тяжким бременем ложится на простолюдинов. Во время войны лишения народа возрастают в огромных размерах. Война уничтожает массу людей, а еще больше отрывает от мирного труда. Особенно опасны для общества моральные последствия таких войн. Эти войны убивают у людей любовь к труду, плодят насильников и грабителей.

Почти все мыслители-радикалы, осуждавшие войны и их последствия, стремились указать пути к миру. Представители утопического социализма, например, полагали, что войны можно избежать, если люди будут жить общиной и все их имущество станет общим. Социалисты-утописты связывали мир с деятельностью такого просвещенного правителя, который мог бы ликвидировать частную собственность и обеспечить этим единство и равенство народов. Здесь, хотя и в наивной форме, видна идея об уничтожении войн путем перехода к иному обществу, к социализму. Этим утописты отличались от тех, кто считал возможным покончить с войнами в условиях буржуазного общества.

Чтобы покончить с войной, считал Н. Г. Чернышевский, нужно

[173] См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. – Т. 2. – С. 539.

[174] «Колокол». Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Выпуск 9. 1866–1867. – М., 1964.

покончить с общественным устройством, порождающим войны; войны исчезнут только тогда, когда у власти будут стоять простолюдины. По его мнению, есть лишь одно средство для ликвидации войн: свержение реакционного режима, народная революция.

Мыслители-радикалы ставили и проблему армии. Решая ее в большинстве своем с точки зрения господствующих классов, они тем не менее отмечали отдельные стороны армии эксплуататоров как инструмента укрепления их господства.

Отвергая утверждения буржуазных теоретиков о народном характере буржуазной армии, Н. Г. Чернышевский показывал, что она служит их интересам и их правительству «для подавления простолюдинов в своем государстве и в других странах», для ведения войн с целью порабощения и грабежа соседних народов. При этом он резко осуждал применение армий против народов, называл гнусностью стремление господствующих классов в своих корыстных целях держать в зависимости другие народы[175]. Н. Г. Чернышевский писал, что армия возникла и развивалась в определенных общественных условиях, при которых установилось господство эксплуататоров. С приходом к власти простолюдинов в большинстве стран необходимость в постоянной армии отпадет.

Большой интерес представляют взгляды русских революционных демократов на источники военной силы государства. Анализируя историю войн и современное ему военное дело, Чернышевский пришел к выводу, что для успешного ведения войны необходимо иметь развитые промышленность и транспорт, а это невозможно без ликвидации крепостного строя. Важное значение Чернышевский придавал моральному состоянию войск в войне. Он критиковал зарубежных и русских теоретиков, которые рассматривали моральное состояние войск вне связи с характером войны и целями противоборствующих сторон.

Чернышевский отмечал два условия морального перевеса над противником: 1) сознание народом и армией полезных для народа целей войны; 2) уверенность народа и армии в своих силах, в победе над врагом. Эти условия возникают только в том случае, если война ведется действительно в интересах народа. Дивная энергия волонтеров Гарибальди, писал Чернышевский, была выражением

[175] См: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. – Т. VI. – М., 1949. – С. 105.

народных сил Италии[176]. Он на многих фактах показал, что одной из основ силы армии является ее связь с народом, поддержка армии народом. Это укрепляет дух армии. Дух войска – главное условие его силы[177]. Для силы армии важны вооружение, уровень ее подготовки и состояние дисциплины. Дисциплина – основание всему и хорошем войске. Без нее войско – толпа, непригодная для войны. Чернышевский выступал против палочной дисциплины, механической муштры. Войско, основанное на таком воспитании, «всегда будет побеждаемо неприятелем, солдаты которого – не мертвые машины, а живые существа»[178]. Большое значение Чернышевский придавал воспитанию у солдат армии демократического государства патриотизма, любви к отечеству, к народу, сознания гражданского долга, чувства собственного достоинства.

Продолжателем марксистского учения в России был В. И. Ленин. Его деятельность в области развития учения о войне и армии положила начало новому, ленинскому этапу совершенствования этой системы знаний. Важный вклад В. И. Ленина и его соратников в марксистское учение о войне и армии состоит в разработке проблемы сущности войн и их классовой природы. Обобщая исторический опыт войн в новых условиях, они дали диалектико-материалистическое объяснение сущности и классовой природы войны.

Огромной заслугой русских марксистов стало обогащение существующей классификации войн положениями о родах и типах войн эпохи империализма. Учитывая тенденции экономического, политического и научно-технического развития, В. И. Ленин указал на важнейшие особенности современных войн. Это позволило ему углубить и конкретизировать положения основоположников марксизма о роли народных масс в войне, показать возможности трудящихся в предотвращении империалистических войн, реальность превращения империалистической войны в гражданскую.

После октябрьской революции в России в 1917 г. В. И. Ленин ставит перед марксизмом задачу обобщить «всемирно-исторический опыт социалистической революции», в том числе и «военный опыт пролетариата в ней», раскрыть закономерности и

[176] См.: Там же. – С. 326.
[177] См.: Там же. – С. 494.
[178] Там же. – С. 316.

движущие силы развития социалистического общества, военной организации рабочего класса и использования ее для защиты нового социалистического государства. Военно-теоретические проблемы марксисты рассматривали под углом зрения наиболее характерных черт новой исторической эпохи.

Социалистическое общество создавалось в стране, находившейся во враждебном капиталистическом окружении. Марксисты учитывали, что это окружение, оказывая военное, политическое, экономическое и идеологическое давление, не прекратит попыток осуществить реставрацию капитализма или, по меньшей мере, затормозить рост нашего общественного хозяйства, формирование нового уклада жизни, развитие социалистического сознания.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны военные проблемы приобрели жизненное значение для судеб социализма. «В настоящее время... – говорил В. И. Ленин в октябре 1918 года, – на первом плане вопрос о войне, об укреплении армии»[179]. На разработку этого вопроса были направлены главные усилия военно-теоретической деятельности марксистов. В этот период марксистское учение о войне и армии выступило как непосредственное научное обоснование формировавшейся советской военной доктрины, оно оказало действенную помощь в организации армии нового типа.

Большое значение имело вооружение военных кадров принципами научной критики «милитаристской идеологии», непримиримостью и бескомпромиссностью в борьбе за сохранение чистоты марксистского учения о войне и армии, пониманием того, что идейный разгром врага так же важен, как и его военное сокрушение.

Таким образом, В. И. Ленин явился основоположником советской военной науки. Благодаря ему и его соратникам военная наука рабочего класса с первых дней своего возникновения развивается на «прочном теоретическом и методологическом фундаменте марксизма». Приобретенный опыт Первой мировой войны, русских революций и Гражданской войны, во многом должен был раскрыть путь дальнейшей работы.

[179] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 125.

2.3. Русская военная наука за рубежом

В результате политических потрясений 20-х гг. прошлого столетия – Первой мировой войны, революций 1905 и 1917 гг., Гражданской войны, и смены политической ориентации в России – создания СССР, философская мысль о войне, мире и армии была разделена на два противоборствующих лагеря. В Советской России появляется новый тип общественно-политической мысли. Об этом скажем ниже. А старая классическая военная мысль неожиданно для себя оказывается не у дел, за пределами своей Родины.

Эмиграция военных ученых продолжается, начиная с 1917 г. и вплоть до конца 20-х годов. Она знаменовала собой вывоз за границу значительной доли умственного капитала русской армии и флота. Современным историкам известно, что примерно две трети специалистов русского Генштаба (около тысячи) либо находились в рядах контрреволюции и, значит, ушли на чужбину (за исключением погибших в годы Гражданской войны), либо оказались за границей, не участвуя в борьбе по разным причинам. А именно офицеры и генералы этой когорты по праву считались интеллектом армии[180].

Их представители прежде всего и составили мозг «военной зарубежной семьи». В различных странах беженского рассеяния оказались и продолжили деятельность профессора: Николаевской Военной академии (Генерального штаба) А. И. Андогский, А. К. Баиов, В. И. Баскаков, В. В. Беляев, Б. В. Геруа, Н. Н. Головин, А. А. Гулевич, М. А. Иностранцев, А. К. Келчевский, П. Ф. Рябиков, Д. В. Филатьев; Михайловской артиллерийской академии А. А. Нилус, В. Н. Ипатьев, И. Н. Майдель; Николаевской инженерной академии В. Н. Полянский, В. В. Пересвет-Солтан, А. В. Шварц; Николаевской морской академии А. Д. Бубнов; известные военачальники, военно-научные деятели и писатели, генералы и полковники К. М. Адариди, А. Н. Алексеев, Н. Н. Баратов, В. Е. Борисов, А. П. Будберг, А. Н. Виноградский, А. В. Геруа, М. В. Грулев,

[180] См.: *Андогский А. И.* Как создавалась Красная Армия Советской Республики (уроки недавнего прошлого). – Владивосток, 1921. – С. 29–30; *Зайцов А. А.* Где был наш Генеральный штаб в годы гражданской войны // Русский Инвалид. – 1932. – № 36.

В. И. Гурко, Ю. Н. Данилов, А. И. Деникин, В. В. Добрынин, В. Н. Доманевский, А. М. и В. М. Драгомировы, Р. К. Дрейлинг, П. И. Залесский, В. А. Замбржицкий, Н. В. Колесников, П. Н. Краснов, А. Н. Лукомский, А. Л. Мариюшкин, Е. Ф. Новицкий, П. Д. Ольховский, Ф. Ф. Палицын, И. Ф. Патронов, М. И. Репьев, Ф. И. Ростовцев, И. С. Свищев, П. Н. Симанский, П. П. Ставицкий, В. Е. Флуг, В. В. Чернавин, А. Н. Шуберский; адмиралы М. Н. Кедров, А. И. Русин, М. И. Смирнов и др.

Главным для себя изгнанники считали: 1) сохранение традиций русской военной культуры; 2) признание и осознание ошибок и грехов старой военной системы России, извлечение уроков из опыта последних войн; 3) предварительное определение принципов и путей строительства будущей российской вооруженной силы («учения об организации и применении русской армии будущего») на основе военно-исторического, военно-политического анализа и проработки основных вопросов современной войны; 4) посильную подготовку офицерских кадров для «будущей России». Эмиграция верила в пользу своего духовного опыта для развития русского военного искусства в грядущем.

В этих целях писались труды, создавались военная печать и военная школа, использовались другие формы служения русскому военному делу. Это придавало смысл пребыванию на чужбине и представляло своего рода «отчет военной эмиграции перед историей и потомками».

Помимо этой преимущественно рациональной мотивации безусловно имела место и едва ли не подсознательная: писательский, умственный труд для многих был необходимостью, долголетней привычной потребностью, а также защитной реакцией высокоразвитой личности на изнуряющую будничность изгнанничества. Днем офицеры «постигали мотор чужеземного такси», как выразился однажды А. Керсновский, а поздним вечером склонялись над «наукой побеждать». «В условиях совсем неподходящих мы продолжаем думать по-военному... После утомительного рабочего дня люди просиживают за книгами и учебниками, находя в учебных и научных занятиях освежающий отдых», – писал генерал Б. Штейфон[181]. То же подчеркивал полковник Е. Месснер: «Оторванные

[181] *Штейфон Б. А.* Возрождение военного искусства // Военный журналист (Белград). – 1941. – № 31. – С. 5.

от своей профессии, офицеры не могли оторваться от военных интересов: одни, превозмогая все трудности бедственной жизни, работали в сфере военной теории, другие издавали журналы... третьи читали доклады, четвертые у всех у них учились»[182].

Таковы морально-нравственные и психологические пружины, двигавшие механизм военной мысли в изгнании. Если кто-то найдет в этом слишком много патетики, то пусть хотя бы окинет взором тысячи книг и неизданных рукописей, десятки тысяч статей, всевозможных «памяток», «наставлений», «руководств», более сотни наименований военных журналов и газет. К тому же следует помнить, что людям за этот труд, как правило, не платили; мало того, последние копейки жертвовались на то, чтобы напечатать написанное, выпустить очередной номер журнала, хотя бы машинописный. А нередко – под несколько копирок размноженный от руки.

Количественно наследие военной мысли эмиграции представляет собой массив из более тысячи книг и брошюр, десятков тысяч статей в журналах и газетах, а также рукописей (и книг и статей), хранящихся в архивах Госени, США, Чехии, Франции и других государств, в частных, семейных коллекциях по всему миру. Нужно помнить и об источниках, утраченных в годы Второй мировой войны, и в другие периоды скитаний «воинов с котомкой» (по образному выражению М. Цветаевой).

Те, кто в своем лице представлял зарубежный поток русской военной мысли XX века, в своих работах отразили широчайший спектр вопросов поенного бытия, как традиционных, так и обусловленных спецификой исторического момента и социального положения изгнанников.

Изгнанники не могли обойти вниманием проблем военно-философского характера и, прежде всего, связанных с пониманием главного своего предмета – войны. Весьма характерны в этом отношении работы «Роль войны в истории развития культуры» В. Заболотного, «Философия войны» А. Керсновского, «Помни войну!» А. Мариюшкина, «Беседы о войне и мире» Ю. Данилова, «Лик современной войны» Е. Месснера, «Война и политика» Б. Хольмстон-Смысловского, «Проблемы войны и мира» Н. Галая и др. Суждения

[182] *Месснер Е. Э.* Советская и зарубежная военная мысль / Знамя России (Прага). – 1937. – № 6 (82). – С. 11.

и заключения авторов при этом не абстрактны, а вызваны осмыслением эпохи и собственного опыта, нацелены на обоснование практических вопросов. «Ныне, чтобы выиграть войну, надо понимать ее природу, надо изучать ее законы. Это понимание и это знание столь же обязательно ротному командиру, как и главнокомандующему», – утверждал Б. Штейфон[183].

Отправной момент – уверенность в неизживаемости, неизбежности нойны как способа разрешения противоречий, споров между народами и классами. Это – точка зрения, присущая фактически всем военным писателям Зарубежья. Среди главных причин того, что «войны никогда не исчезнут», П. Симанский, например, называл принадлежность войны к явлениям «неволевого» порядка, т. е. лежащим вне пределов человеческой воли. В. Заболотный полагал, что «надеяться уничтожить войну – значит игнорировать закон мирового процесса, в силу которого каждая индивидуальность, а следовательно и социальная, стремясь к наиболее полному развитию своих психофизических сил, тем самым невольно приходит к столкновению с другой, ей подобной, вызывает неизбежную борьбу, что в области существования политических организмов и проявляется в форме войны». И сколько бы ни подписывалось «пактов Келлога», сколько бы человек ни ставил преград вооруженным столкновениям, – полностью изжить их не удастся. «Договоры – это только «клочки бумаги», а сила и корысть являются важнейшими двигателями в международных отношениях современного мира», – без обиняков говорил А. Деникин[184]. «Никакие Лиги Мира... не заставят народы отказаться от права на войну, когда дело дойдет до их жизненных и высших национальных интересов», – прозорливо утверждал А. Баиов. Горе нации, «забывшей о делах воинских».

Из этих положений следует другой принципиальный вывод: война должна быть нравственно оправдана (Баиов); более того, сам акт войны, при всех ее ужасах, во многом способствует выработке нравственности, ибо именно на войне кристаллизуются понятия и качества героизма, долга, жертвенности, взаимовыручки; война уравнивает в правах и стирает социальные грани; война – и моральный критерий: перед лицом постоянной опасности и угрозы

[183] Военный журналист. – 1940. – № 19. – С. 12.
[184] Русский Инвалид. – 1931. – № 28.

смерти «человек предстает перед человеком как на страшном суде» (Заболотный). С другой стороны, война для данного поколения несет ужас личного горя и несчастья, экономическое расстройство и огрубение нравов. Но, по меткому наблюдению А. Баиова, она заставляет народы напряженнее работать, что служит прогрессу, а кроме того последующие поколения часто пользуются завоеваниями предшественников.

«Войну саму по себе всегда надо считать бедствием, но последствия войны иногда бывают благотворны», – формулировал А. Керсновский.

Большинство авторов сходились в утверждении: война, бесспорно, – болезнь человечества, его патология и жесточайший акт, но средством против нее может быть только война.

Именно такого рода философия должна быть заложена и в сознание армии – организации, содержащейся государствами для войны, – и в сознание нации, частью которой армия является и во имя которой существует.

В этой связи военная мысль эмиграции дала настоящий бой пацифизму не признающему аксиом неизживаемости, закономерности и «законности» войн. Подчеркивалось, что опасность пацифистского мировоззрения таится в активном распространении его сторонниками своих взглядов в обществе, внушении гражданам мыслей об «аморальности» не только войны, но и военной службы, что ведет к отказу от обязанности защищать свою Родину. «В мечтах о пацифизме, – констатировал А. Марионкин, – преступно забывались жизненные интересы своей страны...» Он напоминал, как с начала XX века под влиянием такого рода «философии», сочившейся со страниц произведений Л. Толстого, Л. Андреева, А. Куприна, М. Горького, не говоря уже о революционных изданиях, «общественность» устроила целый поход против собственной армии и ее остова – офицерства.

Лично претерпев губительные последствия «антимилитаристского» угара своего народа, в числе других причин приведших к крушению армии, а за ней и России, русские офицеры в изгнании всячески пытались предостеречь потомков от повторения старых ошибок.

Указывалось также, что распространение таких идей – в интересах явного или скрытого противника, а часто и инициируется последним. Обращалось внимание и на «лжепацифизм», присущий,

например, тогдашней Америке.

Военные писатели эмиграции отчетливо улавливали пульс современной им эпохи, давая ей краткую характеристику: «власть войны». В работе с таким названием Ю. Данилов писал: «Законы войны всегда деспотичны. Теперь же, когда для достижения успеха требуется предельное напряжение всех живых и материальных сил нации, они особо остро будут ощущаемы, ибо проникают во все сферы как общественной, так и частной жизни и накладывают на них свою тяжелую, давящую руку»[185].

В мысли, приведенной выше, содержится не только указание на угрозу войны, но, главным образом, на характер современной войны — вопрос чрезвычайно важный, всегда находившийся в поле зрения изгнанников. «Мировая история вступила в период, угрожающий лучшим сторонам европейской культуры гибелью от безумного масштаба будущих войн, их длительности и адских способов взаимного истребления уже не только армий, но и самих народов», – предрекал генерал С. Шишко в работе «Современные и грядущие способы ведения войны и последствия будущих войн для мировой цивилизации». Он основывал такой прогноз на выводах о сопряженности современной войны с физическим уничтожением уже миллионов людей, с тем, что войны теперь требуют этапизации всей хозяйственной жизни, ведущей к материальному и психическому истощению нации[186].

«Война – это взятие на учет и рациональное использование всего: и сырья, и продуктов, и товаров, и людей со всеми их физическими силами и духовными способностями... ибо во время войны не будет ни свободного творчества, ни свободной мысли – все будет взято на службу государству. Изобретатель, организатор, проповедник, поэт – все будут «трудообязанными» и будут изобретать средства войны, организовывать военную форму социальной жизни и хозяйства, проповедовать воинственность и воспевать величие подвига. Это государственное рабство не будет тягостно тем, в ком сильно сознание национального долга, но для многих оно будет невыносимо», – так образно описывал власть войны Е. Месснер[187].

Профессор А. Гулевич, выступая на страницах «Русского Ин-

---

[185] Армия и Флот. – 1933. – № 9. – С. 57.
[186] Царский Вестник. – 1934. – № 428.
[187] *Месснер Е.* Горе – и побежденным и победителям // Сегодня. – 1931. – № 71.

валида», говорил о том, что характер войны предопределяется сложными и многообразными способами и средствами ее ведения, чрезвычайной ее разрушительностью. Он называл следующие элементы «предстоящей большой войны»: а) боевые действия на суше, воде и воздухе с применением новейших технических достижений; б) разрушения по всей территории страны, доступной средствам противника, применяющего все виды оружия, вплоть до бактериологического; в) экономическая война, главным образом путем блокад и иными средствами; г) политическая пропаганда, идеологические диверсии, направленные на моральное разложение противника и обострение существующих социально-политических противоречии[188].

После Второй мировой войны военные мыслители Зарубежья проявили особую проницательность. Четко зафиксировав, что техника стала ведущей осью военного дела, сделав выводы о всеускоряющемся техническом прогрессе, решающей роли авиации и о том, что война отныне будет «войной ужасающих разрушений издалека», ведущие авторы сосредоточили внимание на другом ее аспекте – «военно-философском парадоксе» (по выражению А. Зайцева) – всевозрастающей роли партизанской формы борьбы, или «малой войны». Правда, А. Зайцов говорил о ней как о примитивной форме, но вот Б. Хольмстон-Смысловский, Е. Месснер и другие уже так не считали, уделив ей пристальное внимание, вплотную занявшись развитием ее теории.

Этапом на этом пути следует считать книгу Б. Хольмстона «Война и политика. Партизанское движение» (1957). Война, по его убеждению, из трехмерной субстанции (на суше, в водной и воздушной стихиях) перешла в четырехмерную, ибо теперь она ведется и за душу солдата, душу воюющих наций. «Доминирующая идея динамизирует воюющие нации, – говорит автор, – идеи рождают психику, а психика создает бойца и новые формы боя». Он полагал, что в двадцатом веке такой идеей стала идея коммунизма и ее производные – революции и всевозможные освободительные движения, что именно революционная обстановка породила малую войну. Хольмстон указывал, что истоки ее теории находятся в марксистско-ленинском учении о революционных войнах, а Советский Генеральный штаб – автор современной ее доктрины и опытнейший ее организатор. (Думается, на тот момент утверждение справедливое.) Для малой войны характерно, что ведется она в тылу неприятеля и посредством нее решаются задачи разрушения коммуникационных линии, уничтожения сети связи и различных объектов управления и обеспечения, ведения глубокой разведки, организации политического террора и экономического саботажа и т. д.

[188] Русский Инвалид. – 1931. – № 28.

Описав тактику, «оператику», стратегию, психологию партизанской войны, Хольмстон-Смысловский призвал военных специалистов не гнушаться глубоким и детальным ее изучением, ибо «классическая военная наука должна найти принципиальные способы политических противодействий или радикальных методов огневой борьбы против... Малой Войны»[189].

Оригинальную трактовку характера современной войны предложил Е. Месснер, уделив серьезное внимание иррегулярству. Он показал шесть его типов: народное неповиновение и саботаж, вредительство, диверсия, террор, партизанство, восстание; сделал вывод о том, что революцию на войне одолеет лишь контрреволюция, в борьбе против иррегулярства победу дают не карательные экспедиции, но овладение душой народа. Углубляя изучение иррегулярного «воевания», Месснер заметил, что побуждениями к нему были месть оккупанту, освобождение страны, политико-социальный переворот и т. д. «Такую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста, беспринципного буйства, – говорил писатель, – нельзя было не назвать мятежом»[190]. В непрерывности и расширении этого процесса после 1945 г. Месснер увидел новую форму войны, которой дал наименование «мятежевойна». В своем труде «Мятеж – имя Третьей Всемирной» (1960) предсказал, что следующий мировой катаклизм примет именно такие очертания; в начале 70-х годов он провозглашает факт уже развернувшегося предсказанного действа, сокрушаясь, что «свободный мир» не осознает происходящего. «Многое происходит в мире непонятного, если смотреть через призму устаревших понятий о войне; но взгляд через новую призму – Мятежевойна – пояснит многое. Тогда мы перестанем называть криминальными происшествиями стратегические действия в рамках мятежевойны... Надо пе-

[189] *Хольмстон Б. А.* Война и политика. – С. 240. См.: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Военный университет, Русский путь, 1999. – (Российский военный сборник. Вып. 16).

[190] *Месснер Е.* Всемирная мятежевойна. – С. 6. См.: там же.

рестать называть беспорядками то, что является оперативными и тактическими эпизодами Мятежевойны...» – писал профессор Месснер[191].

Правда, Месснер и другие авторы в Зарубежье несколько наивно полагали, что инициатива в этой уже развернувшейся всеохватывающей войне принадлежит исключительно «Красномоскве», что ею, во имя разжигания революционной, классовой борьбы, инициируется большая часть террористических акций, всевозможных волнений, движений студентов и т. д., вплоть до поддержки и субсидирования в странах Запада анархонигилизма, наркомании, разврата, всего того, что повышает интенсивность Мятежа. Но если иметь в виду сущностное выявление «лика современной войны», то, думается, «учение» не только вполне адекватно отражало реалии времени, но и представляло собой предвидение.

Советская военная мысль, поначалу имевшая серьезнейшие разработки и обобщения опыта в области малых войн, постепенно укрывшись за грифами секретности, и саму теорию проблемы сделала недоступной сознанию армии. А ей, чем ближе к концу XX века, тем чаще приходилось сталкиваться именно с такой войной. И совершенно справедливо пишут современные ученые А. Усиков и В. Яременко: «Наложение табу на изучение «малых» войн, мотивов их возникновения, особенностей стратегии и тактики иррегулярных формирований постепенно привело к плачевным результатам: в военно-теоретическом плане Россия оказалась далеко позади требований времени. Неумение «манипулировать» угрозами (кроме глобальных империалистических), апелляция к стратегии Великой Отечественной войны (как будто не было Кореи, Вьетнама; Египта, Афганистана), фактическое отсутствие учебных программ в академиях и училищах по войнам новейшего времени стали одной из причин российских военных поражений и политических неудач»[192].

Правота исследователей очевидна. Как очевидно и то, что зарубежная русская военная мысль верно и своевременно услышала голос «малой войны». И так ли далеки от истины были военные писатели эмиграции, когда предсказывали образование континен-

[191] Там же. – С. 10.

[192] Независимое военное обозрение. – 1998. – № 42. – С. 4. См. также материал этих авторов: Послевоенные годы, полные войн // Независимое военное обозрение. – 1999. – № 17.

тальных государственных групп – Пан-Америки, Пан-Европы, Пан-Азии... и межконтинентальные войны XXI века, что придут на смену коалиционным? При этом Россия, с тяготеющими к ней государствами – «часть Света», сама «континентальная группа», одна из 5–6 мировых сил, – должна быть мощной, в готовности к отражению натиска и с запада и с востока[193].

Таковы некоторые аспекты понимания войны как неизбежного явления социальной жизни, отношения к войнам и определения их характера, присущие военным писателям эмиграции. Это их военно-философское основание, опираясь на которое они пытались наметить верные пути строительства будущей армии России.

На чужбине, после прохождения «всех кругов ада» революции и Гражданской войны военные писатели с особой остротой подчеркивали национально-государственный смысл и социальную роль армии. В их глазах Армия – «идея высокой национальной ценности» (Штейфон)[194], которая заключается в том, что Армия – это часовой, «с винтовкой у ноги стоящий на страже своей исторической государственности» (Хольмстон-Смысловский). П. Краснов подчеркивал, что Армия есть «как бы лицо государства, то открытое, по чему соседи судят о его силе, мощи и значении»[195].

А. Мариюшкин сравнивал необходимость армии для государства с необходимостью здоровья для человека и далее писал: «Отнимите у государства армию и оно повергнется в беспросветные сумерки и будни, погрузится сначала в сонную инертность, затем и в неизбежное вырождение...»[196]. Он с убежденностью утверждал, что если народ и государство хотят жить – они обязаны иметь мощную армию, которая «должна составлять предмет их забот и вожделений», как бы дорого это ни стоило.

Подобные многочисленные суждения общего характера практически возводились в абсолют, когда речь велась о Родине: без вооруженной силы Россия и единого дня не сможет быть Рос-

[193] *Месснер Е.* Война между континентами. – С. 30. См.: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Военный университет, Русский путь, 1999. – (Российский военный сборник. Вып. 16).

[194] *Штейфон Б.* Часовой. – 1933. – № 114–115. – С. 34.

[195] Российский военный сборник. Вып. 9. – С. 227.

[196] Философия войны. – С. 108. См.: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Военный университет, Русский путь, 1999. – (Российский военный сборник. Вып. 16).

сией (Керсновский).

Эмигранты со всей определенностью указывали на то, что армии свойственны как внешняя, так и внутренняя функции. Она во всякое время должна быть в готовности не допустить новых экспериментов над измученным телом своей Родины (Хольмстон-Смысловский), обязана оборонять Родину от порабощения извне и от унижения и разорения изнутри (П. Краснов).

Тот факт, что армия Российской империи пала жертвой политических бурь и страстей, да и сама чужбинная жизнь «славных осколков» русского воинства заставляли изгнанников задуматься над соотношением армии и политики (оригинальна их самоидентификация: политический продукт величайшей политической катастрофы)[138]. Это одно из «фирменных блюд» военной мысли эмиграции, так как подобные писания военных не поощрялись ни в царской России, ни в Советской. В Зарубежной же выступали в печати без опаски.

Проблема освещалась в работах А. Геруа, А. Керсновского, Е. Месснера, Г. Апанасенко, А. Шаврова, Е. Шелля, Н. Маркова и др. Большинство держались мнения: вооруженная сила не может быть вне политики. «Утверждение, что «Армия вне политики» – нелепо. Армия – это как раз вооруженная политика», – убеждал Керсновский[197]. Довольно оригинально высказывался А. Шавров: «Всякий военнослужащий есть не только солдат, но и одновременно член государственной политической партии, стоящей у власти и возглавляемой Главой государства, и к тому же наиболее преданный, верный и активный член, ибо по долгу службы он обязан с оружием в руках, не щадя своей жизни защищать Главу государства и существующий порядок»[198].

Н. Галай подчеркивал, что стойкость армии обеспечивается верной «политической настройкой» ее души – целенаправленным привитием ей четкой политической доктрины, вытекающей из национальной истории. Он полагал, что лозунг «армия вне политики» должен быть заменен другим – «в армии единая политика», ставящим ее на службу национальному политическому идеалу[199].

---

[197] *Керсновский А.* Философия войны. – С. 76. См.: там же.

[198] *Шавров А.* Открытое письмо генералу от кавалерии В. И. Гурко / Шавров А. Право частной собственности в возрожденной России. – Белград, 1930. – С. 22.

[199] Несколько подробнее об этом см.: Российский военный сборник. Вып. 13. Душа Армии. – С. 499–503.

Дабы последний в сознании воинства не был затерт либо подменен, настойчиво утверждалась необходимость для армии политической просвещенности, а для офицерского корпуса — прочного политического образования (И. Патронов)[200]. Подчеркивалось, что слишком дорогую цену заплатила Россия и сами офицеры в 1917 г. за свою политическую доверчивость и безграмотность. «Несчастные «аполитичные офицеры» – еще вчерашние герои, защитники Отечества – сегодняшние «враги народа», убивались десятками тысяч без всякого с их стороны сопротивления, так как, усвоив постоянно внушаемую им идею: Армия – вне политики, они не сумели организоваться не только для защиты своего Государя и гибнущего Отечества, но даже и для защиты собственных жизней», – с горечью замечал А. Шавров[201]. И как резюме подобных суждений звучит вывод Е. Шелля: «Пора покончить с чуждым русской армии принципом: армия вне политики. Армия политична, ибо она — народ, ибо она – лучшая часть своего народа, и ей не может быть безразлично, кто и куда ведет ее страну»[202].

В этой связи, а также в качестве «компенсации» за неучастие в политической жизни народа (партийно-политическая активность вносит в армейскую среду распри), за армией признавалось право, в случае нарушения основных законов государственности, «ломки национального единства народа», брать на себя роль арбитра для пресечения смуты. Армия не может безучастно взирать на развал государства, напротив – обязана «подпирать» его в моменты тяжелых кризисов. Власть, которая найдет опору в войске, обоснуется по сути не «на штыках», а будет покоиться «на моральном основании, на верности офицеров государственной идее» (Месснер)[203].

Огромный, уникальный, неоценимый вклад внесли изгнанники в сохранение и приумножение знания о Российской Императорской Армии, особенно ее последнего периода. Они, ее воспитанники и ее костяк, выступили летописцами, ревнителями и критиками разру-

---

[200] *Патронов И.* Армия и политика // Царский вестник. – 1940. – № 719.

[201] *Шавров А.* Открытое письмо генералу от кавалерии В. И. Гурко. – С. 23. См.: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Военный университет, Русский путь, 1999. – (Российский военный сборник. Вып. 16).

[202] Российский военный сборник. Вып. 13. Душа Армии. – С. 422.

[203] *Месснер Е.* Современные офицеры. – С. 31. См.: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Военный университет, Русский путь, 1999. – (Российский военный сборник. Вып. 16).

шенной цитадели русской государственности.

Самый многочисленный массив источников по этой теме – только печатных насчитывается более тысячи – составляют работы мемуарного и мемуарно-исследовательского характера...

В числе наиболее известных и содержательных из них – «Старая Армия» и «Путь русского офицера» А. Деникина, «Воспоминания о моей жизни» Б. Геруа, «Воспоминания» А. Лукомского, «Записки старого генерала о былом» М. Свечина, «На рубеже Китая», «Накануне войны», «Павлоны» и другие сочинения П. Краснова, «С Царем и без Царя» В. Воейкова, «Записки генерала-еврея» М. Грулева, «Моя служба в старой Гвардии» Ю. Макарова... Уже в наше время, в Москве, вышли в свет воспоминания, написанные в эмиграции, но ранее не публиковавшиеся: «На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии» Ю. Данилова («Воениздат», 1992) и «На службе трех Императоров» Н. Епанчина (издание журнала «Наше наследие», 1996). В архивах и частных собраниях до сих пор находятся неизданными сотни подобных работ. Множество статей, зарисовок такого плана – в военной периодике, в частности, в «Часовом», «Военной Были», «Военно-историческом Вестнике» и др.

Трудно переоценить значение этих произведений. В совокупности они – «энциклопедия» Старой Армии. Их авторы стремились запечатлеть не только свой жизненный и служебный путь, но и черты эпохи, армейский уклад, детали воинского быта, традиции и нравы. Чрезвычайно интересны и важны портреты и характеристики личностей, описание системы взаимоотношений в офицерской среде, многое другое. Конечно, каждый источник несет печать субъективности, что и свойственно этому жанру, но все они написаны с глубоким знанием предмета. Показаны кадетские корпуса, военные училища, Академия Генштаба, служба в полках, в штабах и других органах военного управления, армия в конце XIX – начале XX веков, в первой революции, в Русско-японской войне, в период «военного ренессанса» (подготовки к Великой войне) и на фронтах последней своей войны, в момент своего разложения... Старая Армия не идеализировалась, откровенно высвечивались ее недостатки и грехи. Это делалось для того, чтобы честно донести до грядущих поколений ее неприукрашенный облик, поведать об ошибках, которые следует исправить в будущем.

В первом номере журнала «Часовой» (1929) его редакция вы-

ступила с почином «Истории Российских полков», напомнив читателям о том, что к началу Великой войны в российской армии не было, пожалуй, ни одной части, которая не имела бы своей «истории», «материалов для истории», «исторической памятки»... Полковым объединениям и союзам, всем читателям было предложено присылать краткие очерки истории своих частей, имеющие наибольшее моральное и воспитательное значение. Начинание нашло горячую поддержку. В течение нескольких лет на страницах журнала были опубликованы десятки «полковых историй», причем в их содержании имелись эпизоды уже из Великой и Гражданской войн. Параллельно с этим широко развернулась деятельность по созданию книг и брошюр, призванных отразить участие и пути частей как раз в «последней войне петровской армии», а также в контрреволюционной борьбе. Большую роль в этом сыграли зародившиеся тогда журналы зарубежных «полковых семей». Вся работа полковых организаций и групп, и само их органичное и естественное возникновение в особых условиях эмиграции, подтверждали осознававшуюся ими истину: «полк – единица духовная, в полках создается дух Армии» (формулировка А. Керсновского).

Между однополчанами, разбросанным по всему свету, велась оживленная переписка, по крупицам собирались необходимые сведения. Жертвовали последние гроши на то, чтобы отпечатать книги, и они выходили: «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. 1914–1920 годы» В. Н. Звегинцова (Звегинцов старший), «Кирасиры Его Величества в Великую войну» В. Гоштовта, «Семеновцы в 1914 году» А. Зайцова, «История Лейб-Гвардии Конного полка», «Лейб-Гвардии 2-я Артиллерийская Бригада» А. фон Аккермана, «Журналы боевых действий» гвардейских пехотных дивизий и гвардейской Стрелковой бригады, десятки и десятки других изданий, посвященных также училищам и кадетским корпусам.

П. Краснов, проживавший в Германии, как-то сравнил работу полковых историков немецкой армии, создавших солидные подробнейшие труды, и русских эмигрантов: «Составить в германских условиях историю своего полка был сладкий и приятный долг; для русского полкового историка это был – подвиг»[204]. Он, выступая в печати с отзывами на эти книги, верно говорил о том, что мо-

[204] *Краснов П. Н.* Боевые истории русских полков // Часовой. – 1936. – № 179. – С. 15.

лодое поколение не знает, какой была и как воевала Российская армия, особенно в последнюю свою войну. И потому вещи, написанные как бы «для себя», для полковых семей, по своему значению «выходят из интимных рамок» и делаются достоянием всей эмиграции. Добавим, что сегодня, на исходе XX века, историческая и духовная значимость этих работ возросла многократно.

Военно-мемуарная литература, полковые летописи, освещая различные стороны и проблемы российской вооруженной силы, боевую хронику и славные дела воинских частей, содержа множество глубоких оценок и суждений, подвигали к созданию работ обобщающего, синтетического характера. В творческой атмосфере военной эмиграции витал вопрос о необходимости труда, который бы объемно, философски отразил исторический путь Русской Армии, ее роль в создании, укреплении, ветшании и гибели Российской империи. Именитые военные ученые, понимая всю сложность и ответственность такой задачи, в условиях изгнания за ее решение не брались...

Ее выполнил самый молодой из сообщества военных писателей эмиграции первой волны – А. Керсновский, создав «Историю Русской Армии», труд по характеру и значению исключительный, и о нем скажем подробнее. В предисловии автор прямо указал свою цель: «Книга эта... предназначается для офицеров возрожденной Русской Армии – как слушателей Императорской Николаевской военной академии, так и строевых. Одним она сможет помочь при изучении стратегии, военной истории и истории военного искусства, другие узнают из нее то, чему их не учили в «нормальных школах» и на командных курсах».

Писатель хотел показать первостепенную роль вооруженной силы в многовековом процессе государственного строительства России, «самобытность русского военного искусства, неизреченную его красоту, вытекающую из духовных его основ, и мощь русского гения».

Авторский замысел включал следующие труды: «История Русской Армии», «История старых полков императорской пехоты», «История молодых полков», «История регулярной русской конницы», «История казачьих войск и частей», «История артиллерии, инженерных войск и авиации», «Биографии военачальников», «Очерки военного быта XVIII–XIX веков», «Страницы славы Русской Армии». Всего предполагалось создать 12 томов. Тома XI–XII

Керсновский изначально готовил к печати отдельной книгой «Русские подвиги», запечатлев в ней около 800 геройских дел, «прославивших русское имя». Но опубликовал лишь несколько фрагментов рукописи в разных изданиях.

Впервые такая объемная историческая серия создавалась одним автором, да еще в эмиграции. В ней предполагалось осветить весь исторический путь Российской Армии от ее зарождения до гибели.

Не типичен для того времени и подход к теме. Военная история и военное искусство изображались на рельефном фоне политической жизни России. Причем без оглядки на цензуру и «авторитетные мнения».

Первые три тома были готовы уже в 1932 году. К 1936 г. практически завершены тома IV–VI и XI–XII, остальные дорабатывались. Однако на полное их издание не хватало средств. Собирая их, Н. П. Рклицкий с товарищами сделали все, что могли. Они проводили предварительную подписку, создавали «специальный фонд». Керсновский вынужденно сокращал текст, даже слова в нем, перестраивал замысел. В конечном итоге «История Русской Армии», печатавшаяся с 1933 по 1938 год в Белграде, вышла только в четырех томах (частях).

Резонанс в военных и общественных кругах вызывало появление каждого тома. В целом книга стала событием в военно-литературной жизни эмиграции. Об этом говорят десятки отзывов. Приведем те, которые содержат квинтэссенцию оценок.

Генерал Б. А. Штейфон: «Керсновский... руководствуясь только исторической правдой... с равным беспристрастием разбирает светлые и теневые стороны истории армии. При этом автор со свойственной ему независимостью суждений смело опровергает многие устоявшиеся ранее характеристики... И надо признать, что опровергает вполне основательно.

Книга Керсновского – это книга большого воспитательного значения. Книга, культивирующая русскую национальную гордость.

Отсутствие подобных изданий в прошлом лишило миллионы русских детей и юношей счастья гордиться русской славой, а гордясь ею, пламенно возлюбить свою великую Родину».

Генерал, профессор Б. В. Геруа: «Его книга не учебник и не академическое исследование. Для первого ей не хватает сухости

и олимпийской безгрешности. Для второго – первоисточников, и главное – места. Но это письменный памятник истории войн императорской России. Это своего рода «Слово о полку Игореве»».

Думается, это определение за счет своей образности является самой точной и емкой оценкой труда, уже вошедшего в золотой фонд наследия русской военной мысли.

Надо сказать, известна еще одна «История Русской Армии», вышедшая в эмиграции. Она принадлежит перу С. Андоленко, издана на французском языке и рассчитана прежде всего на французскую публику (1967).

Автор указал на то, что после победы России во Второй мировой войне все внимание приковано к ее современным вооруженным силам и оборонной промышленности. Между тем из поля зрения выпадают вопросы ее великого военного прошлого, полные героизма, драматизма. Сама по себе история Русской Армии «являет совершенную военную школу»: XVIII век – эра побед, прогресса, богатства идей; XIX век – эпоха декаданса и духовной нищеты. Оба периода крайне поучительны: из первого следует почерпнуть принципы дееспособности и победоносности армии, во втором – разглядеть ошибки, которых нужно избегать. Очевидно, что основные выводы сделаны не без влияния трудов А. Керсновского, Б. Штейфона, Е. Масловского и других эмигрантов, хотя автор использовал и советские источники.

Отдельно отметим труды эмигрантов в области русской военной геральдики, медалистики, формоведения, «расписания войск».

Великолепную серию работ, появившихся с 1959 по 1973 г., создал В. В. Звегинцов. В нее вошли такие издания, как «Формы Русской Армии 1914 г.», «Русская армия 1914 года» (состав армии мирного времени с указанием мест дислокации дивизий, полков, их старшинство, полковые праздники и т. п., а также формирования периода Великой войны), «Знамена и штандарты Русской Армии XVI в. – 1914 г. и морские флаги» (наиболее полный, сводный труд по данному вопросу), «Русская Армия. Ч. 1–4» (охватывает период с 1700 по 1825 г.: обмундирование, краткие сведения об организации, список полков, участвовавших в сражениях...) и др.

Большой популярностью у специалистов, и не только у них, пользовались и пользуются работы Е. Молло «Русские офицерские знаки», «Русские орденские знаки XVIII века», С. Андоленко «Нагрудные знаки Русской Армии». Все они вышли в шестидесятые

годы в Париже в серии «Военно-историческая библиотека «Военной Были»» (на рубеже 60–70-х годов – Военно-Историческое Издательство «Танаис»).

Таким образом, мы должны констатировать, что Старая Армия в военной мысли эмиграции нашла триединое отражение: в качестве исторической концепции (А. Керсновский), в качестве собрания «полковых историй» и в качестве описания и осмысления личного опыта представителей последнего поколения ее офицерского корпуса.

Вся колоссальная работа велась с непоколебимой верой в возрождение будущей национальной армии России. Лучшие представители эмиграции, крупные военные умы с первых дней изгнания жили не просто с мыслью о будущем, но с высокой ответственностью за него. «Эмиграция должна держаться начеку, в постоянной готовности приступить к строительству, а для этого нужна большая подготовительная работа», – писал В. Доманевский, добавляя, что власть, которая сменит коммунистов, «должна будет сразу учесть пути, по которым следует вести возрождение Российской вооруженной силы»[205]. «Для будущей национальной России вопросы ее поенного строительства явятся вопросами ее бытия», – заключал Б. Штейфон.

Для военной эмиграции эта проблема – центральная, ибо другие имели смысл постольку, поскольку полученные при их изучении знания могли быть полезны для будущей Российской вооруженной силы и военной системы страны. И мы сегодня исследуем и представляем военную мысль в изгнании потому, что видим в этом огромную пользу для современной армии.

В 20-х – начале 30-х годов военные умы в значительной мере были заняты определением типа и параметров вооруженных сил, в наибольшей степени отвечающих современному моменту и требованиям ближайшей перспективы. Появились «Полчища» А. Геруа, «Милиции в условиях современной войны» С. Добророльского, «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» Н. Головина, «Начальные основы строительства будущей Русской Армии» А. Баиова и другие работы. Авторы по-разному смотрели на соотношение «качества» и «количества». «Идеал – многомиллионная армия из патриотически настроенных профессионалов

[205] Возрождение. – 1927. – № 830.

длительных сроков службы – недостижим. Приходится делать уступки в обе стороны», – писал А. Виноградский[206]. Обозначились две основные точки зрения[207]. Добророльский, Головин и его сторонники (Зайцов, Доманевский, Гулевич, Пятницкий и др. так называемые «парижане») высказывались в пользу подготовки массовой армии, полагая, что следующая большая война будет длительной, изнурительной, потребует поставить под ружье миллионы, создать систему «вооруженного народа». А. Геруа и его единомышленники в этом вопросе (Штейфон, Месснер, Баиов, Керсновский... – «балканская школа»), напротив, выступили приверженцами «малой армии», в основу которой полагали заложить принципы отбора, качества, профессионализма, «национальности».

Важно заметить, что первые исходили из того, к чему, по их мнению, нужно готовиться, вторые – к чему следует стремиться. Одни были уверены, что для отражения агрессии и достижения победы в современной международной войне вынужденно необходима милиционная «масса». Другие предостерегали: вооруженный народ («полчища») в условиях военного перенапряжения и классовых противоречий «облегчает завязку и развитие гражданской войны», что сводит на нет жертвы в войне международной и ведет к двойному поражению страны. И те, и другие исходили из пережитого недавнего опыта. Взгляды «парижан» оказались актуальнее тогда, мысли «балканцев» вызывают больший интерес сегодня. Ведь последние пытались разработать соответствующие рекомендации, исходя из следующей оценки ситуации: «Экономическое положение возрожденной России не позволит ей содержать прежнюю многомиллионную армию. Таким образом назреет необходимость с «малыми» силами надежно разрешить все вопросы государственной обороны» (Штейфон)[208].

Эта часть наследия эмиграции содержит определенное «учение о будущей Русской Армии» (выражение Месснера). Оно, конечно, не представляет собой строгой универсальной системы, изложен-

[206] *Виноградский А.* Качество и количество // Возрождение. – 1927. – № 818.

[207] Третья – сугубо скептическая. «Тема, на мой взгляд, очень щекотливая... Не известно, какой будет сама Россия», – доверительно высказывался В. Добрынин в письме В. Чернавину по прочтении труда Н. Головина (ГАРФ. – Ф. 5956. – Оп. 1. – Д. 149. – Л. 3).

[208] Российский военный сборник. Вып. 9. Какая армия нужна России. – С. 187.

ной в каком-либо сводном труде. Но это – совокупность полезных и поучительных принципиальных положений, выводов, мыслей военно-философского и специального характера, до сих пор не утративших своей актуальности.

Главными основами здесь выдвигалось следующее.

Верное понимание природы, сущности, предназначения вооруженной силы в условиях России: Армия – государствообразующая сила; Армия – не мнимо, а действительно боевая, охранительная сила; Армия – и объект, и субъект военного искусства; Армия – не просто часть нации, а – «концентрированная нация». Армия – организм, не меняющий легко своей специфической природы в зависимости от «пожеланий» правителей, она несет в себе историческую традицию и позитивную инерцию, с которыми всегда следует считаться, дабы не уродовать ее «естественный стиль» И «национальность» (А. Геруа, Месснер, Керсновский, Штейфон, Мариюшкин).

Глубокое изучение и учет опыта последних войн, разработка на этой основе научной программы воссоздания или преобразования армии (Головин, Доманевский).

Поскольку процесс строительства (возрождения) вооруженных сил требует времени, то стране необходим длительный период мира, который, возможно, придется покупать ценой некоторого «национального унижения» (Головин).

Создание соответствующего благоприятного общественного мнения (общенародной идеи) в поддержку проводимых мероприятий по укреплению обороноспособности государства (социально-психологическое обеспечение) (Геруа).

Сосредоточение максимума усилий на создании крепкого офицерского корпуса: «всякая армия стоит того, чего стоят ее кадры» (А. Геруа, Месснер, Керсновский, Флуг, Болтунов и др.)

Главными принципами строительства и функционирования армии определялись: отбор (комплектование), качество (подготовка и боеспособность), профессионализм (уровень и стиль выполнения задач), «преобладание духа над материей» (без одухотворенности нет победы; человек – главный элемент военного дела), служение (путеводная идея военного профессионала).

Первостепенными свойствами боеспособной армии назывались: воспитанность и обученность войск для боя; военная образованность, скрупулезное знание своего дела; наличие новейшей во-

енной техники и вооружения; качественно подготовленный, обладающий комплексом духовных свойств командный состав; такая организация вооруженных сил, которая давала бы возможность наиболее полного их применения против неприятеля на войне; способность к продолжительной сопротивляемости; высокий военный дух армии как синтез всего ее устройства и верный показатель ее боеспособности.

Помышляя о «будущей Русской Армии», военные писатели эмиграции с первых дней изгнания с неослабевающим вниманием следили за «Красной вооруженной силой» – опорой Советской власти, политическую сущность которой они выражали через определение: «Армия III Интернационала». Ей посвящены сотни работ – от небольших статей до объемных исследований, составляющих оригинальный взгляд на Красную Армию, существенный фрагмент знания о ней. Оригинальность прежде всего заключается в том, что «армия революции» рассматривалась и со стороны, и, вместе с тем, как бы «изнутри» (из «одной шинели» вышли и эмигранты, и строившие Красную Армию военспецы, и те и другие психологически были русскими, и тем и другим Россия – Родина, которую они защищали). В СССР о своей армии, естественно, не могли писать того и так, что и как писали о ней в Зарубежье.

В начале 20-х годов среди эмигрантов преобладала «кинжальная» критика состояния военного дела в Советской России. Под ее огонь попадали и организация, и боеспособность, и качество кадров («невежество комсостава»)... «Здесь выявляет свою силу общий закон: являясь продуктом социального разложения, большевики не способны ни к какой созидательной работе», – писал Головин в статье «Современная война и «Красная» вооруженная сила»[209]. Не столь категорично, но также негативно оценивал возможности Красной Армии Ф. Ростовцев[210]. Правда, на необъективность таких оценок указывал, например, А. Носков, отмечавший меры, принимаемые «Советами» по повышению качества армии[211].

Позже имевшую место предвзятость постепенно вытеснили более объективные и практически адекватные оценки (несмотря на не убывавший антибольшевизм военных эмигрантов). Это было

[209] Военный Сборник. – 1922. – Кн. 3. – С. 48.

[210] *Ростовцев Ф.* Красная армия на распутьи // Русская Мысль. – 1922. – Кн. 8–10.

[211] *Носков А. А.* Красная Армия // Смена вех. – 1921. – № 1.

связано как с относительным улучшением постановки информации и научной работы, так и с предположением возвращения в Россию при тех или иных обстоятельствах (выдвижение утопии о Красной армии, «повернувшей штыки против коммунистической власти», постепенном «национальном перерождении» режима и т. п.)

В начале 30-х Керсновский признает весьма логичной и продуманной организацию Красной Армии этого периода, с ее резким делением на «кадровые войска», «территориальную армию» и «части особого назначения»[212]. Н. Колесников вообще упрекает эмиграцию в недооценке «Красного Сфинкса», уверяя своих читателей в достаточной боеспособности советских войск и их высоком политическом настрое[213]. А. Зайцов, крупнейший специалист эмиграции по армии Советской России, констатировал, что она ушла далеко вперед не только от эпохи гражданской войны, но и от того периода роста, с которым у многих все еще связано представление о ней. Он утверждал: «И организационно и технически она не уступает своим соседям, а во многих областях (например, в авиации) несомненно превосходит... Ее Уставы не хуже уставов других армий, ее материальна» часть сильно подправилась...»[214]. Этот автор определил основной диалектический, а вернее драматический момент развития Красной Армии, заключающийся, как он полагал, в постоянной борьбе двух начал: с одной стороны – стремление превратить армию в самостоятельный организм, построенный на основах нормальной организации регулярства, с другой стороны – я желание сделать из нее орудие, полностью подчиненное коммунистической партии[215]. К 1937 году, по его мнению, первая тенденция возобладала настолько, что даже весь партийно-политический аппарат Красной Армии, обособившись от самой партии, образовал собой как бы особый подотдел военных коммунистов. Удельный вес армии поднялся настолько, что стал угрожать сталинской диктатуре. «В этом-то и лежит, – писал Зайцов, – основная причина того «превентивного» разгрома этих сил, которая выразилась в расстрелах 1937 года и последовавших за ним «чистках»... С этой поры, то есть

[212] Царский Вестник. – 1931. – № 194.

[213] Армия и Флот. – 1932. – № 7.

[214] Часовой. – 1931. – № 54. – С. 12.

[215] *Зайцов А.* Боевая ценность красной армии. См.: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Военный университет, Русский путь, 1999. – (Российский военный сборник. Вып. 16).

со второй половины 1937 года, началась новая эпоха строительства или, вернее, разрушения красной армии»[216].

Военно-политическая обстановка в СССР, агитация и пропаганда в армии тоже были предметом пристального внимания, отражались во многих статьях, а также отдельных изданиях, например таких, как «Красная Армия и Коммунистическая партия (политическое устройство армии)» Н. Пятницкого, автора трех значительных работ по Красной Армии, или труд А. Геруа «Красная Армия. Социальная война», вышедший в Париже на французском языке (1931). В них подчеркивалось, что армия в СССР – это инструмент Компартии и III Интернационала, что там военное дело «опутано политическими путами», стесняющими его естественное развитие, господствуют доктринальные установки на «революцию извне» – расчет на политическое разложение противника. Отмечалось, что подрывная политическая работа в капиталистических странах ведется советскими спецслужбами давно и целенаправленно, в том числе путем инициирования, финансирования в них коммунистического и рабочего движения.

Вместе с тем часть авторов указывали на продуманную в Красной Армии систему политического воспитания, каркас которой следовало бы использовать в «будущей Русской Армии», заменив, естественно, содержание. Армии необходимо национально-государственное воспитание и политическое обеспечение; для качественного проведения такой работы нужны специалисты, но не контролирующие работу командиров, подобно комиссарам, а помогающие им (Шелль, Колесников).

Эмигранты всегда стремились отслеживать и оценивать военную мысль РККА, ее течения, новинки, господствующие взгляды на военное строительство, обучение, боевую подготовку. Это отражено, например, в статье Н. Пятницкого «Эволюция красной военной доктрины». Первым военным умом Советской России бесспорно признавался А. Свечин. «Свечин – «анфан террибль» русского Генерального штаба, лейб-оппозиция Царской армии, несомненно значительно созрел и отрешился от многих увлечений...» – писал в отзыве на «Эволюцию военного искусства» В. Шотвин[217]. Изгнанники откликались на все крупные и принципиальные

[216] Возрождение. – 1939. – № 4198.
[217] Часовой. – 1929. – № 9–10. – С. 8.

труды и работы Свечина, вплоть до последней его статьи «Основы современной японской стратегии и тактики», появившейся в «Военной мысли» (1937, № 1). Обсуждали и активно использовали «Стратегию». По его выступлениям в советской печати и реакции на них судили о происходящем «на военно-научном фронте». Не укрылась от их взоров и кампания против мыслителя, развернутая Тухачевским в Конце 20-х – начале 30-х годов, которую Зайцов метко окрестил «Антисвечин». Всем было ясно, что личность незаурядного военного писателя «скована в выявлении своей бурной натуры...»[218]. Им явно было жаль Свечина (одна из статей, авторства С. Яковлева, так и называлась «В защиту ген. Свечина»)[219], но эмигранты помнили: он сам избрал свою участь.

Изгнанники видели, как другие офицеры старого Генштаба – Мартынов, Незнамов, Лигнау, Балтийский, Троицкий и др. – из ярких в прошлом военных писателей и педагогов, при большевиках, стушевываясь, превращались лишь в «полезности», сходя «со сцены». Новое поколение офицеров было иным[220].

По общему заключению эмиграции, самым слабым местом Красной Армии был ее командный состав, или, как говорил Месснер, «полуинтеллигентное офицерство». В этой связи в 1938 г. он писал: «Это не значит, что недоучившиеся – плохие солдаты; это не значит, что красные командиры не храбры, не обладают волей, не знают свое ремесло. Это не значит, что Красная армия не может воевать. Это значит, что она не может воевать «малой кровью»... Красная армия, пока она будет руководиться нынешним офицерством, будет армией кровавых боев – может быть победа, может быть поражение, но во всяком случае кровавые»[221]. Теперь ясно, что применительно к Великой Отечественной войне этот прогноз оказался пророческим.

Немалый интерес представляют работы эмигрантов «позднего периода» о советской военной системе 50–60-х годов. Прежде всего отметим социально- и военно-политические аналитические материалы Н. Галая: «Ракетное оружие и советская военная доктрина», «Армия и перемены в послесталинском руководстве СССР», «Влияние военной революции на советскую внешнюю политику»,

[218] Там же.
[219] Время. – 1931. – № 494.
[220] Красная армия. Лето 1929 года. – Б. м., б. г. – С. 67.
[221] Знамя России. – 1938. – № 2–3. – С. 9

«Связи и взаимовлияния между социальной структурой общества и его военной системой на примере СССР» и др.

Вышесказанным не ограничивается то, что писалось изгнанниками о вооруженных силах Советского Союза. Во множестве работ рассматривались комплектование армии, ее боевая подготовка (с извечной у нас «сельскохозяйственной» составляющей), техническое обеспечение, быт и другие вопросы. Конечно, их взгляд зачастую страдал неполнотой, при скудости сведений во многом основывался на догадках, интуиции. Тем не менее общая картина, как можно судить сегодня, если и искажала предмет, то незначительно и во всяком случае – менее, нежели официальные советские источники. А правдивой полнокровной истории Советской Армии (РККА) у нас нет до сих пор.

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В КУЛЬТУРЕ И ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XX ВЕКЕ

3.1. Развитие военной науки в Советский период

Формирование советской военной науки происходило в исключительно сложной внутренней и международной обстановке. Россия была охвачена пожаром Гражданской войны и одновременно вела борьбу с войсками интервентов. В тяжелом положении находилась экономика страны, подорванная еще в годы Первой мировой войны. Не хватало обмундирования, снаряжения и вооружения. Острый недостаток ощущался и в квалифицированных командных кадрах, специалистах самого разного профиля, в первую очередь в сфере теории и практики военного дела.

На развитие военной науки в это время значительное влияние оказали особенности Гражданской войны, требовавшие нового подхода к решению многих военно-теоретических проблем. Одной из них являлась бескомпромиссность социального конфликта, что предопределило решительность военной стратегии и тактики, их наступательный характер. Другой особенностью выступала военная интервенция, расширившая пространственные рамки войны и внесшая элементы коалиционных действий. Важным обстоятельством стала зависимость исхода вооруженной борьбы от решения крестьянского, казачьего и национального вопросов, что в значительной степени сказалось на составе воюющих армий, мобилизационных возможностях сторон и степени напряженности военных действий. Еще одна отличительная особенность войны состояла в довольно четком географическом размежевании сторон. Красная армия главным образом опиралась на центральные, наиболее развитые в индустриальном отношении регионы, а армии Белого движения – преимущественно на периферийные, в основном сельскохозяйственные районы. Это отражалось на потенциальных возможностях вооруженных сил сторон, их комплектовании, осна-

щении и способах стратегического применения.

Относительно небольшая численность противоборствующих армий, отсутствие сплошных фронтов, различные физико-географические и природно-климатические условия театров военных действий требовали творческого мышления со стороны командных кадров, их инициативы и самостоятельности. Особую роль в войне играл и моральный фактор, который также наложил свой отпечаток на разработку ряда вопросов военной теории.

Смена общественного строя России, идеология народовластия, создание новой военной организации обусловили необходимость творческого подхода к развитию военной теории и ее методологии. Это предопределило размежевание военных теоретиков на две школы. С одной стороны, военная школа, представителями которой являлись в основном офицеры и генералы старой русской армии, не учитывавшие или учитывавшие не в полной мере социально-экономические и политические изменения в обществе и отстаивавшие вечность и неизменность принципов военного искусства; с другой – военная школа, в которую входили сторонники диалектико-материалистической методологии и материалистического понимания истории. Представители обеих школ активно обсуждали важнейшие военно-теоретические проблемы на страницах журналов «Военное дело», «Красная Армия», «Революция и война», на заседаниях военно-научных обществ.

Развитие военной науки осложнялось и тем, что командный состав Красной армии был неоднороден как в социальном отношении, так и по уровню военно-технической подготовки, пониманию новых идей, в частности марксизма и отношения к нему. И военным специалистам, и молодым красным командирам трудно было сразу разобраться в сложном взаимопереплетении материальных и духовных факторов войны, военного дела, найти тот объективный критерий, который позволил бы им увидеть взаимосвязь общих тенденций общественного развития и процессов Гражданской войны, осмыслить ее особенности и тенденции развития военного дела.

Конечно, это не означает, что новый период в развитии отечественной военной науки формировался сам собой, стихийно. Напротив, политическое и военное руководство страны всячески стремилось придать этому процессу организованность и необходимую направленность. Прежде всего оно призывало не отбрасы-

вать достижения досоветской военной науки, а всемерно и критически их использовать. Оно высоко ценило также военные кадры, способные творчески развивать военную теорию. Широкое привлечение офицеров и генералов царской армии на службу в РККА – лучшее тому подтверждение.

Вместе с тем был взят четкий курс на максимальное использование достижений марксистской мысли в исследовании военной проблематики. Следует признать, что К. Маркс и особенно Ф. Энгельс, применив диалектико-материалистический метод в познании военного дела к анализу войн прошлого, особенно крупнейших войн XVIII–XIX вв., вскрыли многие объективные причины их возникновения, социальную сущность и роль в истории, а также сущность и предназначение армий. Они сформулировали ряд важных закономерностей военного дела, а также основные положения новой методологии военной теории и практики.

Заметный вклад в дальнейшее развитие военно-теоретической мысли и ее методологии внесли В. И. Ленин и некоторые другие политические и военные деятели Советского государства. Ленин, например, дал научную классификацию войн новой эпохи, раскрыл их сущность; сформулировал положения о факторах, решающих ход и исход войны; показал взаимосвязь военной организации и общественного строя страны, социальную природу и функции армии; сформулировал некоторые принципы политического и стратегического руководства войной.

Наконец, политическое и военное руководство страны отдавало себе ясный отчет, что для успешного развития военной теории и военного дела необходимы высокообразованные военные кадры. Поэтому оно придавало большое значение высшему военному образованию. В частности, была сохранена в реорганизованном виде Императорская Николаевская военная академия как предшественница созданной в декабре 1918 г. Академии Генерального штаба РККА. Позднее были образованы Артиллерийская, Военно-инженерная, Военно-морская, Военно-медицинская и Военно-хозяйственная академии. В короткие сроки была организована сеть военных курсов и школ, подготовивших немало командиров Красной армии.

Одновременно для развития военной науки предпринимались попытки использовать достижения самых различных областей знания – общественных, естественных и технических наук; было ясно,

что военное дело опирается на всю совокупность человеческих знаний.

Перед военной теорией и военными кадрами молодого Советского государства встали задачи исторической важности и огромной трудности:

а) необходимо было осмыслить новую историческую ситуацию в мире и стране с точки зрения места и роли в жизни народов и государств вооруженного насилия, войн, конфликтов, а также характер начавшейся исторической эпохи и ее влияние на военное дело и закономерности его развития;

б) нужно было найти теоретическое решение задачи строительства новой армии и выбрать способы ее практического осуществления, решить проблему укрепления оборонной мощи страны, защиты Отечества в сложной и противоречивой международной военно-политической и военно-стратегической обстановке;

в) предстояло выработать новые принципы и на их основе найти формы и способы ведения войны и вооруженной борьбы, адекватные достигнутому уровню развития военного дела, экономики, науки и техники. Они должны были не только не уступать формам и методам ведения войн и вооруженной борьбы, применяемым действительными и вероятными противниками, но и превосходить их.

Решение этих и других задач сопровождалось осмыслением и критическим использованием исторического опыта, достижений отечественной и зарубежной военной мысли.

Сложность решаемых военной теорией задач требовала глубоких, в первую очередь философских, подходов к оценке сложившейся ситуации, прогнозированию событий и выработке на этой основе верной и высокоэффективной военной политики; формирования учения о войне и армии, о защите социалистического Отечества; разработки философско-социологических проблем военной науки, с одной стороны, и теоретических проблем вооруженной борьбы, военного искусства – с другой. Особое место заняло создание теории глубокой операции и боя, продвинувшей военную науку далеко вперед. Немало было сделано и в теоретическом обосновании строительства вооруженных сил, их боевой готовности и боеспособности, обучения и воспитания личного состава. Успех в этом деле достигался благодаря тому, что разрабатывались прикладные проблемы военной науки, без решения которых немыслимо обеспечение единства военной теории и практики.

В целом развитие военно-теоретической мысли в СССР привело к созданию новой «теории победы» на основе обобщения всех сфер научного знания. Ядро, ведущие положения этой теории сформировались в рамках военной науки и учения о войне и армии на основе марксистского мировоззрения и диалектико-материалистического метода. Правда, «теория победы» как таковая нигде не излагалась. В трудах военных теоретиков обычно речь шла о военной победе, условиях и путях ее достижения. В «теории победы» можно выделить три уровня. Первый, наиболее общий, включает в себя положения и выводы о неизбежности победы Советского Союза (в случае, если ему придется вступить в войну), вытекающие из закономерностей общественного развития, состоящего в смене общественно-экономических формаций. Считалось, что, поскольку социализм исторически является более прогрессивной системой, чем капитализм, постольку он создаст необходимые материальные и духовные предпосылки для превосходства военной организации социализма над военной организацией капиталистических государств.

Кроме того, предполагалось, что социалистические преобразования и миролюбивая внешняя политика Советского государства обеспечат ему широкую поддержку народных масс в своей и других странах, как и солидарность трудящихся всего мира.

Важным элементом первого уровня «теории победы» являлось также положение о преимуществах вооруженного насилия, осуществляемого передовым, революционным классом, над вооруженным насилием реакционных классов. Оно гласит: вооруженное насилие со стороны рабочего класса всегда будет в конечном счете победоносным, потому что опирается на более высокую социально-экономическую организацию, на более передовой общественный класс. «Насилие можно применить, – писал В. И. Ленин, – не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применять насилие, опираясь на передовой класс, на более высшие принципы социалистического строя, порядка и организации. И тогда оно может временно потерпеть неудачу, но оно непобедимо»[222].

Таким образом, возможность победы Советского Союза в войне вытекала из признания закономерности и неизбежности победы

[222] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 369–370.

нового, прогрессивного общественного строя – социализма, идущего на смену старому общественному строю.

Второй уровень составляли положения и взгляды, вытекавшие из анализа и оценки диалектической связи характера войны с основным содержанием эпохи, в которой она неизбежно должна была возникнуть, а также из оценки характера политических и военных целей, во имя которых эта война развязывается и ведется.

Исходя из тезиса о том, что каждая эпоха имеет свои войны, военная теория особое значение придавала оценке политического содержания войн и определению их социальной роли; она считала, что политическое содержание определяет прогрессивную или реакционную роль войны в общественной жизни, историческом процессе, что в зависимости от этого каждая война имеет справедливый или несправедливый характер. При этом под справедливой понималась война, которая ведется народом во имя свободы и социального прогресса, за освобождение от эксплуатации и национального гнета или в защиту своей государственной независимости против агрессивного нападения. И наоборот, всякая война, развязанная с целью захвата чужих территорий, порабощения и грабежа других народов, является несправедливой. Справедливые войны имеют прогрессивную направленность, а несправедливые – противоречат историческому прогрессу. Однако подчеркивалось, что вопрос о законности и справедливости войн недопустимо смешивать с вопросом об их целесообразности: справедливая война всегда имеет характер ответной реакции народа на агрессию, эксплуатацию и насилие со стороны реакционных классов.

Возможная война, которую могут навязать Советскому Союзу, рассматривалась, безусловно, как справедливая по происхождению, целям, характеру и отношению к ней народных масс. И Великая Отечественная война 1941–1945 гг. это полностью подтвердила.

Третий уровень «теории победы» составили положения и выводы собственно военного характера: некоторые из них были разработаны еще до Великой Отечественной войны, однако достигли наибольшей полноты в ее ходе, а иные, напротив, стали продуктом военно-теоретической мысли военных лет.

В целом военной наукой тогда признавалось, что военная победа – это разгром вооруженной силы противника или нанесение ему такого поражения, которое лишает его возможности вести в дальнейшем войну (военные действия); захват вражеской территории,

наиболее важных административных, промышленных и иных объектов; лишение противника союзников, а также необходимых ресурсов; деморализация войск и населения, отвлечение сил и т. д. Здесь речь идет о нанесении другой воюющей стороне потерь в живой силе, разрушении промышленности, других отраслей хозяйства, уничтожении или поражении административных, политических, научных и иных центров, без чего она перестает быть субъектом вооруженной борьбы и войны в целом.

При этом признавалось, что решение этих задач будет более эффективным, если верно будут определены политические и военные цели войны, отдельных ее этапов, кампаний, операций, с одной стороны, а с другой – будет обеспечено рациональное использование привлекаемых для этого материальных и духовных сил, использованы благоприятные условия и возможности при одновременном парировании или нейтрализации неблагоприятных.

Успех войск в борьбе с противником связывался с наступлением, для которого необходимо было определенное (количественное и качественное) превосходство над ним. В ходе войны особое значение имело достижение военно-технического превосходства, от которого зависели основные факторы вооруженной борьбы – огонь, движение, удар – и приобретали все большее значение их пространственно-временные соотношения. Разработанная теория глубокой операции (боя) в ходе войны была дополнена и обогащена положениями об артиллерийском и авиационном наступлении; о новых формах взаимосвязи обороны, контрнаступления, наступления; о согласовании ударов по противнику регулярных войск с действиями партизан, сил сопротивления, действиями союзников и некоторыми другими.

Достаточно обстоятельно были разработаны положения о взаимосвязи (взаимодействии) политики и стратегии, стратегии, оперативного искусства и тактики в борьбе за достижение победы над противником; о роли инициативы, внезапности, сосредоточения и рассредоточения войск в зависимости от целей, обстановки, условий. Признавалось, что оценка каждой победы должна быть конкретно-исторической либо в контексте данной войны, либо всего исторического процесса.

Военная теория рекомендовала учитывать зависимость побед и поражений, их содержания и значения от:

а) характера войны и содержания той эпохи, в которой была

развязана, протекала и завершалась война;

б) характера политических и военных целей, во имя которых развязывается и ведется война, а также от материальных и духовных средств, используемых для их достижения. Речь здесь шла о соразмерности целей и средств каждой воюющей стороны, а также о соотношении политических и военных целей противоборствующих сторон, о соотношении сил между ними.

К сожалению, в «теории победы» не получила развития проблема ее цены. Разработка этой проблемы началась лишь в послевоенное время в новых общественных, военно-политических и военно-стратегических условиях.

В Новейшее время военная теория, военная наука развивались на двух противоположных социально-политических, мировоззренческих и идеологических основах. Это, в свою очередь, предопределило наличие существенных различий в военной теории стран Запада и Советского Союза. Критерием истинности ее положений стала Вторая мировая война 1939–1945 гг. В ней были доказаны правильность и передовой характер важнейших положений военной теории Советского Союза – государства победителя. Вместе с тем война вскрыла известную ограниченность основных положений военной теории других стран-победительниц – США, Англии и Франции, а также авантюристический характер общих положений и принципов военной теории побежденных стран – фашистской Германии и милитаристской Японии.

Деятельность первых советских военно-научных организаций была направлена на изучение и обобщение исторического опыта прошлых войн (включая Гражданскую войну) и на этой основе разработку новых уставов, инструкций, наставлений. В апреле 1918 г. создаются комиссии для переработки Устава внутренней службы и Устава гарнизонной службы. Одновременно возникли первые военно-исторические подразделения, на которые возлагались задачи изучения, обобщения и распространения опыта Первой мировой и Гражданской войн. В составе Оперативного управления Всероссийского главного штаба (Всероглавштаба) была образована военно-историческая часть, в задачи которой входило руководство военно-научной (военно-теоретической) работой в Красной армии, а также разработка и публикация военно-теоретических и военно-исторических трудов. С июня 1918 г. всем воинским частям предписывалось завести журналы боевых действий, куда надлежало записывать все важнейшие события.

В августе 1918 г. Народный комиссариат по военным делам учредил военно-историческую комиссию, вошедшую в состав военно-исторической части. После расформирования последней в сентябре 1918 г. при организационном управлении Всероглавштаба был образован военно-исторический отдел, в ведении которого оставалось общее руководство военно-исторической работой в Красной армии. Сотрудники военно-исторического отдела и военно-исторической комиссии совместно с сотрудниками оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики (РВСР) разработали и издали «Стратегический очерк боевых действий Красной Армии», «Краткий очерк боевых операций Красной Армии» на русском, английском, французском и немецком языках, «Стратегический обзор района Восточного фронта», военно-географический очерк «Влияние климатических условий Волжско-Камской системы на весеннюю операцию Восточного фронта» и др.

Сотрудники Полевого штаба и Всероглавштаба принимали активное участие в разработке новых уставов, инструкций, наставлений и других документов. В конце 1918 г. ими был подготовлен и издан «Полевой устав Рабоче-крестьянской Красной Армии. Часть 1. Маневренная война». 19 октября 1918 г. был издан приказ № 3 (79), подписанный начальником Всероглавштаба А. А. Свечиным, обобщавший боевой опыт применения автобронеотрядов и определявший порядок их действий. 27 марта 1919 г. в Полевом штабе был издан приказ об использовании артиллерии, подписанный главкомом И. И. Вацетисом. В приказе обращалось особое внимание на необходимость массирования артиллерии, создания артиллерийских групп.

25 октября 1919 г. приказом РВСР был создан литературно-издательский отдел Политического управления РВСР для снабжения военной литературой Красной армии. С него началась история Военного издательства. Несмотря на то что в годы Гражданской войны работа военно-исторической комиссии проходила в трудных условиях, а ее состав часто менялся, она завершила подготовку «Краткого стратегического очерка войны 1914–1918 гг.», изданного в нескольких частях и освещавшего весь ход мировой войны на Европейском театре от ее возникновения и почти до конца (июль 1914 – сентябрь 1918 г.) Одновременно разрабатывались монографии по отдельным проблемам войны. Небольшие исследования печата-

лись в издаваемом комиссией «Военно-историческом сборнике».

Помимо издательско-публицистической деятельности члены комиссии активно участвовали в агитационно-пропагандистской работе, часто проводили открытые заседания. На них с докладами и сообщениями выступали видные военные деятели, участники Первой мировой и Гражданской войн.

Таким образом, работа военно-исторических органов в годы Гражданской войны, издательская деятельность способствовали развитию военной науки, создавали для нее документальную базу, намечали основные линии развития военной науки на послевоенный период, способствовали разработке новых и переработке прежних уставов.

В то же время основное направление эволюции военной науки было связано с теоретической и практической деятельностью политического руководства страны, высшего руководства Красной армии, с одной стороны, и военно-теоретической деятельностью военных ученых и писателей – с другой. Наиболее весомый вклад в развитие военной науки в этот период внесли М. В. Фрунзе (1885–1925), М. Н. Тухачевский (1893–1937), А. А. Незнамов (1872–1928), А. А. Свечин (1878–1938), П. И. Изметьев, В. К. Триандафиллов и другие. Они разрабатывали как общие проблемы военной науки, так и частные.

Достаточно сказать, что проблемы стратегии находили отражение в материалах, разработанных сотрудниками Полевого штаба РВСР, штабов фронтов и армий. Так, в Полевом штабе были подготовлены, а затем изданы уже упоминавшиеся «Стратегический очерк боевых действий Красной Армии», «Краткий очерк боевых операций Красной Армии», «Стратегический обзор района Восточного фронта» и ряд других работ[223]. Опубликованы также статьи В. К. Триандафиллова «Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта по ликвидации деникинской армии (период с 10 сентября 1919 г. по 16 февраля 1920 г.)»[224], «Ликвидация Врангеля (Стратегический обзор наступательной операции

[223] См.: Отчет об операциях Красной Армии и Флота. За период с 1.08.1919 г. По 25.11.1920 г. Составлено Полевым штабом РВСР к VIII съезду Советов. Декабрь 1920. – М., 1920; РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1081. Л. 32–34.

[224] Сборник трудов ВНО при Военной академии. – М., 1921. – Кн. 1. – С. 114–154.

Южного фронта с 25 октября по 15 ноября 1920 г.)»[225], сборник статей С. И. Гусева, Б. Куна и В. А. Ольдерогге «Разгром Врангеля»[226], статья Н. Лямина «Операция Южного фронта против генерала Деникина весной и летом 1919 г.»

Проблемы стратегии обсуждались на страницах журналов «Военное дело», «Революция и война», на заседаниях военно-исторической комиссии по описанию войны 1914–1918 гг., военно-научного общества при Академии Генерального штаба РККА. Были изданы лекции и сборники трудов известных военачальников, преподавателей академий, сотрудников штабов объединений.

Опыт подготовки и проведения наступательных операций в 1918 г. позволил выработать принципы активного ведения военных действий. В сентябре этого года группа сотрудников оперативного отдела Наркомата по военным делам во главе с бывшим капитаном Г. И. Теодори в докладе Л. Д. Троцкому (1879–1940) поставила вопрос о последовательных наступательных операциях, проводимых по внутренним операционным линиям. С этой целью намечалось формирование крупных подвижных сил для действий на решающих направлениях, создание резервов для каждого фронта и главного резерва в центре страны. О необходимости действий по внутренним операционным линиям в условиях ведения вооруженной борьбы в кольце фронтов говорилось и в докладе главкома И. И. Вацетиса (1873–1938) РВСР 29 октября того же года.

Идеи, высказанные в обоих докладах, нашли отражение в практической деятельности высшего командования Вооруженных Сил РСФСР. Уже в 1919 г. стратегическое наступление стало представлять собой систему одновременных и последовательных фронтовых и армейских наступательных операций и операций групп армий, проведенных по единому замыслу Главного командования Красной армии. М. А. Баторский, оценивая действия по внутренним операционным линиям, отмечал, что они давали возможность сосредоточить в кратчайший срок на любом направлении превосходящие силы, умело координировать их действия и бить противника по частям[227]. М. Н. Тухачевский еще в 1919 г. считал, что концентрическое наступление может привести «к громадному превос-

[225] Сборник трудов ВНО при Военной академии. – М., 1921, 1922. – Кн. 2. – С. 16.

[226] Разгром Врангеля. – Харьков, 1920.

[227] Революция и война. 1921. Сборник № 6–7. – С. 103.

ходству сил над противником в пункте сосредоточения наступающих армий»[228]. Большое значение для успешного ведения наступательных операций придавалось правильному выбору направления главного удара и сосредоточению сил и средств на нем.

Значительное внимание уделялось разработке вопросов, связанных с подготовкой и ведением стратегической обороны. Это не было случайным явлением, так как маневренный характер Гражданской войны, ее пространственный размах и низкие плотности войск обусловили переход от позиционной к подвижной, маневренной обороне. На это еще в конце декабря 1917 г. обращал внимание Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко (1885–1938) в докладе советскому правительству. Он предлагал вместо прежней системы непрерывной кордонной линии перейти к системе «сильных и сплоченных групп в стратегически важных пунктах»[229]. С учетом этого 12(25) января 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич (1870–1956) поставил задачу командующим войсками Западного и Северного фронтов организовать устойчивую оборону стратегически важных районов[230].

Теоретические положения по вопросам подготовки и ведения наступательных и оборонительных операций находили отражение в директивах и приказах Главного командования Красной армии, командования фронтов и армий. Например, наступательные операции 1918 г. показали, что из-за недостатка сил и средств и отсутствия опыта у командующих объединениями не всегда удавалось достичь превосходства над противником на направлении главного удара. Поэтому главком И. И. Вацетис в директивах от 5 октября, 16 ноября и 19 декабря того же года потребовал вести наступление ударными группами, сосредоточивать основные усилия на главном направлении. Эти требования претворялись в жизнь при проведении фронтовых операций в 1919–1920 гг.

Особое внимание уделялось вопросам создания и использования резервов. Полевой устав 1918 г. определял, что «для развития успеха или противодействия удару противника в опаснейшем на-

[228] *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. – М., 1964. – Т. 1. – С. 47.

[229] Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. Сборник документов. – М., 1973. – С. 326.

[230] Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). – М., 1968. – С. 20.

правлении» выделяется общий резерв (резерв старшего начальника). О необходимости создания «резервов путем вывода излишних частей из первой линии» говорилось и в директиве главкома И. И. Вацетиса от 22 января 1919 г.[231], а также во многих приказах командующих фронтами.

В директивах и приказах главного, фронтового и армейского командований находили также отражение вопросы, связанные с организацией взаимодействия и управления войсками, оперативного обеспечения операций, ведения боевых действий.

После окончания Гражданской войны на повестку дня встали новые практические проблемы, связанные с реорганизацией Красной армии, разработкой уставов, всесторонним изучением и обобщением боевого опыта с учетом предполагаемых условий будущих вооруженных столкновений Советской Республики с государствами капиталистического окружения, выработкой основных направлений в боевой подготовке и дальнейшем строительстве Вооруженных Сил.

Начатый еще в конце Гражданской войны процесс обсуждения теоретических, мировоззренческих и методологических основ зарождающейся военной науки Советского государства получил новый импульс и привел к острому размежеванию двух основных военных школ и их сторонников. С одной стороны – военной школы, основанной на методологии марксизма-ленинизма, его философии, с другой – школы «традиционных военных знаний», пропагандирующей развитие военной мысли без серьезного учета социально-классовых, политических изменений, отстаивающей «вечные» принципы военного искусства независимо от характера и типа военной организации общества.

Важной формой развития военной теории в 1920-е гг. являлись военно-теоретические дискуссии: по теоретико-методологическим и мировоззренческим проблемам («О единой военной доктрине», 1920–1922 гг.; «О военной науке», 1922–1923 гг.; «О применимости марксизма к военному делу», 1922–1926 гг.); проблемам стратегии («О характере будущей войны», 1924–1930 гг.; «О формах и способах ведения войны», 1924–1931 гг.; «О характере начального периода войны», 1924–1931 гг. и др.); строительству Вооруженных Сил («Нужен ли Генеральный штаб?», 1920–1922 гг.; «Армия кад-

[231] См.: РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 127. Л. 122.

ровая или милиционная?», 1922–1929 гг.; «Какой РСФСР нужен флот?», 1922–1925 гг.; «Флот морской или флот воздушный?», 1923–1924 гг.; «Танки или корабли?», 1928–1930 гг.; «О красной коннице», 1924–1926 гг. и др.) Дискуссии велись по работам военных историков и теоретиков: Б. И. Горева, А. А. Свечина, В. К. Триандафиллова, Д. В. Рязанова, Б. М. Фельдмана, К. Б. Калиновского и др. Всего состоялось более 20 дискуссий, которые получили отражение на страницах военной печати.

Важную роль в этих дискуссиях и в развитии военно-научной мысли в целом сыграли военно-теоретические и научные журналы: «Армия и революция», «Революционная военная мысль», «Военная мысль и революция», «Красная Армия», «Война и революция», «Морской сборник», «Военный вестник» и др.

Заметный вклад в развитие военно-теоретической мысли внесла книга В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий», вышедшая в 1929 г. и по праву считавшаяся «первой теоретической книгой в области оперативных вопросов, по которой можно было учиться, которой можно было руководствоваться». Ценность труда состояла в том, что в нем наряду с оценками характера будущих операций отмечались основные тенденции развития форм и способов вооруженной борьбы.

В эти же годы широкое обсуждение вызвали книги Н. Н. Мовчина «Последовательные операции по опыту Марны и Вислы» (1928), К. Б. Калиновского «Проблема механизации и моторизации современных армий» (1930), Б. М. Фельдмана «К характеристике новых тенденций в военном деле» (1931), крупный труд Б. М. Шапошникова (1882–1945) «Мозг армии» (1927–1929) и другие. Предметом дискуссий были труды военных историков и теоретиков: А. А. Свечина, Б. И. Горева, А. И. Верховского, М. А. Петрова, Н. Е. Какурина и др.[232]

Дискуссии способствовали формированию методологического и теоретического содержания военной науки, подготовке первых советских военно-научных кадров, определили основные, прио-

[232] См.: Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г.: В 2 т. – М., 1929–1930; Против меньшевистского идеализма в вопросах войны и военного дела. М., 1931; Против реакционных теорий на военно-научном фронте: Стенограмма открытого заседания пленума секции по изучению проблем войны Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР 25 апреля 1931 г. – М, 1931.

ритетные направления военно-теоретических исследований. Следует особо отметить, что в военной теории в начале 1930-х гг. сформировалось марксистско-ленинское учение о войне и армии как самостоятельное методологическое направление. Этому способствовало издание научных трудов соответствующей тематики[233].

Одним из важнейших результатов развития теоретических основ военного искусства в 1920-е гг. являлась теория ведения последовательных фронтовых (армейских) наступательных операций. Она была передовой для своего времени системой военно-теоретических взглядов и рекомендаций.

Несомненной заслугой советской военной мысли тех лет явилась разработка теории боя как общевойскового. Основу этой теории составили положения, раскрывающие способы ведения боя, применение в тесном взаимодействии разнородных сил и средств при выполнении ими тактических задач, организацию огневого поражения противника, формы маневра войск, походные, предбоевые и боевые порядки и др. Широкое развитие получила теория боевого применения артиллерии, авиации, использования танков, войск связи, инженерных войск. Все это позволило подготовить новые, передовые для того времени, уставы, наставления и инструкции, общее число которых к концу 1920-х гг. составляло около 50 названий. Это имело большое значение для совершенствования Вооруженных Сил Советского Союза.

В итоге уже в 1930-х гг. отечественная военная теория имела довольно стройную структуру, которая включала: теории военного искусства, строительства Вооруженных Сил, военной экономики, военно-технические науки, военные географию, статистику, педагогику и психологию.

Наибольшие результаты были достигнуты в развитии теории стратегии, оперативного искусства и тактики.

Теория стратегии представляла собой систему знаний о военно-стратегическом характере войн, закономерностях, принципах, формах и способах ведения военных действий стратегического масштаба, военно-технической подготовке страны и Вооруженных Сил к отражению возможной агрессии. При этом она занимала

[233] Война и военное искусство в свете исторического материализма: Сборник статей. – М.; Л., 1927; Марксизм-ленинизм о войне и армии. – М., 1932; Война и военное дело. – М., 1933; *Славин И.* Вопросы военного дела в свете материалистической диалектики. – М, 1935.

высшую ступень в теории военного искусства, оказывала определяющее воздействие на развитие теории оперативного искусства, а последняя, в свою очередь, активно влияла на эволюцию теории тактики.

Теория оперативного искусства как самостоятельная область объединяла систему знаний о подготовке фронтовых и армейских операций, а также принципы, формы и способы их ведения в различных условиях.

Теория тактики представляла собой систему знаний о подготовке и ведении боя подразделениями, частями и соединениями основных видов Вооруженных Сил, родов войск, сил и специальных войск. Она исследовала характер и закономерности развития боя, разрабатывала принципы, формы и способы подготовки и ведения боевых действий, изучала боевые свойства и возможности войск, сил и средств. Являясь самой динамичной частью теории военного искусства, теория тактики оказывала заметное влияние на развитие оперативного искусства и даже стратегии.

В целом развитие военной науки в 1930-е гг. протекало под определяющим влиянием социально-экономических, политических, научно-технических и культурных преобразований, осуществлявшихся в обществе. За короткий исторический период в Советском Союзе была создана новая мощная материально-техническая база, ставшая основой для интенсивного перевооружения армии и флота, технической реконструкции Вооруженных Сил.

Развитие оружия и военной техники, их массовое внедрение в войска вызвали изменения в способах ведения военных действий. Одним из фундаментальных достижений советской военной науки явилась разработанная в 1930-е гг. теория глубокой наступательной операции (и боя), подобной которой не было в тот период ни в одной армии мира. Суть ее состояла в одновременном нанесении ударов средствами поражения по группировкам и объектам на всю глубину оперативного построения обороны противника, прорыве его тактической зоны на избранном направлении с последующим стремительным развитием тактического успеха в оперативный путем ввода в сражение эшелонов развития успеха – подвижных групп (танков, мотопехоты, конницы) и высадки воздушных десантов. Разработке теории глубокой операции и всесторонней практической проверке ее положений на военных играх, учениях и войсковых маневрах большое внимание уделяли видные советские

военачальники и теоретики В. К. Триандафиллов, М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров (1883–1939), И. П. Уборевич (1896–1937), И. Э. Якир (1896–1937), Я. И. Алкснис (1897–1938), К. Б. Калиновский, А. Н. Седякин и др.

Особое место в военно-философском наследии 20–30-х гг. прошлого столетия занимают идеи о системе обучения и воспитания военнослужащих. Остановимся вкратце на характеристике этой системы с точки зрения М. Н. Тухачевского, который воплотил в своих трудах, как кажется, дух той эпохи.

Основные проблемы воспитания и пути их решения М. Н. Тухачевский изложил в своем труде «Обучение войск», вышедшем в 1921 году. Главную причину плохой подготовки военнослужащих в тот период он видел в отсутствии взаимосвязи между морально-психологической и военно-технической подготовкой. Он отмечал: «...Дело подготовки красноармейца со стороны духовной совершенно отделилось от подготовки военно-технической. Только политическая зрелость и сознательность может дать красноармейцу волю к победе, решительность, выносливость, без чего ни строевая, ни тактическая подготовка не может ему быть понятна. То же и наоборот. Словом, эти области подготовки так родственны и так переплетены между собой, что совершенно противоестественным является их разделение»[234]. При отсутствии этой взаимосвязи, по мнению М. Н. Тухачевского, пропадает основной смысл подготовки военнослужащего как орудия обеспечения безопасности; невозможно достичь поставленных задач, так как система общей подготовки военнослужащего не может работать без диалектического взаимодействия ее элементов.

«Необходимо заметить, – пишет он, – что методика политической подготовки, благодаря ее полной оторванности от военно-технических задач, почти всегда страдает отвлеченностью, бессодержательностью и часто сбивается на агитационный тон. Нет прикладной деловитости»[235].

Тухачевский не только рассматривал проблемы воспитания и обучения военнослужащих, но и определял конкретные пути их решения. Например, чтобы добиться нужного результата, он пред-

[234] *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1964. – Т. 1. – С. 93.

[235] Там же. – С. 94.

лагал процесс воспитания и обучения разделить на три базовые составляющие: казарменный порядок, порядок гарнизонной службы и порядок действительно боевого воспитания.

Но все же наиболее важным и действенным способом повышения эффективности процесса обучения и воспитания военнослужащих М. Н. Тухачевский считал непосредственное участие военнослужащих в борьбе с бандитизмом, активно распространившимся в те времена. «То, что Суворов достигал сквозными атаками, зачастую сопровождавшимися несчастными случаями, то, чего Драгомиров мечтал достигнуть выдачей на учения двух боевых патронов на тысячу холостых, – реальной опасности и приучение к ней бойца, то у нас, – писал он, – в общем, в мирной обстановке может быть достигнуто вполне естественно в борьбе с бандитами»[236].

При этом основную роль в деле воспитания и обучения военнослужащих Михаил Николаевич отдавал органам, при помощи которых можно осуществить намеченное воспитание и обучение войск. Как уже отмечалось, подготовка личного состава путем целенаправленного воздействия на его политическое самосознание совершенно неотделима от подготовки военно-технической. А это в свою очередь требует полного объединения, полной централизации всего процесса подготовки военнослужащих, т. е. сосредоточения ее организации в каждой данной воинской части в одном лице – в лице командира этой части. Несоблюдение этого условия могло повлечь за собой, по мнению М. Н. Тухачевского, отделение мотивов, двигающих бойца на смерть, от техники выполнения этого движения. А если не будет этой связи, то военнослужащий не сможет быть регулярным бойцом, всегда и всюду идущим по первому приказу и точно выполняющим это движение по всем правилам военного искусства. Поэтому тот командир, который не является духовным воспитателем своих подчиненных, никогда не будет для них в бою достаточным авторитетом. М. Н. Тухачевский считал, что принцип единоначалия необходим не только в боевой обстановке, но и в условиях мирного времени, особенно в деле воспитания и обучения войск. «Органом, осуществляющим боевую подготовку Красной Армии в полном объеме, – отмечал он, – должен быть красный командир, единоличный и всецело ответственный за подготовку своей части в общем духе подготовки и воспитания

[236] Там же. – С. 96.

Красной Армии»[237].

Само преподавание и воспитание должны были вестись в основном прикладным образом – не рассказом, а конкретным показом и личным примером. К основным показательным методам духовного воспитания М. Н. Тухачевский относил: воспитание путем приобщения к экономическим задачам государства; пропаганду с помощью плакатов, стенных газет, кинематографа, театра и др.; парады, торжественные празднования исторических событий; доведение приговоров военных трибуналов, проведение показных судов; личный пример командиров и начальников в исполнительности, дисциплинированности. Эти методы предполагалось сопровождать теоретическими обоснованиями содержания осуществляемых мероприятий путем проведения бесед, лекций, митингов и др. Важное значение отводилось работе клубов воинских частей.

Данная систематическая работа должна была методически закрепляться прохождением самой службы. Поощрение старания и усердия к службе, быстрое продвижение отличившихся, сочетаемое с суровым взысканием за всякую провинность, – все это в совокупности должно было способствовать подготовке сознательного военнослужащего.

Начавшаяся Вторая мировая война потребовала коренной перестройки всего народного хозяйства страны, интенсификации решения проблем военной науки, внесения изменений в теорию и практику подготовки Вооруженных Сил к ведению вооруженной борьбы в новых условиях. В центре внимания военной науки в этот период находились вопросы оценки характера войны и ее начального периода, уточнения и пересмотра взглядов на способы и формы вооруженной борьбы с учетом опыта советско-финляндской войны и военных кампаний Германии на Западе, теоретического обоснования организационной перестройки Вооруженных Сил.

С наибольшей полнотой эти и другие военно-теоретические проблемы рассмотрены на декабрьском (1940) совещании высшего начальствующего и командного состава РККА. С основными докладами на нем выступили Г. К. Жуков (1896–1974), Д. Г. Павлов (1897–1941), П. В. Рычагов (1911–1941), А. К. Смирнов, И. В. Тюленев (1892–1978). Дискуссия, развернувшаяся на совещании, а также речь на нем наркома обороны С. К. Тимошенко свидетельст-

[237] Там же. – С. 97.

вовали, что советская военно-научная мысль в основном правильно оценивала характер надвигавшейся на СССР войны, вскрыла основные тенденции в развитии военного дела.

Определенные изменения произошли и в теории военного искусства. Стратегическое наступление мыслилось осуществлять как путем проведения последовательных фронтовых операций на одном или нескольких ТВД, так и путем одновременного проведения на театре войны двух, а то и трех наступательных операций со стратегическими целями различных фронтов. Значительные изменения наметились и в рамках самой фронтовой операции. В связи с тем что в состав фронта предполагалось включать совершенно новые по тому времени оперативные объединения ВВС, бронетанковых и механизированных войск, воздушно-десантных групп, фронтовая наступательная операция из суммы относительно однородных слагаемых – операций ударных и обычных армий – превращалась в качественно новую форму вооруженной борьбы, дополнительно включающую в себя операции авиационной армии, армии развития прорыва (или механизированной), группы соединений воздушных десантов (или войск особого назначения). В результате фронт превращался из организации стратегической в оперативно-стратегическую[238].

Теоретическое положение о возможности ведения на театре войны одновременно 2–3 фронтовых операций поставило перед военной мыслью вопрос о необходимости рассмотрения перспектив использования операции группы фронтов. Идея о возможности ведения наступления на Западном театре войны в форме операции двух фронтов в определенной степени была проработана во время командно-штабных игр 2–6 и 8–11 января 1941 г. с участием высшего начальствующего состава Красной армии. Однако к началу войны разработать теорию таких операций не удалось. Это было сделано в годы Великой Отечественной войны.

В материалах и документах декабрьского (1940) совещания дальнейшее развитие и совершенствование получили теория глубокой наступательной операции, а также теория оперативной обороны.

[238] См.: Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. – М., 1993. – Т. 12(1). – С. 349.

Следует отметить, что накануне войны советская военная наука в целом верно решала и другие важные вопросы: теоретического обоснования необходимости совершенствования структуры Вооруженных Сил в связи с коренными изменениями вооружения и военной техники, разработки рекомендаций по развитию последних, определению способов, приемов и методов применения основных родов войск; принципов организационного строительства армии и флота, соотношения видов и родов войск; разработки форм и методов обучения и воспитания личного состава; подготовки командных кадров и др. Однако многие взгляды и теоретические положения не были должным образом систематизированы, обобщены, апробированы, что явилось одной из причин крупных военных неудач первого периода Великой Отечественной войны.

В годы Великой Отечественной войны советская военная наука не только наполнилась новым содержанием и расширила рамки военно-научного познания, но и явилась одним из важнейших факторов достижения победы. Она в значительной мере актуализировала прежние и выдвинула новые, передовые для своего времени положения и выводы.

Тяжелая обстановка, сложившаяся в начале войны, характер действий противника, массированное применение танков, авиации и большого количества артиллерии потребовали от военной науки изыскания наиболее эффективных способов ведения войны, методов организации и осуществления операций. Развитие теории военного искусства явилось главным направлением эволюции военной науки.

В первый период Великой Отечественной войны дважды, летом – осенью 1941 и летом 1942 г., в качестве первоочередных вставали проблемы организации и ведения стратегической обороны как единственно возможного в то время способа ведения войны.

Стратегическая оборона советских войск характеризовалась гибкостью, что достигалось большой глубиной ее построения и широким маневром резервами, высокой активностью войск и быстрым восстановлением нарушенного фронта. Система обороны на важнейших стратегических направлениях включала несколько оборонительных рубежей, эшелонированных на большую глубину, часть которых заблаговременно занималась войсками, что в конечном счете значительно увеличивало ее устойчивость.

Высокая активность обороны обеспечивалась прежде всего на-

несением контрударов, проведением ряда частных наступательных операций на отдельных направлениях и массированных бомбардировок авиацией войск противника, его резервов и коммуникаций.

Достижением советской военной теории явилась разработка методов организации и ведения стратегических оборонительных операций силами нескольких взаимодействующих фронтов с участием дальней авиации, Войск ПВО страны, партизан, а на приморских направлениях и Военно-Морского Флота, что являлось новым словом в военной теории и практике. Наиболее крупными стратегическими оборонительными операциями первого периода войны были Смоленская, Ленинградская, Московская, Сталинградская. В ходе этих операций противник на какой-то срок утрачивал наступательные возможности, а для советских войск создавались благоприятные условия для перехода в контрнаступление.

Несмотря на недостаточно глубокую разработку вопросов стратегической обороны в предвоенные годы и неблагоприятные результаты первого периода войны, военно-научная мысль в целом успешно решила проблемы организации стратегической обороны. Красная армия нанесла гитлеровскому вермахту крупный урон, замедлила, а затем остановила его наступление, сорвав в конечном счете планы противника, создала необходимые условия для перехода в решительное наступление и полного разгрома врага.

Как важный шаг в развитии военно-теоретической мысли следует рассматривать положения проекта Полевого устава 1943 г., закрепившие наряду с наступлением стратегическую оборону как возможный способ ведения современной войны.

Крупным достижением военной науки явилось решение проблемы контрнаступления советских войск. При этом следует подчеркнуть, что вопросами его подготовки и проведения военно-теоретическая мысль занималась по существу заново, как и проблемой стратегической обороны, поскольку в предвоенные годы в советской военной теории вопрос о контрнаступлении не ставился и не разрабатывался, несмотря на то что в период Гражданской войны в этом отношении был накоплен богатый опыт.

Контрнаступление в годы Великой Отечественной войны обычно велось силами нескольких фронтов с привлечением стратегических резервов. В нем принимали участие не только оборонявшиеся фронты (контрнаступление под Москвой), но и войска фронтов, действовавших на соседних направлениях (контрнаступ-

ление под Сталинградом и Курском). Основными его целями являлись срыв наступления противника, разгром его группировки, овладение важными в стратегическом отношении районами или рубежами и захват стратегической инициативы.

Важно отметить, что контрнаступления советских войск под Москвой, Сталинградом и Курском готовились и осуществлялись в разной обстановке: под Москвой – в условиях продолжавшегося наступления противника; под Сталинградом – когда главные силы противника перешли к обороне, но не успели еще закрепиться и создать необходимые резервы; а операциям под Курском предшествовала трехмесячная стратегическая пауза, в течение которой фронты готовились и к отражению наступления противника, и к переходу в контрнаступление. Необходимо отметить, что только в контрнаступлении под Курском советские войска имели общее превосходство в силах, что свидетельствует о творческом характере советской военно-теоретической мысли, превосходстве советского военного искусства над военным искусством вермахта.

Осуществление контрнаступления в крупных масштабах обеспечивало достижение важных военно-политических целей, существенно изменяло обстановку и создавало условия для перехода в общее стратегическое наступление. Великая Отечественная война полностью подтвердила положение советской военной науки о том, что победа может быть достигнута только в результате решительного наступления войск. Стратегическое наступление являлось основным и решающим видом действий Красной армии в годы войны. По продолжительности, масштабам и привлекаемым силам оно заняло главное место в вооруженной борьбе.

Всего за годы войны Вооруженные Силы СССР провели более 50 стратегических, около 250 фронтовых и около 1000 армейских операций, тысячи сражений и боев. Из девяти военных кампаний семь были наступательными. По времени они составили более 70 % всей продолжительности военных действий.

Стратегическое наступление включало систему одновременных и последовательных стратегических операций, проводимых по единому замыслу группой фронтов совместно с объединениями ВВС и Войск ПВО (а на приморских направлениях – и с силами флота) для достижения важных военно-политических целей. В большинстве операций участвовали также партизанские формирования, действовавшие в тылу противника.

В ходе войны выявилась тенденция к возрастанию масштабов стратегического наступления. Если в 1941–1943 гг. оно охватывало почти половину общей протяженности стратегического фронта, то в кампаниях 1944–1945 гг. в Европе наступление последовательно или одновременно велось уже на всем советско-германском фронте. Значительно увеличилась глубина продвижения войск в наступательных кампаниях. Этому способствовали изменение общего соотношения сил в пользу советских Вооруженных Сил, возрастание ударной и огневой мощи войск, прочное удержание стратегической инициативы, повышение уровня стратегического руководства.

В стратегических наступательных операциях главный удар обычно наносился по самым уязвимым участкам в обороне противника, на направлениях, которые обеспечивали выход в тыл наиболее сильной группировки его войск и ее быстрый разгром. При выборе направления главного удара учитывались также возможность массированного использования на нем своих войск, особенно подвижных, наличие важных политических и экономических объектов.

На направлениях главных ударов Ставка ВГК и командующие фронтами с большим искусством создавали мощные ударные группировки. Этим самым достигалось решающее превосходство над противником и создавались благоприятные условия для стремительного развития наступления на большую глубину. Например, в стратегическом наступлении советских Вооруженных Сил летом 1944 г. на фронте, составлявшем около трети его общей протяженности, сосредоточивалось более половины личного состава, а также до 60 % различной боевой техники. Высокая степень массирования сил позволяла наносить мощные первоначальные удары, в короткий срок взламывать глубоко эшелонированную оборону противника, развивать наступление в высоких темпах. Для наращивания достигнутого успеха предусматривался ввод в сражение вторых эшелонов, подвижных групп, оперативных и стратегических резервов при одновременной изоляции первого эшелона противника и нанесении поражения его резервам.

В ходе войны, как уже отмечалось, была разработана и воплощена в практику новая форма стратегических действий – операция группы фронтов, что явилось крупным достижением советской военно-теоретической мысли. Идея необходимости объединенных

усилий нескольких фронтов в операциях со стратегическими целями возникла еще во время Первой мировой и Гражданской войн, в определенной степени она получила развитие и в теории межвоенного периода. Однако свое наиболее полное оформление операции группы фронтов нашли в годы Великой Отечественной войны, когда большинство стратегических операций проводилось силами нескольких фронтов. На завершающем этапе войны они стали основной формой ведения стратегических наступательных операций.

Наглядное выражение согласованные действия фронтов нашли в Сталинградской, Курской, Белорусской, Висло-Одерской, Берлинской стратегических операциях против вермахта и особенно в Маньчжурской против японской армии.

Действия группы фронтов позволяли лучше согласовывать усилия при достижении общей стратегической цели, более рационально использовать силы и средства для решения важнейших задач. Такая форма проведения операций обеспечивала лучшее взаимодействие фронтов с авиацией дальнего действия, Войсками ПВО, ВМФ. v Основными способами разгрома противника в операциях являлись: окружение и уничтожение группировок его войск; рассечение стратегической группировки на большую глубину и разгром ее по частям; дробление противостоящей группировки рядом мощных ударов на широком фронте на нескольких направлениях с развитием наступления в глубину и в стороны флангов. Во многих операциях применялось сочетание указанных способов.

Большим достижением военно-научной мысли явились операции на окружение и уничтожение крупных группировок противника. При их планировании и осуществлении были теоретически разработаны и внедрены в практику новые положения: создание одновременно активно действующих внутреннего и внешнего фронтов окружения и рациональное распределение усилий войск на каждом из них; осуществление окружения и уничтожения противника как единого процесса; блокирование окруженных группировок с воздуха и моря (прибрежного фланга).

В числе наиболее успешных и поучительных операций на окружение и уничтожение крупных вражеских сил следует назвать Сталинградскую, Корсунь-Шевченковскую, Ясско-Кишеневскую, Восточно-Прусскую и Берлинскую.

В некоторых операциях с большим успехом применялись мощные рассекающие удары на всю глубину стратегического построе-

ния противостоящей группировки. Наиболее характерными в этом отношении, внесшими значительный вклад в дальнейшее развитие теории и практики стали Белгородско-Харьковская и Висло-Одерская операции.

Дробление стратегической группировки противника осуществлялось нанесением по ней ряда мощных ударов на широком фронте на нескольких направлениях с развитием их в глубину по параллельным или расходящимся направлениям. Ярким примером подобного способа разгрома врага может служить Орловская наступательная операция (июль–август 1943). Его применение позволяло более скрытно проводить подготовку операции, затрудняло противнику определение направлений главных ударов, рассредоточивало его внимание и силы на широком фронте.

Примером сочетания в операции нескольких способов уничтожения противника может служить Белорусская наступательная операция (июнь–август 1944). В ходе ее была не только одновременно прорвана вражеская оборона на шести далеко отстоящих один от другого участках, что привело к ее дроблению на части, но и окружены и уничтожены витебская, бобруйская и минская группировки противника.

В целом стратегические наступательные операции Красной армии отличались высокой эффективностью. В ходе их разгрому подвергались крупные группировки врага (от 50 до 90 и более дивизий), войска продвигались на глубину до 600 км, освобождались значительные территории, существенно изменялась обстановка. Высокое искусство подготовки и проведения стратегических наступательных операций в годы войны обеспечило в целом успешное ведение войсками стратегического наступления и достижение значительных военно-политических результатов в кампаниях.

В развитие теории и практики оборонительных и наступательных операций советских войск крупный вклад внесли такие талантливые полководцы и военачальники, как Г. К. Жуков, А. М. Василевский (1895–1977), И. Х. Баграмян (1897–1982), Н. В. Ватутин (1901–1944), Н. Н. Воронов (1899–1968), Л. А. Говоров (1897–1955), И. С. Конев (1897–1973), Р. Я. Малиновский (1898–1967), К. А. Мерецков (1897–1968), И. Е. Петров (1896–1958), К. К. Рокоссовский (1896–1968), Ф. И. Толбухин (1894–1949), И. Д. Черняховский (1906–1945) и др.

Наряду с разработкой способов и форм вооруженной борьбы

военно-научная мысль существенно развивала, а во многих случаях по-новому решала вопросы боевого применения и взаимодействия различных видов Вооруженных Сил и родов войск. Так, теория боевого применения Военно-воздушных сил, войск, сил и средств ПВО обогатилась опытом проведения крупных воздушных операций, совершенствования форм и методов поддержки войск, сил флота авиацией; развитием приемов и способов ведения противовоздушной обороны. Проводимые по единому замыслу боевые действия соединений и объединений ПВО с целью срыва последовательно наносимых противником массированных ударов в годы войны начали приобретать черты противовоздушной операции. Были изысканы более совершенные формы взаимодействия сухопутных войск с силами флотов. Дальнейшее развитие получила теория и практика применения морских десантов. Была разработана четкая концепция организации управления, основанная на единоначалии и повышении роли штабов. Обеспечивалось максимальное приближение управления к войскам. Крупными достижениями военно-теоретической мысли явились такие эффективные формы огневого поражения противника, как артиллерийское и авиационное наступление, а также новые гибкие формы и способы оперативного построения боевых порядков войск, всестороннее обеспечение операций и управления войсками и др.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что между усвоением теоретических знаний, пониманием сущности и содержания важнейших принципов военного искусства и практическим их применением в годы войны была немалая дистанция. Преодоление этого разрыва потребовало серьезных усилий и немалых жертв.

В целом военная теория в годы войны достигла высокого уровня развития, намного превышающего состояние предвоенной теоретической мысли и заметно превосходящего уровень военной мысли противника. Крах наступательной доктрины Германии под Москвой, Сталинградом и Курском, провал ее оборонительной стратегии на Днепре, Висле и Одере явились доказательством превосходства советской военной школы над военной школой противника.

Великая Отечественная война занимает особое место в истории развития отечественной военной науки, во-первых, потому, что все проблемы, связанные с ведением вооруженной борьбы, военно-научная мысль решала на методологической базе учения о войне и

армии, всесторонне учитывая и используя основные законы, определяющие ход и исход войны.

Во-вторых, задачи советской военной науки с первых дней войны были всецело подчинены интересам полной и окончательной победы над агрессором. Военная наука должна была стать и стала важнейшим инструментом победоносного ведения войны. Ее отличительной чертой являлось неразрывное единство с практикой.

В-третьих, крупнейшим достижением отечественной военной науки и ее важнейшей составной части – теории военного искусства явилось дальнейшее развитие форм и способов ведения войны, методов организации и осуществления операций.

Военная наука за годы войны поднялась на качественно новую ступень. Она оказалась способной выработать такие рекомендации по подготовке и ведению войны, военных действий, которые обеспечили полную победу над сильным и опытным противником. Победа Советских Вооруженных Сил над немецко-фашистскими войсками была одновременно и победой советской военной науки над военной теорией Германии.

В послевоенном периоде развития отечественной военной науки можно выделить три фазы. Первая (1945 г. – середина 1950-х гг.) характеризовалась развитием военно-теоретической мысли на основе анализа и обобщения опыта минувшей войны, но с учетом новых, атомных реалий. Вторая (середина 1950 – начало 1970-х гг.) выделяется разработкой теоретических концепций, отражающих борьбу за установление стратегического паритета в ракетно-ядерный век. Третья фаза началась в 1970-х гг. и продолжалась до конца столетия. Она характеризовалась развитием военно-теоретических взглядов в условиях сложившегося паритета, предотвращения мировой войны (ядерной и обычной), начала сокращения ракетно-ядерных и обычных вооружений.

Главным внутренним фактором, определяющим характер, направленность и особенности развития военной науки, первоначально был процесс восстановления (позже укрепления) промышленности, сельского хозяйства, культуры. При этом неизменными являлись потребность в надежном обеспечении военной безопасности как своей страны, так и союзников по Варшавскому Договору; обеспечение развития и совершенствования Вооруженных Сил на основе опыта Великой Отечественной и Второй мировой войн, достижений научно-технического прогресса в военном деле.

Важнейшими внешними факторами были: образование биполярного мира, в котором противостояли друг другу две противоположные социальные системы, два военно-политических блока – НАТО во главе с США с одной стороны и Организация Варшавского Договора (ОВД) во главе с СССР – с другой; «холодная война», возникшая после окончания Второй мировой войны по вине США и их союзников; научно-техническая революция, происходившая в мире, появление оружия массового поражения — сначала ядерного, а затем ракетно-ядерного и др.

Большое влияние на развитие военной науки и всей военной теории оказали локальные войны, имевшие различный характер, но чаще всего возникавшие по инициативе США и стран НАТО.

Каждая фаза послевоенного развития военной науки имеет свой характер, содержание и особенности, свою логику.

Первая фаза, или первое послевоенное десятилетие, характеризуется появлением факторов, оказавших существенное влияние на развитие отечественной военной науки. В их числе – новая геополитическая обстановка, созданная разгромом нацистской Германии и ее союзников в Европе и милитаристской Японии на Востоке.

Наиболее мощными державами в мире стали США и СССР. Вокруг США группировались страны капиталистической ориентации, вокруг СССР – социалистической. Осложнения в отношениях между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции все больше вели к расколу мира на две противостоявшие друг другу группировки.

Набирала силу «холодная война», логика которой создавала перманентную опасность возникновения мировой или крупномасштабной войны между сформировавшимися блоками НАТО и ОВД. Война, как полагали, будет существенно отличаться от Второй мировой войны из-за появления ядерного оружия и принципиально новых средств его доставки на большие расстояния. Генеральные штабы по обе стороны Атлантики в своих планах исходили из того, что военные действия в такой войне будут развертываться на огромных территориях, стратегические цели – достигаться в короткие сроки, а разрушения и жертвы превзойдут все потери в прошлых войнах; возрастет значение таких факторов, как начальный период войны, внезапность, стратегическое взаимодействие видов вооруженных сил и др.

Началась революция в военном деле, означавшая коренные ка-

чественные изменения в средствах вооруженной борьбы, строительстве и подготовке вооруженных сил, способах ведения войны и военных действий, обучении и воспитании личного состава, а также в сфере теорий, идей[239].

По-новому вставали перед советской военной наукой задачи, связанные с защитой Отечества, обеспечением безопасности СССР и его союзников. Необходимо было не только изучить и обобщить опыт минувшей войны, но и учесть последствия революции в военном деле, прежде всего появления ядерного оружия, чтобы исходя из имевшихся экономических и социальных возможностей государства дать обоснованные рекомендации военно-политическому руководству СССР по созданию и совершенствованию мощных, боеготовых Вооруженных Сил.

Задача была весьма сложной. С учетом потерь и разрушений, причиненных войной Советскому Союзу, необходимости восстановления и развития экономики, социально-политических отношений и культуры возникла необходимость научно обосновать и разработать объективные критерии, на основе которых страна могла бы иметь Вооруженные Силы оптимальной организации и состава, обеспеченные современной военной техникой и содержащиеся в постоянной боевой готовности на случай мировой или локальных войн. Предусматривалось, что мощные Вооруженные Силы должны стать и инструментом сдерживания возможных агрессоров от всякого рода военных авантюр.

Две атомные бомбы, сброшенные США в конце Второй мировой войны на японские города без серьезной военной необходимости, создали принципиально новую ситуацию. Атомные бомбардировки показали, что военное дело вступает не просто в очередной этап своего развития, но в особую эру – эру ядерного оружия и других принципиально новых военно-технических средств. Ядерное оружие как средство массового поражения сразу же изменило военно-политическую обстановку в мире, баланс военно-политических сил как на региональном, так и на глобальном уровнях. Кроме того, оно повлияло на социальные отношения мирового сообщества, стало одним из факторов исторического процесса.

Соответственно этому произошли глубокие перемены и в теории военной науки, ее принципах, категориях, понятиях, концепциях. Если в доядерный период многовековой истории человечества военная наука служила войне, ее подготовке и ведению, достижению победы над противником, то в ядерную эру она становится также одним из факторов, действующих в направлении предотвращения войн. Но при этом военная наука не потеряла своей основной функции – служить решению теоретических и практических задач, связанных с подготовкой Вооруженных Сил и страны к возможной войне, а в войне – к достижению победы.

Поначалу считалось, что атомное оружие лишь расширяет сферу воздействия обычного оружия, является более совершенным средством достижения оперативных и тактических целей. Казалось, что к такому выводу приводят и учения с применением атомного оружия. Например, 14 сентября 1954 г. в СССР, в районе села Тоцкое (Южно-Уральский военный округ), было проведено войсковое тактическое учение с реальным применением атомной бомбы. Конструкция мощностью в 20 кт была сброшена с самолета и подорвана с помощью дистанционного управления на высоте 350 м. над «полем боя» в 9 ч. 33 мин. А в 10 ч. 10 мин., т. е. спустя 37 мин. после взрыва, через зону заражения в защитных костюмах прошли «атакующие» войска. Преодолевая ее пешим порядком со скоростью 4–5 км/ч, личный состав получил дозу облучения 0,02–0,04 рентгена, в танках – в 4–8 раз меньше. На этой основе был сделан вывод, что при соответствующей защите можно преодолевать зараженные участки.

Однако по мере накопления экспериментальных данных, совершенствования ядерных боеприпасов и средств их доставки к цели военные теоретики и на Западе, и в СССР постепенно осознавали, что атомное оружие – это не просто увеличение огневой мощи войск, а принципиально новый военно-технический фактор, в корне меняющий принципы и нормы военного искусства. Появились идеи, теории, концепции использования ядерного оружия как основного средства достижения победы в войне.

В соответствии с этими концепциями главная цель войны заключалась не только в разгроме вооруженных сил противника, как это было в прошлом, но и в уничтожении и разрушении объектов тыла вражеской страны и дезорганизации управления государством. Попытки поражения объектов тыла противника предпринимались и в годы Второй мировой войны, но атомное оружие значительно расширяло возможности одновременного их поражения

[239] Научно-технический прогресс и революция в военном деле. – М., 1973.

Поэтому и способы воздействия на противника, методы и приемы вооруженной борьбы, в целом ход ведения военных действий, как полагали, будут в принципе отличаться от того, что было в войнах прошлого. Такие компоненты Вооруженных Сил, как Ракетные войска стратегического назначения, Войска ПВО страны, значительные силы Сухопутных войск, авиации и ВМФ, уже в мирное время должны быть постоянно боеготовым первым стратегическим эшелоном.

Считалось, что своеобразие ракетно-ядерного оружия не допускает, чтобы его готовность зависела от последовательной мобилизации, выдвижения и развертывания войск, как это было в прошлом. Начало современной ракетно-ядерной войны, по мнению военных ученых, может сложиться так, что широкой предварительной всеобщей мобилизации и не будет: войска приступят к боевым действиям силами, находящимися в наличии.

В связи с этим менялось и содержание понятия «стратегический маневр». Ранее оно выражало перемещение крупных войсковых масс и создание новых стратегических группировок. Это требовало значительного времени и огромного напряжения транспортной системы страны, особенно на театре военных действий. Теперь стратегический маневр мог осуществляться не только упомянутым путем, но и изменением целей для баллистических ракет, авиационных группировок, перебросками по воздуху сил и средств, что давало огромный выигрыш во времени. Соответственно изменились условия и возможности стратегического взаимодействия между группировками и видами Вооруженных Сил.

С учетом увеличившихся боевых возможностей оперативных объединений Вооруженных Сил были пересмотрены показатели размаха фронтовых и армейских операций. Научное обоснование получили способы подготовки и ведения операций с целью окружения и уничтожения вражеских группировок, встречных сражений, оперативного преследования противника, форсирования водных преград с ходу, ведения мобильных и высокоманевренных боевых действий в ночных условиях.

Дальнейшее развитие получили вопросы организации и ведения общевойскового боя и тактики частей и соединений ВВС, ВМФ и Войск ПВО страны. Теоретические взгляды по этим вопросам были закреплены в новом Полевом уставе Вооруженных Сил 1948 г. На этой основе на рубеже 1950-х гг. были созданы боевые

уставы и наставления для всех видов Вооруженных Сил, родов войск и специальных войск.

Совершенствовалась теория наступления и обороны. Тактика предусматривала: в наступлении – прорыв многополосной и многопозиционной обороны, а в обороне – создание сплошного и глубоко эшелонированного оборонительного рубежа. Но одновременно в тактике, к сожалению, наметилась тенденция копирования, канонизации приемов и способов действий периода Великой Отечественной войны, которая была преодолена лишь со временем.

Исследование законов, закономерностей и тенденций вооруженной борьбы в возможных войнах ядерной эпохи и явилось главной задачей военной науки. Необходимо было дать аргументированное объяснение формам проявления законов вооруженной борьбы в условиях применения ракетно-ядерного оружия; уточнить предмет самой военной науки, дать классификацию и субординацию ее составных частей; разработать общие методологические проблемы военной теории и практики и др.

В целом же в первое послевоенное десятилетие советская военная мысль стремилась критически осмыслить опыт Великой Отечественной войны. В частности, особое внимание она уделяла исследованию характера начального периода возможной войны. В исследованиях военных ученых отмечалось, что созданные США и странами НАТО крупные группировки вооруженных сил в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, на Японских островах и в ряде стран Юго-Восточной Азии предназначались для внезапного нападения на Советский Союз с использованием атомного оружия в расчете на достижение решительных стратегических целей в самом начале войны[240]. Из этого делался вывод о необходимости заблаговременно готовить Вооруженные Силы страны к ответному «сокрушительному» удару по возможному агрессору.

Главной военно-политической целью руководства СССР в первые десять лет после окончания Второй мировой войны была ликвидация монополии США на атомное оружие, и на это были направлены огромные силы и средства. В то время военные теоретики вплотную не занимались исследованием проблем ядерной войны. Но они многое сделали для обоснования необходимости поддержания определенного баланса военных сил с целью обеспечения безо-

[240] См.: *Сбытов Н. А.* Военная мысль в ядерный век. – М., 1992. – С. 37.

пасности страны, предотвращения новой мировой войны. Основная роль в этом отводилась обычным видам вооружений, мощь которых превышала европейские силы НАТО, что сдерживало и США.

Появление в СССР ядерного оружия и других современных видов вооружений в 1950-х гг., оснащение ими Вооруженных Сил ознаменовали начало качественно новой фазы развития военного дела, военной науки. У военных теоретиков и военачальников в те годы стали формироваться взгляды о необходимости достижения равенства или превосходства над США по стратегическим наступательным вооружениям. Позднее на их основе была разработана теория военно-стратегического паритета. Большой вклад в ее разработку внес Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов (1904–1964), бывший в 1955–1962 гг. главкомом Войск ПВО страны, в начале 1960-х – заместителем министра обороны – Главкомом РВСН, а затем, в 1963–1964 гг., начальником Генштаба ВС – первым заместителем министра обороны. В 1964 г. он писал, что успехи советской экономики, науки и техники позволяют СССР в течение нескольких лет не только догнать, но и перегнать США в области производства стратегических вооружений[241]. Так думали и министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, и другие советские военачальники, военные теоретики и специалисты. И действительно, к концу 1970-х гг. военно-стратегический паритет был достигнут.

В исследованиях ученых той поры отмечалось качественно новое явление – резкое возрастание роли военной стратегии, которая, во-первых, получила возможность более свободного развития и, во-вторых, с созданием стратегических ядерных сил страны стала непосредственно влиять на ход и исход любой войны, минуя промежуточные стадии.

Теоретические разработки велись и в связи с оснащением ракетно-ядерным оружием других видов Вооруженных Сил. Это неизмеримо увеличило их возможности по проведению как совместных, так и самостоятельных операций. Получили обоснование новые формы стратегических действий в виде ядерных ударов: одиночных, групповых и массированных в зависимости от поставленных задач. Предполагалось, что одиночный ядерный удар будет

[241] См.: *Бирюзов* С. Новый этап в развитии Вооруженных Сил и задачи обучения и воспитания войск // Коммунист Вооруженных Сил. – 1964. – № 4. – С. 18.

наноситься по отдельной важной цели, групповой несколькими ядерными боеприпасами – по одному крупному или нескольким объектам. Массированный ядерный удар мог наноситься большим количеством ядерных боеприпасов с задачей уничтожения в короткий срок скоплений ядерного оружия, крупных группировок войск и важных объектов противника. В зависимости от объема задач массированные ядерные удары могли наноситься одним или несколькими видами Вооруженных Сил[242].

Всесторонне оценивая роль ракетно-ядерного и появившегося космического оружия, военные ученые и специалисты в 1960–1970-х гг. отмечали возросшую значимость воздушно-космической обороны, необходимость ее организации в государственном масштабе с целью гарантированного отпора возможной агрессии, защиты территории страны и важнейших ее объектов от ядерных ударов противника.

В области оперативного искусства основное внимание было сосредоточено на теоретической разработке наиболее эффективных способов подготовки и ведения операций и боевых действий объединений и соединений с применением всех новейших средств поражения, включая ракетно-ядерное оружие. Исходя из этого при разработке способов ведения военных действий предпочтение отдавалось наиболее решительным видам вооруженной борьбы, в частности наступлению.

В теории подготовки к войне особое внимание уделялось проблеме ее начала и продолжительности. До 1960-х гг. на начальный период войны существовали различные точки зрения: он может быть; его не будет; он будет главным периодом войны. Затем стали приобретать значительное влияние взгляды на ядерную войну как на войну «скоротечную» и даже «молниеносную», потому что, как считалось, первые же внезапные ракетно-ядерные удары могли нанести невиданные разрушения, истребить огромное количество войск в местах их обычного расквартирования и уничтожить значительную часть населения крупных городов. Вместе с этим учитывалось, что вооруженная борьба не ограничится лишь ударами ядерного оружия. Может возникнуть необходимость в длительном и предельном напряжении сил армии и страны. Считалось наиболее

[242] См.: Военная стратегия / Под ред. В. Д. Соколовского. 3-е изд. – М., 1968. – С. 332–333.

вероятным, что война с самого начала приобретет глобальный пространственный размах и крайне разрушительный характер.

В начале 1960-х гг. советская военная мысль исходила из того, что война начнется внезапным массированным ядерным ударом после определенного кризисного периода в отношениях СССР и США. Во второй половине тех же годов среди советских ученых и военных специалистов начали преобладать многовариантные оценки начала войны и ее дальнейшего хода. Отчасти в связи с этим выявилась актуальность разработки общей теории военной науки и совершенствования структуры всей системы военно-научных знаний.

Военные теоретики и специалисты настойчиво вели поиск рационального для новых условий организационного совершенствования Вооруженных Сил. Это было важнейшей задачей военной науки, ибо развитие их видов, а также родов войск в соответствии с требованиями ракетно-ядерной войны шло по линии наращивания огневой мощи, усиления подвижности и маневренности войск. При этом не исключалась возможность развязывания как ядерной, так и обычной войны.

Теория военного строительства в послевоенный период учитывала необходимость поддержания постоянной высокой боеготовности войск (сил) в мирное время. Роль этого важного фактора повышалась пропорционально росту мобильности средств поражения, скорости полета ракет и масштабов внедрения АСУ в войска. Многократное изменение пространственно-временных параметров военных действий с применением ракетно-ядерных средств существенно повышало значение постоянной высокой боеготовности частей и соединений.

Необходимость поддержания постоянной высокой боевой готовности войск в послевоенный период определялась тем, что средства и способы ракетно-ядерного нападения, бесспорно, преобладали над средствами и способами защиты от них. Вследствие этого шло достаточно быстрое совершенствование средств противоракетной обороны.

В 60–70-е гг. XX в. военные теоретики и специалисты не без оснований полагали, что ракетно-ядерная война потребует применения основных военных усилий сразу же с началом войны, буквально в первые же часы и минуты, чтобы добиться самых оптимальных результатов в минимальные сроки. Такое требование

было обусловлено тем, что первые же массированные ядерные удары могли, как считалось, привести к таким потерям в тылу и войсках, которые поставили бы народ и страну в исключительно тяжелое положение. А это, в свою очередь, резко повышало значение высокой боевой готовности частей и соединений.

В военной науке все больше утверждались взгляды, в соответствии с которыми предполагалось, что существенные изменения будут касаться не только и не столько внешних показателей вооруженной борьбы. Главные изменения связывались с тем, что в вооруженной борьбе будущего окажутся спрессованными действия различных видов Вооруженных Сил и родов войск, выполняющих огромное количество сложнейших, взаимосвязанных стратегических и оперативно-тактических задач. Причем действия стратегических средств, наземные, воздушные и морские бои и сражения станут оказывать влияние на общий ход военных действий не только по вертикали (от стратегии к тактике и наоборот), как в прошлом, но и по многим другим направлениям. Основные задачи по разгрому противника будут решаться не в ходе столкновения передовых частей, а путем дистанционного огневого поражения. В результате все бои и сражения приобретут рассредоточенный, объемный характер, охватывая все сферы военных действий по фронту, глубине и высоте. Резко возрастает интенсивность мощного огневого воздействия на всех участников войны, вызывая небывалые, возможно, предельные нервно-психологические нагрузки.

Новизна вооруженной борьбы будет вытекать также из внутренней насыщенности, напряженности и динамичности боевых действий и общего накала военного противоборства сторон.

Быстрое развитие передовых технологий увеличивает военно-технический разрыв между ведущими государствами и другими странами. Поэтому в будущем возможна вооруженная борьба не только примерно равных в техническом отношении противников, но и противников, имеющих разный уровень технического оснащения.

В новых условиях из трех важнейших элементов боя и сражения – огонь, удар и маневр – резко повышается значение огневого поражения. Оно должно более надежно подготавливать удар, увеличивать его силу, не вынуждая войска, как в прошлом, ценой больших потерь преодолевать сопротивление противника. Причем его вторые эшелоны и резервы будут поражаться, как правило, еще

до их подхода.

Решающие сражения будут происходить не только на земле, на море, но и в воздухе. В целом же операции и боевые действия будут носить воздушно-наземный характер, при котором огневые и электронные удары наземными и авиационными средствами по всей глубине расположения противника будут сочетаться с многократной высадкой и проникновением в глубину вражеской обороны аэромобильных частей. Задачей последних станет нанесение ударов не только с фронта, флангов, но и с разных направлений в тылу противника. Операции и боевые действия будут развиваться стремительно, при отсутствии сплошных фронтов или лишь при временной их стабилизации, носить высокоманевренный характер.

Большие изменения произойдут в характере и содержании начального периода войны, в способах подготовки и ведения наступательных и оборонительных операций, встречных сражений, методах нанесения огневого поражения, способах совершения маневра, а также создания необходимых плотностей сил и средств, сосредоточения основных усилий на решающих направлениях.

По мнению военных специалистов, быстрые и резкие изменения обстановки, внедрение автоматизированных систем управления усложняют и в корне преобразуют деятельность командующих, командиров и штабов по управлению войсками, и силами флотов. Ими отмечалась также тенденция к дальнейшему увеличению потерь в личном составе и боевой технике.

Вместе с тем исходная субстанция войны (вооруженной борьбы) позволила предположить, что в новых условиях возможны и такие войны, которые будут направлены не столько на непосредственное уничтожение войск противника, сколько на подрыв его военной мощи изнутри. Подобного рода действия могут осуществляться и в ходе политических и иных усилий по предотвращению войн и вооруженных конфликтов. Поскольку крупномасштабная война может возникнуть в результате постепенного втягивания государств в военные конфликты и эскалации последних, упреждающие политические и военные акции по их предупреждению и локализации могут иметь решающее значение для предотвращения войны.

На этом этапе, кроме политических мер, важное значение могут иметь широко применяемые экономические санкции, морская, воздушная и наземная блокада путей сообщения, демонстрация си-

лы, выделение миротворческих сил для разъединения сторон и другие способы действий.

Установление в 1970-х гг. военно-стратегического паритета с США привело к существенной корректировке военно-теоретических взглядов СССР. К многим политикам и военным специалистам пришло понимание невозможности развязывания и ведения ракетно-ядерной войны. Советское военно-политическое руководство официально объявило об отказе добиваться превосходства в области развития стратегических наступательных вооружений. Американское руководство начало проводить в жизнь стратегию «гибкого реагирования».

В 70–80-е гг. прошлого века человечество осознало наконец необходимость предотвращения ядерной угрозы. В условиях военно-стратегического паритета между СССР и США, ОВД и НАТО роль ракетно-ядерных вооружений в качестве «орудий войны», по оценке военных ученых и специалистов, становилась все более иррациональной. Реалии ядерного века детерминировали процесс изменения роли армий в решении проблемы войны и мира. Логика изменения военно-политической обстановки в направлении к миру и безопасности обусловила придание вооруженным силам развитых государств функции предотвращения войны. В соответствии с этим они стали ориентироваться в основном на выполнение оборонительных задач. На рубеже 1990-х гг. в СССР (с 1992 г. в России) и США, ряде других стран было заявлено о придании их военным доктринам оборонительного характера.

К концу XX в. в связи с этим стала меняться логика военно-политического мышления. Политики и военные специалисты все больше стали думать не о том, что нужно сделать для достижения военной победы в мировой ядерной войне, а о том, как предотвратить эту войну, исход которой однозначен – всеобщая ядерная катастрофа. В мировом общественном мнении начали утверждаться идеи о необходимости действительного и всеобщего разоружения, ликвидации иррациональных запасов ядерного оружия и предотвращении появления новых его видов, а также других опасных для человеческого существования средств ведения вооруженной борьбы.

Эволюция взглядов военных ученых и специалистов на ядерное оружие, соотношение войны и политики, политики и стратегии, безопасности и стратегической стабильности нашла выражение

в концепциях недопустимости мировой войны в любом из возможных вариантов – ядерной или неядерной, ее предотвращения и связанных с ними теоретических взглядах на вооруженные силы, военную мощь, военную силу в новых исторических условиях.

Осознание опасности гонки вооружений (ядерных и обычных) проявилось у политического и военного руководства разных стран в неуверенности в благополучном для себя исходе войны, если бы она была развязана. Мир все больше подходил к пониманию недопустимости ядерной войны как средства политики. Тем самым и военная теория все больше «вбирала» в себя новую парадигму мышления. Военной теории в этом огромную помощь оказал весь спектр естественных и прикладных наук. С их помощью военная наука сначала скорректировала ряд своих теоретических положений, а затем и создала новые, в том числе фундаментальные. Например, были разработаны положения об обеспечении национальной безопасности как военными, так по преимуществу и политическими средствами; необходимости ядерного разоружения и формирования ненасильственного, безъядерного мира. В этих условиях армия должна неизбежно приобретать иной характер, руководствоваться сугубо оборонительной доктриной, строиться как оборонительная, а развиваться на основе и баланса интересов, и баланса сил по принципу оборонной достаточности.

Главным требованием к армии при этом являются ее высокая боевая готовность, способность к эффективному отражению любого нападения. Чем больше уровень подготовки вооруженных сил соответствует степени военной угрозы, тем меньше вероятность того, что эта угроза реализуется. На первый план выступают качественные показатели армии: ее техническая оснащенность, высокая выучка личного состава, его профессионализм, уровень военного искусства и военной теории.

Армии должны строиться и развиваться не как орудие подготовки и ведения войны, а как инструмент сохранения мира. Их личный состав должен обучаться и воспитываться в духе оборонительных доктрин, без пропаганды образа врага, с учетом неделимости и растущей взаимозависимости окружающего мира, необходимости утверждения приоритета общечеловеческих ценностей в отношениях между государствами.

В сложившихся условиях достижения военной науки, во-первых, использовались для выработки и уточнения положений воен-

ной доктрины о возможном характере вооруженной борьбы в современных условиях, ее напряженности, длительности, количестве и качестве Вооруженных Сил, необходимых для отражения агрессии.

Во-вторых, достижения военной науки и научно-технического прогресса служили основанием для выработки программ материально-технического обеспечения оборонной мощи страны, Вооруженных Сил, организации производства и оснащения армии и флота новой техникой, новым вооружением, которое бы не уступало вооружению вероятного противника.

В-третьих, вырабатывались новые формы и способы ведения военных действий любого масштаба и характера, совершенствовалось управление вооруженной борьбой и руководство Вооруженными Силами.

В-четвертых, соответственно корректировались требования к боевой и морально-психологической подготовке личного состава Вооруженных Сил, подготовке кадров для армии и флота.

И наконец, исходя из научных исследований, посвященных климатическим и биологическим последствиям атомной войны (феномен ядерной зимы), существенно изменились представления относительно самой возможности победы в такой войне, чреватой возможной гибелью цивилизации.

Начиная с 1985 г. под влиянием новых мирных инициатив, выдвинутых СССР на международной арене, и прежде всего концепции нового политического мышления, утвердилось представление о неприемлемости ядерной войны и невозможности ее выиграть, равной и всеобщей безопасности, бесперспективности стремления к военному превосходству и бессмысленности гонки вооружений. Все это получило отражение в принятой Советским Союзом военной доктрине сугубо оборонительного характера, направленной на защиту от нападения извне. Ее принципиальные положения вытекали из задачи недопущения войны – как ядерной, так и обычной.

За советский период своего развития отечественная военная наука прошла сложный и противоречивый путь, не имеющий аналогов в истории. Если прежде главной ее задачей были поиск и выработка теории достижения победы, то в условиях ядерного противостояния двух сверхдержав, двух мощнейших военно-политических блоков главным стало иное: разработка таких теоретических схем, концепций, положений в области военного дела, воен-

ной политики и стратегии, которые вели бы к предотвращению ядерной (и «обычной») мировой войны, обеспечивали недопущение или блокирование локальных вооруженных конфликтов и войн любой интенсивности, а также осуществление Вооруженными Силами миротворческих функций, обеспечение эффективного решения проблем безопасности.

Решение столь масштабных задач требовало изменения качества самой военной науки. И оно неодолимо шло, но, к сожалению, не получило своего логического завершения.

3.2. Современное состояние отечественной военной науки

С образованием Российской Федерации как независимого государства отечественная военная наука вступила в новый период развития. Перед нею встали существенно иные по сравнению с военной наукой Советского Союза проблемы, ибо изменились геополитическое и геостратегическое положение страны, характер военных опасностей, угроз и вероятных войн. Иными стали статус России в системе международных отношений, место и роль в военно-политической обстановке глобального и регионального уровней. Значительно уменьшился оборонный потенциал РФ, намного снизилась мощь ее Вооруженных Сил, хотя Россия и продолжает оставаться великой ядерной державой.

Произошли коренные перемены в экономической и социально-политической обстановке в стране, ее идеологии, общественной и политической системах. Иными стали духовная и мировоззренческая атмосфера и методологические основы развития военной науки.

Военная наука оказалась в кризисном состоянии, которое постепенно преодолевается. Решаются современные проблемы военного развития в условиях продолжающейся революции в военном деле, сложной международной обстановки, сложившейся после ушедшей в прошлое биполярной системы; новые требования к военной науке предъявляют и внутренние экономические, социально-политические и идеологические процессы, а также изменившийся характер военных опасностей и угроз, меняющийся характер ведущихся и возможных в мире войн, как больших, так и малых. Преодоление кризиса достигается также путем формирования новой мировоззренческой основы и обновленной методологии решения актуальных вопросов развития самой военной науки в интересах обеспечения безопасности и военной защиты Отечества в новых исторических условиях.

В условиях общего системного кризиса российского общества, наступившего в начале 90-х гг. прошлого столетия в ходе неолиберальных реформ, создалось кризисное состояние и в развитии отечественной военной науки, всей военной теории и практики. С од-

ной стороны, оно (кризисное состояние) затормозило решение многих фундаментальных и прикладных проблем, с другой – устранило многие идеологические преграды, которые ранее мешали развитию военной науки.

Важнейшим проявлением кризиса военной науки стали радикальные перемены в ее философско-методологических основах, в общей теоретической части. Некоторые положения и принципы этих основ некритически отброшены, а другие, трактуемые к тому же догматически, перестали отвечать новым реалиям. Военная наука стала теперь опираться не только на диалектико-материалистические основы и учение о войне и армии, но также и на некоторые другие философско-социологические и методологические положения и принципы.

Произошли изменения и в функциональной направленности военной науки, ибо стали иными (и продолжают меняться) параметры национальной, региональной и глобальной безопасности, в первую очередь ее военной составляющей. Если угроза мировой ядерной войны в какой-то мере оказалась отодвинутой во времени, то усилилась опасность международного терроризма и локальных вооруженных конфликтов и войн; появились новые тенденции в вооруженной борьбе и новые функции у Вооруженных Сил, например, миротворческие и антитеррористические.

Состояние военной науки характеризуется также слабой ее востребованностью со стороны политического и даже военного руководства страны. Подтверждением тому служат нерешенные проблемы военной реформы в России, существенные недостатки в боевой и оперативной подготовке войск и штабов, воспитании личного состава. Есть и другие негативные явления в военной теории и практике, которые лишь усиливают действие уже названных.

Обнаружились препятствия, тормозящие развитие военной науки и ее функционирование. Подобного рода препятствия, преграды в свое время английский философ Ф. Бэкон назвал «призраками», «идолами», служащими причинами заблуждений на пути к истине. Наиболее опасными из них для отечественной военной науки в сложившихся ныне условиях являются авторитаризм, догматизм, мифология и антисоветизм. Так, антисоветизм зачастую проявляется в недооценке, даже пренебрежительном отношении к военной теории, в том числе и военной науке советского периода. Нередко утверждается, что военная теория в нашей стране отстала

от западной в решении коренных проблем войны и армии. Встречаются случаи отрицания проверенных историей методологических и мировоззренческих принципов и положений. Вместо них предлагаются иные постулаты, заимствованные из западной философии и даже теологии, хотя и не получившие исторического подтверждения.

Необходимо учитывать, что в научном познании, как и в обществе в целом, действуют объективные закономерности. Их следует знать и учитывать, что предполагает обязательность уважительного отношения к прошлому, т.е. не развенчивать его, а критически осмысливать, учитывая положительные и негативные стороны, тенденции. Совершенствуя настоящее и думая о будущем, недопустимо нигилистически относиться к прошлому, каким бы оно ни было.

Очень опасным продолжает оставаться авторитаризм. Известно, что как в далеком, так и особенно в недалеком прошлом, нередко военно-теоретические взгляды формировались в угоду лицам, стоявшим на вершине власти, политической или научной. Но прежде всего, конечно, политической. Так было и в императорской России, и в СССР. К сожалению, и в наши дни, несмотря на большую свободу высказывания мнений, все же «установки» сверху в отношении тех или иных процессов в военной сфере воспринимаются как единственно верные. Так произошло, например, с тезисом о том, что армия стоит вне политики. Его в 1990-е гг. провозгласило политическое и военное руководство страны, а некоторые ученые сразу же принялись его «обосновывать». Тех же, кто выступал против этого утверждения, стали третировать. И только совсем недавно было признано, что этот тезис несостоятелен в теоретическом и вреден в политическом отношении.

Крайне живуч догматизм. Он не только причина заблуждений военной мысли, но и серьезное препятствие на пути ее развития. Тормозом для военной науки стали и некоторые догматически принятые принципы методологии, особенно принцип партийности, тезис о превосходстве социализма над капитализмом в военной сфере.

Труднопреодолимыми оказались взгляды о тождественности войны и вооруженной борьбы. Они нанесли немалый вред отечественной военной науке, например, в толковании ее объекта и предмета, структуры и функций, оценке позитивных и негативных

сторон развития. Некоторые авторы предлагали отказаться от проверенного историей положения, гласящего: всякая война является продолжением политики государств, социальных сил, классов насильственными средствами. Они полагали, что ядерная война в силу своей разрушительности перестает быть продолжением политики. В действительности же и ядерная война в случае ее развязывания агрессивными, авантюрными силами, государствами, стала бы продолжением антигуманной, античеловеческой политики. Поэтому мировое общественное мнение и пришло к выводу о недопустимости ядерной войны – ни большой, ни малой.

Кроме того, заторможенными оказались разработка типологии войн современной эпохи; выбор путей и средств обеспечения военной безопасности страны; осуществление военной реформы в России.

Наконец, кризисное состояние отечественной военной науки обострилось в результате массового увольнения офицеров и генералов из Вооруженных Сил, значительно уже стал круг военных специалистов, занимающихся теоретическим решением вопросов военной практики, разработкой проблем военной науки. Затормозился приток молодых военных теоретиков, способных творчески развивать военную науку.

Однако, несмотря на все сказанное, и в последние 15–20 лет продолжалось развитие отечественной военной науки, творческое решение ее проблем.

Современный этап развития мировой истории предъявляет особо высокие требования к отечественной военной науке и всей военной теории. Не только России, но и другим государствам и народам, всему человечеству брошен вызов, который потребовал нового подхода к решению проблем обеспечения безопасности на всех уровнях – национальном, региональном, глобальном.

Военные теоретики совместно с политологами, историками, социологами, представителями государственных и военных органов многое сделали для определения места и роли Российской Федерации в современном мире, что крайне необходимо для решения проблемы военной и национальной безопасности. Они также внесли свой вклад в определение национальных интересов России, приняли участие в выработке государственной концепции национальной безопасности, военной доктрины и других документов, направленных на обеспечение суверенитета страны.

Особое внимание было обращено на теоретическое решение вопросов, связанных с оценкой военных опасностей и угроз. Дело в том, что не всегда различаются опасности реальные и потенциальные. Между тем последние становятся реальными, превращаются в военную угрозу лишь при определенных условиях. Если нет таких условий, то военная опасность так и остается потенциальной, нереализованной.

Наряду с этим допускается смешение понятий «военная опасность» и «военная угроза». Раньше считалось, что Советскому Союзу угрожают многие государства, а теперь нередко утверждается, что России никто не угрожает, что для нее вообще не существует военных опасностей, а бывшие противники стали партнерами или друзьями. Часть населения России считает, что человечество устало от войн, гонки вооружений и нет уже в мире сил, желающих и способных развязать ядерную войну, а потому извне для России угрозы не существует, а все военные опасности находятся либо внутри СНГ, либо в самой России.

Неверная оценка военных опасностей и угроз для России, их отрицание неизбежно связаны с недооценкой социальной значимости военной службы, армии, необходимости иметь надежную оборону страны и совершенствовать Вооруженные Силы.

Установлено, что военная опасность и военная угроза – одни из исходных в теории и практике военного строительства, обучения и воспитания личного состава войск; они являются ключевыми в оценке военно-политической обстановки, от объективности и правильности которой во многом зависят принятие решений политическим и военным руководством России и их практические действия в области защиты национальных интересов и обороноспособности страны. Поэтому, чтобы раскрыть сущность и содержание военных опасностей и угроз, показать их различие и взаимосвязь, взаимопереходы, разработана их научная классификация, выработаны рекомендации по противодействию военным опасностям и пресечению военных угроз.

При этом были углублены теоретические представления о сущности и характере современных войн, их источниках и причинах, войне как особом состоянии общества и специфическом, чрезвычайном способе его существования; недопустимости войн в условиях ядерной опасности и путях их предотвращения. Одновременно разрабатывается современная научная классификация войн, учи-

тывающая три критерия: 1) социально-политический характер; 2) военно-технические параметры (главным образом средства вооруженной борьбы) и 3) масштабы. По этим критериям (основаниям) подразделяет возможные войны военная доктрина Российской Федерации.

По первому классификационному признаку войны различают по типам, видам и родам. Понятие «тип войны» отражает тот факт, что война является двусторонним процессом. Поэтому в названии типа войны указывают обе воюющие стороны, включенные в конкретную систему антагонистических взаимоотношений (например, война между странами так называемого третьего мира). Классификация по видам позволяет выделить и дать оценку каждой из воюющих сторон.

Понятие «род войны» отражает социальный характер войны, которую ведет каждая из противоборствующих сторон.

По военно-политическим целям войны могут быть справедливыми и несправедливыми. К справедливым относятся войны, которые не противоречат Уставу ООН, основным нормам и принципам международного права, ведутся в порядке обороны. Войны, ведущиеся стороной, предпринявшей нападение, подпадают под определение агрессии. Такая, являющаяся несправедливой война противоречит Уставу ООН, основным нормам и принципам международного права.

По средствам вооруженной борьбы войны могут быть как с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения, так и с использованием только обычных средств поражения.

По масштабам войны подразделяются на локальные, региональные и крупномасштабные, а также могут быть вооруженные конфликты.

Отечественная военная наука исходит из того, что вооруженный конфликт является одной из форм разрешения политических, национально-этнических, религиозных, территориальных и других противоречий с применением средств вооруженной борьбы, при которой государства, участвующие в военных действиях, не переходят в особое состояние, называемое войной. В вооруженном конфликте стороны, как правило, преследуют частные военно-политические цели.

Вооруженный конфликт может стать следствием разрастания инцидента, приграничного конфликта, акции и других вооруженных столкновений ограниченного масштаба, в ходе которых для разрешения противоречий используются насильственные средства.

Вооруженный конфликт может иметь международный (с участием двух и более государств) или внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства).

Локальная война ведется двумя и более государствами, как правило, в границах этих государств и затрагивает преимущественно только их интересы (территориальные, экономические, политические и другие).

Такая война может вестись группировками войск (сил), развернутыми в районе конфликта, с их возможным наращиванием за счет переброски дополнительных сил и средств с других направлений, а также проведения частичного стратегического развертывания вооруженных сил.

При определенных условиях локальные войны могут перерасти в региональную или крупномасштабную войну.

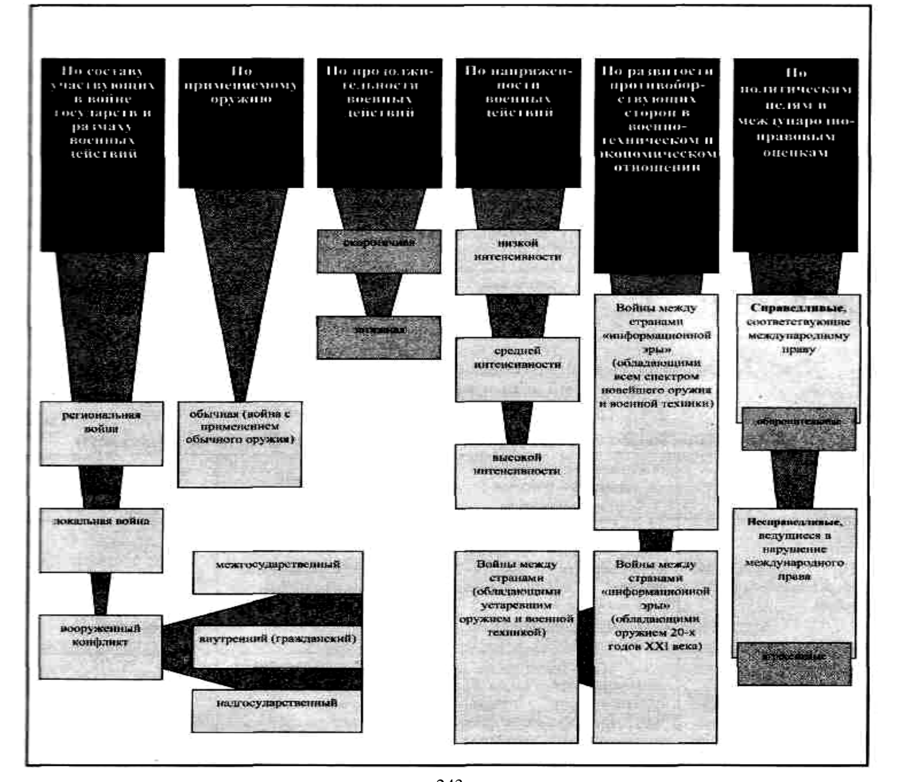
В региональной войне участвуют два и более государств (групп государств) региона, боевые действия ведутся национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения на территории, ограниченной пределами региона с прилегающими к нему акваторией океанов, морей, воздушным и космическим пространством. В ходе такой войны стороны, как правило, преследуют важные военно-политические цели. Для ведения региональной войны потребуются полное развертывание вооруженных сил и экономики, высокое напряжение всех сил противоборствующих государств. В случае участия в ней государств, обладающих ядерным оружием, либо их союзников региональная война будет характеризоваться угрозой применения ядерного оружия.

Крупномасштабная война возможна между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества. Она может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны путем вовлечения в них значительного количества государств различных регионов мира. В крупномасштабной войне стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников.

Оригинальную классификацию войн и военных конфликтов приводят в своей статье «О характере вооруженной борьбы в XXI веке» В. Н. Горбунов и С. А. Богданов (рис. 1).

Рис. 1

КЛАССИФИКАЦИЯ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Ссылаясь на В. Р. Соловьева[243], они пишут: «Опыт войн и вооруженных конфликтов, проведенных США и их союзниками в последние годы, дает основание предвидеть, изменения в содержании классификации войн будущего. В перспективе в XXI веке возможны различные по масштабам и содержанию войны. По типам их можно подразделить на традиционные (с применением силовых действий вооруженных сил) и нетрадиционные (без применения силовых действий), по видам – на вооруженные конфликты, локальные и региональные войны»[244].

[243] См.: *Соловьев В. Р.* Войны XXI века. Теоретический труд ВАГШ, 2007.

Современное российское военное планирование, основанное на реалистичном понимании имеющихся ресурсов и возможностей РФ, исходит из того, что Вооруженные Силы РФ совместно с другими войсками должны быть готовы к отражению нападения и нанесению поражения агрессору, ведению активных действий (как оборонительных, так и наступательных) при любом варианте развязывания и ведения войн и вооруженных конфликтов, в условиях массированного применения противником современных боевых средств поражения, в том числе оружия массового уничтожения всех разновидностей.

В современной военной науке важное место занимают теоретические положения об оборонной (военной) мощи государств. При этом понятие «оборонная мощь» правомерно применять лишь по отношению к миролюбивым, неагрессивным странам. Понятие «военная мощь» применимо ко всем государствам.

Под военной мощью государства понимается совокупность таких материальных и духовных возможностей общества, которые используются для достижения определенных военно-политических целей как на международной арене, так и внутри страны: для подготовки войны и ее ведения, в целях агрессии или ее отражения, в интересах предотвращения войны, обеспечения безопасности. Она также представляет собой часть совокупной мощи государства (коалиции) с ярко выраженным функциональным предназначением. Военная мощь формируется и используется в зависимости от военно-политических целей, содержания и направленности политики страны (коалиции). Военная мощь миролюбивых государств имеет оборонительный характер, а агрессивных – наступательный. Она всегда выступает орудием политики, ее средством в определенной военно-политической обстановке.

По своему состоянию военная мощь характеризуется как потенциальная или как действующая. Потенциальная представляет собой максимальные возможности государства, которые могут стать действующими факторами. Основу военной мощи составляют экономический, социальный, политический, духовный потенциалы (факторы). Кроме них, к военной мощи относятся компоненты, свя-

[244] *Горбунов В. Н., Богданов С. А.* О характере вооруженной борьбы в XXI веке // Военная Мысль. – 2007. – № 3. – С. 8.

занные с другими сферами: демографической, географической, организационной, управленческой. Особое место в структуре военной мощи занимает собственно военный потенциал. В ее формировании участвуют государственные учреждения страны, различные партии и общественные движения, население и вооруженные силы. Деятельность народа создает материальные и духовные ценности общества, она же обеспечивает все необходимое для формирования соответствующих факторов военной мощи. Последняя испытывает влияние основных черт и закономерностей эпохи, конкретно складывающейся всякий раз военно-политической обстановки в мире, его отдельных регионах, а также некоторых других внешних военно-политических факторов.

Отечественная военная теория (учение о войне и армии и военная наука), к сожалению, не в полной мере решила проблемы военной реформы как главной задачи в постсоветской России. Достаточно убедительной научной концепции строительства новых Вооруженных Сил России создано не было. Существовали лишь некоторые ее фрагменты. Например, такие, как положение об адекватности военного строительства в целом и Вооруженных Сил в частности военно-политическим реалиям новой эпохи, существующим опасностям и угрозам; о соразмерности Вооруженных Сил имеющимся на данном этапе материальным и духовным возможностям страны, их соответствии принципу оборонной достаточности; о смешанном принципе комплектования Вооруженных Сил – по призыву и контракту и другие.

Вследствие своеобразного сочетания объективных обстоятельств и субъективных факторов военная реформа в течение ряда лет осуществлялась методом проб и ошибок. Прежний опыт строительства Вооруженных Сил политическим и военным руководством учитывался мало. Реформа сводилась главным образом к сокращению численности Вооруженных Сил.

Однако, несмотря на значительные как объективные, так и субъективные трудности в ходе осуществления военной реформы, удалось обеспечить достаточную управляемость процессов и боеспособность Вооруженных Сил. Это во многом позволило сохранить территориальную целостность страны, а также существенно усилить в начале XXI в. международную роль и статус России.

В целом можно констатировать, что масштабные изменения в Вооруженных Силах РФ, связанные с их коренной перестройкой

в рамках основных положений военной реформы, завершены. На повестке дня новый этап – полноценное военное строительство на основе созданных в процессе реформы правовых, политических, организационно-структурных предпосылок исходя из заново осмысленных национальных интересов и степени реальности угроз безопасности страны.

Наряду с развитием общетеоретических положений военной науки развиваются и другие ее слагаемые: теории вооруженной борьбы, военного искусства, управления войсками (силами), их обучения и воспитания и некоторые другие.

В теории вооруженной борьбы сформулированы важные положения и выводы на основе обобщения опыта военных действий войск США и других стран НАТО против независимой Югославии в конце XX в. и вооруженной агрессии США и их союзников против суверенного Ирака в конце XX – начале XXI в. Так оценены свойства новой военной техники, поступившей на вооружение в армии многих стран мира, результаты внедрения в военное дело достижений научно-технического прогресса, выявлены основные тенденции вооруженной борьбы. Это прежде всего тенденция расширения ее способов: от стратегии генерального сражения в одной точке в эпоху Наполеоновских войн и линейной стратегии во второй половине XIX – начале XX в. – к глубокой операции на стратегическом направлении накануне и в годы Второй мировой войны и, далее, к объемной (воздушно-космической, воздушно-наземной и наземно-морской) операции в 1980-е гг. Появилась информационная составляющая вооруженной борьбы, которая влияет на ее содержание, ход и исход как непосредственно, так и опосредованно – через воздействие на ее системные элементы.

Переход от «штучных» и автономных единиц информационного оружия к автоматизированным комплексам и системам вооружения и их совершенствование обусловили разработку специальной информационно-ударной операции (ИУО) как совокупности взаимосвязанных и согласованных по цели, задачам, месту, времени и способам ведения информационно-ударных сражений, информационно-огневых боев и информационных ударов, наносимых с целью поражения информационного ресурса противника, максимального затруднения или срыва его действий (и в наступлении, и в обороне). Под информационным ударом здесь понимается кратковременное и мощное воздействие информационным оружием

на информационный ресурс противника.

Расширение способов вооруженной борьбы за счет новой ее составляющей – информационной – вносит существенные изменения в формы и способы военных действий. В войне будущего информационно-ударные операции будут занимать важное место. Считается, что создание управляемого «умного» оружия ведет к тому, что вооруженная борьба становится изменяемой. Это означает, что одной из тенденций развития современного военного дела является реализация на практике прямой индуктивной схемы: от управляемого оружия к управляемой вооруженной борьбе и от нее к управляемой войне. Войны в зоне Персидского залива и бывшей Югославии являются предвестниками будущих управляемых войн.

Установлено, что в вооруженной борьбе усиливается действие дедуктивной тенденции. Раньше в ней преобладали индуктивные связи, отношения. Оперативный успех (неуспех) складывался из тактических побед (поражений) и являлся их следствием. Достижение оперативно-стратегических целей как бы вырастало из соответствующих действий оперативного масштаба. В свою очередь, последовательно проводимые операции оперативно-стратегического и стратегического масштаба рождали стратегические победы. Теперь складывается иное соотношение: применение вышестоящей войсковой инстанцией своих средств во многом предопределяет успех нижестоящей войсковой инстанции. Это касается прежде всего ПВО, ПРО на ТВД, применения ракет, авиации, десантов.

Вследствие действия названной тенденции вооруженная борьба изменяется и приобретает системный характер. При этом ее особенностью будет превалирование дедуктивных связей в ее структуре и содержании. Повышение уровня дедуктивности вооруженной борьбы в решающей мере будет определять и все другие ее тенденции, а тем самым и военного искусства. Главная из них заключается в изменении соотношения стратегии, оперативного искусства и тактики. Если раньше основным средством уничтожения противника являлся плотный контактный бой, то теперь эта задача будет решаться прежде всего оперативными, оперативно-стратегическими и стратегическими средствами – баллистическими и крылатыми ракетами, авиацией и др. Уже военные действия США в зоне Персидского залива в 1991 г. и в Югославии в 1999 г. показали, что одной из особенностей современных войн является

возможность достижения целей некоторых операций без вторжения сухопутных группировок на территорию противника.

Формирование информационной цивилизации, новая технологическая революция в военном деле предопределяют и такую тенденцию развития вооруженной борьбы, как увеличение разрыва между боевыми возможностями средств и систем поражения и защиты. Ликвидировать этот разрыв прежними (классическими) способами невозможно. Необходимо иное, а именно: асимметричная защита путем создания и применения систем поражения для уничтожения тех видов наступательного оружия противника, которые являются наиболее эффективными и опасными.

Осмысление военными теоретиками и практиками новых объективных тенденций вооруженной борьбы и войн будущего нашло отражение в некоторых новых положениях и выводах, стимулировало развитие военной науки, ее слагаемых. Так, ведение военных действий в новых формах и новыми способами вызвало необходимость уточнения содержания многих категорий и принципов военного искусства. Особенно это относится к принципам взаимодействия войск и боевых систем, сосредоточения сил и средств, их маневра, всестороннего обеспечения и управления войсками. В войне будущего потребуется «ювелирная» увязка применения космических, воздушных, морских и наземных средств вооруженной борьбы, причем их применение будет многократным, многовариантным и в условиях дефицита времени на создание группировок сил и средств и маневра ими. Неизбежно также и усложнение взаимодействия внутри каждого вида вооруженных сил и рода войск (сил).

Уточнено содержание принципа сосредоточения сил и средств на решающем направлении. Оно (сосредоточение) все больше будет осуществляться не методом перегруппировки войск на избранное направление, а главным образом путем массированного применения средств огневого поражения. Новые дальнобойные средства позволят вместо маневра и концентрации войск осуществлять маневр траекториями для нанесения массированных огневых ударов по определенным группировкам войск. А их ударные группировки могут выдвигаться на избранные главные направления в самый последний момент.

Происходят изменения и в принципе рассредоточения войск по фронту и в глубину, как в наступлении, так и в обороне, удале-

ния огневых рубежей от выжидательных районов, рубежей развертывания войск, вторых эшелонов и резервов. Возрастает значение заблаговременного создания достаточно сильных и хорошо защищенных группировок сухопутных войск и сил, которые способны не только отразить нападение противника после нанесения им массированных авиационных ударов, но и быть готовыми к немедленному ведению наступательных действий в непосредственном соприкосновении с сухопутными войсками агрессора или его союзников. Возникла потребность уже в начальный период «бесконтактную» войну превратить в «контактную», как наиболее нежелательную для противника, оснащенного дальнобойными средствами. Особое значение приобретает способность обеспечить быстрое выведение из строя инфраструктуры его политического и экономического управления, систем связи и радиоэлектронной борьбы.

При этом отмечается, что в настоящее время концепция «бесконтактной войны» остается лишь теоретической моделью, отражающей стремление определенных государств снизить свою вовлеченность в региональные конфликты с использованием сухопутных войск. Безусловно, достижение полной бесконтактности боевых действий вряд ли возможно. Для этого, вероятно, придется идти на формирование коалиций, в рамках которых один из партнеров берет на себя основную тяжесть наземной войны. Однако, как представляется, это будет связано со значительными политическими издержками.

В ряду проблем, решаемых военной наукой в новых условиях, особое значение приобрело развитие теории управления войсками. Прежде всего потому, что в стране существенно изменилась система государственного, политического руководства. Начала эмпирически складываться новая система, в которой иными, чем прежде, стали отношения между политическими и военными органами, в свою очередь изменившимися. Кроме того, новые отношения сложились между субъектами и объектами управления в ходе военной реформы и модернизации Вооруженных Сил. Наконец, новая теория управления нужна и потому, что продолжается новый этап «технологической» революции в военном деле, которое тоже претерпевает, как уже говорилось, значительные перемены. Эти обстоятельства, а также необходимость эффективного решения стоящих перед Вооруженными Силами РФ задач в сложной обстановке

переходного периода потребовали и разработки новой теории управления войсками, и практического решения задач по эффективному управлению ими. Как никогда прежде, встала проблема повышения культуры управления. Ибо культура субъекта военного управления – это такие интеллектуальные и нравственные качества, которые характеризуют меру его рационального развития с точки зрения усвоения национальных традиций, научных знаний и методологического богатства общества, с одной стороны, а также степень использования названных факторов и обстоятельств при решении актуальных познавательных и практических задач военного строительства – с другой.

Разработаны положения о зависимости уровня развития военного дела от уровня культуры военно-управленческой деятельности; о его роли в переходе от экстенсивного роста боеспособности армии и флота к интенсивному, осуществляемому путем создания новых, высокоэффективных систем оружия и боевой техники, роста профессионализма военных кадров и изменения «технологии» руководства военным строительством, Вооруженными Силами по всем направлениям. Раскрыт механизм подчинения военного управления общим закономерностям и принципам руководства социальными процессами в диалектической связи с его специфическими закономерностями и принципами. В числе последних определяющую роль играют единство руководства Вооруженными Силами, централизация управления, единоначалие, твердость и настойчивость в реализации принятых решений, оперативность и гибкость, соответствие системы управления требованиям современного военного дела. Эти принципы составляют основу теории управления войсками, которая «обслуживает» повышение уровня, надежность и эффективность организации жизни и деятельности войск, обучения и воспитания личного состава, боевого слаживания войск и сил флота, материально-технического обеспечения, поддержания постоянной боевой готовности, выполнения боевых задач и др.

В ряду проблем, решаемых военной наукой в постсоветской России, на первый план вышла проблема развития теории воинского обучения и воспитания. Это связано с тем, что в стране изменилась вся общественная жизнь и руководство ею, при этом разрушенными оказались советские Вооруженные Силы, а военное дело намного усложнилось. Расширился диапазон задач, решаемых

Вооруженными Силами. Вследствие этого некоторые положения советской теории воинского обучения и воспитания утратили свою силу, а другие нуждаются в уточнении, корректировке. Но есть и такие, которые остаются актуальными. Эти обстоятельства стимулировали решение двух взаимосвязанных проблем. Во-первых, уточнения, обоснования и совершенствования общих основ теории воинского обучения и воспитания: ее предмета, задач исследования, методологических основ, системы категорий, закономерностей, принципов, методов учебно-воспитательной работы, характера связей с другими частями военной и других наук. Во-вторых, изучения и обобщения опыта воинского обучения и воспитания с одновременным обобщением практической деятельности соответствующих органов военного управления, начальников и командиров всех уровней.

К сожалению, решение этих проблем осуществляется не так эффективно, как хотелось бы. Особенно сложным и противоречивым оказалось положение в сфере учебно-воспитательного процесса и, соответственно, в теории воспитания. Причины тому заключены в общем духовном кризисе, поразившем нынешнюю Россию, в смене идейно-политических установок в обществе и Вооруженных Силах, в сломе старого аппарата, который занимался идейно-политическим и воинским воспитанием в войсках, а также в лихорадочных попытках создать новый, без должного теоретического обоснования. Произошла недооценка морально-психологической подготовки личного состава армии и флота, а многие военные руководители, особенно высшего звена, не поняли важности этой работы. У части руководителей сохранились прежние представления о характере и формах воинского воспитания. Нередко сохраняется и старое понимание задач, которые должны выполнять офицеры – специалисты в организации воспитательной работы, психологи, социальные работники, юристы. Им попросту не дают возможности работать по специальности, остаются невостребованными их уникальные знания и навыки. Эти и подобные им взгляды оказывают негативное влияние на формирование дееспособных структур, которые отвечают за морально-психологическое состояние личного состава армии и флота в боевых условиях и в ходе подготовки войск в мирное время. Не случайно поэтому органы воспитания реорганизовывали несколько раз без четких целей и планов.

У другой части руководящих кругов Вооруженных Сил, напро-

тив, существует отрицание прежнего опыта воспитания личного состава. Это выражается отчасти в том, что систему воздействия на сознание и психику людей называют самостоятельным видом обеспечения деятельности Вооруженных Сил в мирное и военное время по аналогии с оперативным, тыловым, техническим обеспечением деятельности армии и флота. Морально-психологическое обеспечение называют самостоятельным, интегрирующим видом, который по содержанию включает в себя многие направления и виды деятельности органов управления, должностных лиц; при этом считается, что в «технологическом» плане, как система влияния на сознание и психику личного состава, морально-психологическое обеспечение намного шире, чем воспитательная работа. В то же время признается, что в рамках воздействия на сознание и психику военного человека с целью укрепления его морально-психологической готовности должно быть и воинское воспитание, и патриотическое, и психологическая работа, работа по профилактике правонарушений, военно-социальная, культурно-досуговая работа.

Еще сложнее и противоречивее обстоит дело с содержательной частью воздействия на сознание и психику воинов как на идеологическом, так и на психологическом уровнях. На первом уровне до сих пор не выработана новая национально-государственная идеология. Пока можно говорить лишь об идеологии патриотизма, любви к Отечеству, готовности его защищать как стержне, направляющем всю воспитательную, морально-психологическую, информационную и другую подготовку войск. Идея патриотизма призвана быть ядром, основой деятельности всех воспитательных, образовательных и информационных учреждений страны независимо от их политической направленности, принадлежности к государственным, общественным или коммерческим структурам. Считается, что на базе такой идеологии и такого отношения к Вооруженным Силам, к самой идее защиты Родины можно в условиях многопартийности сплотить народ и армию, воспитать патриотов, готовых в любой момент встать на защиту России и самоотверженно отстаивать ее интересы.

Однако, несмотря на сложности и трудности, в последние годы накоплен определенный опыт по формированию теории воинского обучения и воспитания. Этому способствует улучшающаяся обстановка в Вооруженных Силах РФ и целенаправленная деятель-

ность военных теоретиков и практиков. Так, оперативная и боевая подготовка стала все более проводиться с учетом изменения направленности военных и иных угроз для России, гарантированного выполнения задач по обеспечению военной безопасности страны, новых тенденций в характере вооруженной борьбы и способов действий войск (сил), оперативного предназначения группировок войск (сил), особенностей театра военных действий и вероятного противника. Она осуществляется с максимальным приближением к условиям боевой действительности.

При подготовке органов управления обращается внимание на обучение офицеров штабов выполнению смежных специальностей и функциональных обязанностей на одну-две ступени выше занимаемой должности. Особое значение придается практической работе по организации и поддержанию взаимодействия с органами управления воинских частей и подразделений видов Вооруженных Сил, ВДВ и других войск РФ. Алгоритм обучения органов управления оперативного (оперативно-тактического) звена в обязательном порядке включает совместное обучение органов управления силовых структур РФ.

Наблюдается совершенствование форм и методов воспитания военнослужащих и морально-психологического обеспечения действий войск (сил). Это особенно важно, ибо за последнее десятилетие существенно изменился социальный портрет армии. Значительно снизился образовательный уровень молодого пополнения, поступающего на военную службу. Ухудшилось состояние физического и психологического здоровья. Возросли пацифистские и антиармейские настроения. Все большее значение приобретают религиозный и национальный факторы, рост детской безнадзорности и беспризорности, проблемы пьянства и наркомании среди молодежи. Наличный состав серьезное влияние оказывает криминальная обстановка в стране. Не прекращаются попытки проникновения организованной преступности в армейскую среду.

В рамках программы, утвержденной Президентом РФ, осуществляется переход Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов к единой системе воинского воспитания. Основное внимание при этом уделяется реализации государственных мер по поддержанию морально-психологического состояния военнослужащих на уровне, отвечающем современным требованиям обеспечения военной безопасности страны. В этой связи на базе

отечественных и зарубежных разработок предстоит выработать и реализовать меры по усилению морально-психологической подготовки личного состава для ведения современной вооруженной борьбы. С этой целью осуществляется цикл научно-исследовательских работ и ряда специальных проектов.

В новых условиях и во многом по-новому осуществляются теоретические решения и других слагаемых военной науки и ее отдельных проблем. Достигнуты определенные результаты в совершенствовании применительно к новым условиям теории вооружения, теории видов и тыла Вооруженных Сил, а также в разработке современных теоретико-методологических подходов к подготовке военных кадров, организации и ведении военно-научной работы.

Непреложным остается факт, что преодоление кризиса в развитии отечественной военной науки непосредственно связано с разработкой ее методологии, адекватной современным материальным и духовным реалиям. Она (разработка) осуществляется не отбрасыванием прежней методологии, а путем усвоения всего положительного, рационального, что содержится в ней, и обогащения новыми методологическими положениями и принципами.

Отказ от марксизма-ленинизма как господствующей государственной идеологии не означает одновременного отказа от диалектико-материалистической методологии в полном объеме. Основные ее философские и социологические положения и принципы не опровергнуты историей, временем. В методологии продолжают функционировать общенаучные методы и принципы, а на их основе и вместе с ними и частные специальные методы. Однако некоторые положения марксизма, используемые ранее в качестве методологических, перестали соответствовать новым условиям. Так бывает в истории со всеми философскими учениями и школами. К тому же прежняя методология не имела в своем содержании некоторых положений, принципов, приемов исследования и объяснения человеческого измерения и субъективного фактора военного дела, выработанных другими философскими, социологическими и историческими школами. Марксистская методология была больше ориентирована на анализ объективной стороны военного дела, военной практики, что нередко отрицательно сказывалось на решении военно-теоретических проблем.

Следовательно, новая современная методология военной науки не может и не должна быть основана на одном каком-либо фило-

софском направлении, на одной социологической и иной теории. Во всех своих составных частях ее исходные положения, принципы, подходы и методы должны быть такими, чтобы на их основе и с их помощью можно эффективно решать задачи военной науки. Современная методология должна быть многофакторной, включать в себя различные подходы и принципы исследования и объяснения военного дела таким образом, чтобы они дополняли друг друга и все вместе являли собой единый методологический комплекс. Тогда возможно будет более уверенно отыскивать истину.

Так обстоит дело с отношением к методологии в целом. Что же касается ее важнейших положений и принципов, выработанных в рамках марксистской методологии, то можно утверждать, что многие из них выдержали проверку временем и не потеряли своего значения и в наши дни. Вместе с тем некоторые из них оказались либо абсолютизированными, либо упрощенными, либо догматизированными. Но это не вина марксизма, его философии и методологии, а вина тех, кто это сделал, и тех, кто неумело их применял в военной науке. Не марксизм виновен в том, что он был превращен в официальную идеологию и методологию, стал обязательным и единственным методологическим средством. И не марксизм виноват в том, что он оказался и канонизированным, и извращенным во многих отношениях.

Остается верным прежнее положение о том, что методология науки не предназначена для того, чтобы все объяснить, а представляет собой научный прием объяснения, в частности, военного дела на основе материалистически понятых законов диалектики – единства и борьбы противоположностей, взаимного перехода количества в качество, отрицания отрицания, а также категорий причины и следствия, сущности и явления, содержания и формы, необходимости и случайности, возможности и действительности и др.

Диалектико-материалистический метод позволяет объективно исследовать процессы развития военного дела своей и других фрстран, вскрывать его закономерности, выявлять значение теоретических знаний для военной практики. Особо важное методологическое значение для военного дела имеет его материалистическое объяснение, поскольку оно указывает на то, как надо подходить к открытию причин социальных явлений, их пониманию и объяснению. Здесь в первую очередь имеются в виду теоретические положения о сущности и происхождении войны и армии, природе на-

силия, об общих принципах организации вооруженных сил, о защите государства, его интересов и др.

Остается незыблемым для военной науки методологический принцип историзма, который требует каждое положение рассматривать в связи с другими и конкретным опытом истории. Таким же является методологическое требование органичного сочетания историзма с объективностью при изучении и объяснении явлений и процессов военного дела.

Не устарели и не утратили своего значения для военной науки общенаучные методы, взятые в единстве, позволяющие описывать и объяснять факты, события и процессы военной практики, а также извлекать уроки, в том числе философские, из нее; методы анализа и синтеза, сравнения, абстрагирования, обобщения, такие формы, средства и приемы, как индукция, дедукция и аналогия, единство теории и практики. И это далеко не полный перечень положений, принципов, методов, которые находятся в арсенале методологии военной науки и не утратили значения в новых условиях.

Вместе с тем некоторые положения и принципы прежней методологии оказались не безупречными. Например, принцип партийности, который обязывал напрямую связывать классовый, партийный подход и объективную истину, что не является логичным. Не подтвердилась и непосредственная связь принципов классовости, партийности и объективности. И все же классовый, партийный подход на определенном историческом этапе сыграл свою позитивную роль в военной науке. Но со временем он стал играть все более отрицательную роль. Тем не менее классовый подход правомерен, когда он соотносится с другими подходами, в частности с общечеловеческими интересами и потребностями, требованиями морали и нравственности.

Подчеркивая правомерность материалистического понимания военного дела, его теории и практики, следует все же обратить внимание на следующее: теория общественно-экономических формаций длительное время однозначно применялась при анализе истории войн, способов и форм их ведения, истории армии и т. д. И это не вызывало возражений. Однако оказалось, что формационная теория не может быть в полной мере эффективной во всех случаях, в первую очередь в переходных процессах, столь характерных для многих эпох древней истории, Средних веков, а также Нового и Новейшего времени. Для их понимания обнаружилась достаточно

высокая продуктивность цивилизационного подхода. Люди, оказавшиеся в экстремальной ситуации, какой являются война и вооруженная борьба, ведут себя не адекватно требованиям законов производства и даже требованиям политики, а прежде всего в зависимости от своего мировоззрения, нравственных установок, восприятия мира, которые заложены культурой в их сознание, их психического состояния, определяемого национальными, культурными, религиозными традициями, стереотипами поведения, страхами и надеждами, а нередко и иррациональным мышлением. И это неизбежно накладывает отпечаток на поступки людей, их реакцию в ходе вооруженной борьбы и тем самым оказывает воздействие на ее последствия.

К тому же в мировом процессе военное дело в отдельных странах развивается неравномерно и несинхронно. В одних оно уходит далеко вперед, в других заметно отстает, а в-третьих находится в зачаточном состоянии. Это стало особенно заметно в XX в. При этом действует другая тенденция – процесс все большего взаимодействия, взаимовлияния военного дела разных стран не только в отдельных регионах, но и в глобальном масштабе. Взаимодействие военного дела разных стран четко обнаруживается в вооруженных конфликтах в странах третьего мира, где затрагиваются интересы многих государств, принадлежащих к различным социальным системам.

Наконец, цивилизационный подход крайне важен при оценке военного опыта отдельных стран, военно-политических блоков с точки зрения его применимости к другим странам и вооруженным конфликтам.

Рассмотренные ранее примеры показывают, что для объективного отражения и познания военного дела военная наука не может замыкаться в рамках одного какого-либо учения или одной методологической посылки, одного методологического подхода. В исследованиях в области военной теории необходимо опираться на весь арсенал общественной мысли, умело сочетать и использовать различные направления, подходы и методы, начиная с общепризнанных и кончая теми, которые еще малоизвестны, но оригинальны и продуктивны своими приемами.

Иными словами, военно-теоретическое познание не может осуществляться в угоду какой-либо идеологии, хотя и плюрализм – не гарантия установления истины. В современной методологии во-

енной науки могут и должны присутствовать и взаимодействовать как прежние методологические принципы, нормы, подходы, оправдавшие себя, так и новые, имеющиеся в других философских, политических и иных учениях, теориях, школах. В научный оборот необходимо вводить теоретические и методологические положения тех военных мыслителей прошлого, которые почему-либо оказались забытыми, но у которых есть оригинальные и рациональные теоретические и методологические выводы и положения. Однако делать это следует продуманно, с учетом исторических ценностей современности. Это принесет большую пользу военной науке.

Важный методологический аспект имеет взаимосвязь (взаимодействие) военной науки с другими науками – общественными, гуманитарными, естественными, историческими.

Характер взаимосвязи между военной и военно-исторической науками диалектический, а не субординационный, как многие считали прежде. Взаимосвязь, взаимодействие этих наук закономерны, необходимы и своеобразны. Обе они исследуют войну и армию, опираются на общую мировоззренческую и методологическую основу, служат одному делу – вооруженной защите Родины, являются фактором военно-патриотического воспитания народа, средством поддержания мощи Вооруженных Сил на необходимом уровне.

Военная история и военная наука решают во многом совпадающие задачи. Специфика их состоит в том, что военная история исследует существенные связи, характеризующие войну и армию генетически, в хронологическом развитии, а военная наука – структурные и функциональные. Поэтому каждая из этих относительно самостоятельных наук выражает различные методы познания – исторический и теоретический. Если в историческом исследовании теория «присутствует» и как исходный пункт, и как основа, и как результат, то в теоретических работах история используется как исходный материал и основа теоретических выводов и как объект непосредственного изучения. Это означает, что военная наука и военная история органически связаны друг с другом, но не теряют при этом своей самостоятельности. В то же время военно-историческая и военная науки являются сторонами единой системы знаний и как таковые входят в совокупную науку. В перспективе, когда исчезнут как войны, так и военное насилие вообще, военная наука как особая отрасль знаний отомрет, а военно-историческая наука, несомненно, останется. Военная наука войдет в науку исто-

рии и будет изучаться с той же целью, с какой в настоящее время изучается история прошлого. Пока же существуют войны и военное насилие, военная наука имеет жизненно важное значение и должна развиваться в диалектическом взаимодействии с военно-исторической наукой.

Что касается всей совокупности общественных, гуманитарных, естественных, математических наук, то их связь с военной наукой осуществляется как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях в интересах военной практики. Через них обеспечивается включение достижений современного социального и научно-технического прогресса во все области военного дела и, конечно, в военную науку, что стимулирует ее развитие и совершенствует.

Особое значение имеют взаимосвязи военной науки со всем комплексом наук в обеспечении вооруженной борьбы как решающего фактора войны. Соответствующие теории военной науки, с одной стороны, используют отдельные положения, выводы других наук, которые участвуют в теоретическом обеспечении невоенных форм борьбы с противником. С другой стороны, военная наука «поставляет» невоенным наукам исходные положения, опираясь на которые они разрабатывают невоенные пути действий в интересах вооруженной борьбы, достижения победы в войне.

Тесная взаимосвязь существует между военной наукой и политикой, в том числе военной, и военной доктриной. Она определяется в первую очередь природой, характером последних и их направленностью. Эффективность этой взаимосвязи во многом зависит от уровня развития самой военной науки. Ведущая роль в этом процессе принадлежит политике и военной доктрине (следовательно, и высшему политическому и военному руководству страны, которое их вырабатывает и проводит в жизнь). Чем больше в них будут «присутствовать» достижения военной и других наук, тем более они будут научными и тем эффективнее должно быть их воздействие на военную практику.

Особо важным направлением преодоления кризисного состояния военной науки, ее дальнейшего развития является решение вопросов о ее предмете и функциях, законах и принципах и некоторых других, относящихся к системе теорий науки.

Прежде всего преодолевается отождествление объекта и предмета военной науки, которое, к сожалению, еще до конца не осознано. В ряде публикаций в периодической печати и даже в некото-

рых учебниках и учебных пособиях говорится, что «объектом и предметом данной науки являются соответственно война и вооруженная борьба». Между тем дело с определением объекта и предмета военной науки обстоит значительно сложнее. Если относительно объекта военной науки наблюдается совпадение взглядов и представлений, то в определении ее предмета положение неоднозначное. Так, во втором томе второго издания «Военной энциклопедии» говорится: «Военная наука исследует проблемы вооруженной борьбы с учетом зависимости ее хода и исхода от соотношения экономических, морально-политических, научно-технических и военных возможностей воюющих сторон, ее формы, способы подготовки и ведения в стратегическом, оперативном и тактическом масштабах; состав, организацию и техническое оснащение ВС; проблемы воинского обучения и воспитания, подготовки населения и мобилизационных ресурсов к войне; содержание, формы и методы управления (руководства) войсками (силами) в мирное время; взаимосвязь войны и вооруженной борьбы с политикой и экономикой, а также их влияние на политическое и экономическое обеспечение строительства, подготовки и боевого применения ВС»[245]. В труде, изданном Военной академией Генерального штаба, утверждается, что военная наука – это «система знаний о военно-стратегическом характере войны, путях ее предотвращения, подготовке вооруженных сил и страны к отражению агрессии, закономерностях, принципах и способах вооруженной борьбы в защиту нашего государства»[246]. Генерал армии М. А. Гареев пишет: «Современная военная наука представляет собой систему знаний о законах и военно-стратегическом характере войны, путях ее предотвращения, строительстве и подготовке вооруженных сил и страны к войне, способах ведения вооруженной борьбы»[247]. Некоторые исследователи полагают, что «военная наука – это система знаний о характере и законах войны, основах военного строительства, путях обеспечения военной безопасности государства и подготовки вооруженных сил к вооруженной борьбе, формах и способах ее ведения»[248]. По мнению генерал-майора Б. Сингаевского, «военная наука – сфера человеческой (другой вариант – область исследова-

---

[245] Военная энциклопедия. – М., 1994. – Т. 2. – С. 130.
[246] Военная наука: Теоретический труд. – М., 1992. – С. 35.
[247] Военная мысль. – 1994. – № 8. – С. 47.
[248] Военная мысль. – 1994. – № 9. – С. 39.

тельской) деятельности, направленная на познание свойств, отношений, принципов, закономерностей и законов явлений, процессов и предметов войн и военного дела»[249]. Генерал-майор М. Борчев считает, что военная наука – это «система знаний о характере, подготовке и ведении вооруженной борьбы, опирающаяся на достижения военно-научной мысли, признанные определенным научным сообществом как основа для дальнейшей практической деятельности»[250]. Есть и другие определения военной науки, но они мало чем отличаются от названных.

Все они свидетельствуют, во-первых, о том, что объект военной науки понимается однозначно. Это – война и военная практика (в том числе и в мирное время, а также в процессе перехода от мира к войне и наоборот). Во-вторых, отражают объективный процесс расширения предмета военной науки, что вызывает формирование в ее теоретической системе новых теорий: военной безопасности, стратегической стабильности, военной мощи государства, контртеррористических и миротворческих операций и др. В-третьих, правомерно утверждение о том, что военная наука в ее классическом виде (изучающая связи, отношения, законы и принципы ведения вооруженной борьбы) уже не может в полной мере отвечать требованиям современности. Но на ее основе идет процесс формирования «большой» военной науки, или мегавоенной науки, в которой можно выделить три уровня.

Первый, наиболее общий, имеет своим объектом отношения мир – война с их материальными и духовными составляющими, а также военную силу во всех измерениях. Предметом ее следует рассматривать внутренние, необходимые, существенные связи общества в условиях мира и войны, складывающиеся в результате диалектического взаимодействия военной силы с политикой, экономикой, наукой, мыслью, духом и др., а также законы, определяющие мирное сосуществование, противостояние и противоборство как в мирное время, так и в ходе войны. Важные составные элементы такой военной науки уже имеются в учении о войне и армии (сущность и характер войны, ее причины и условия возникновения, военная мощь государства как единство экономических, социальных, политических, научных, духовных и некоторых других потен-

[249] Военная мысль. – 1993. – № 9. – С. 32.
[250] Военная мысль. – 1993. – № 12. – С. 41.

циалов, происхождение и природа вооруженных сил и др.), а также в теории конфликтов, геополитике и в некоторых других сферах научного знания. Задача состоит в том, чтобы определенным образом структурировать существующие элементы и привести их в систему теоретических знаний.

Второй уровень общей, интегрированной военной науки представляет ее традиционная форма, которая нуждается в иной систематизации в связи с новыми тенденциями в сфере материальных средств военного дела и вооруженной борьбы различных масштабов и характера.

Третий уровень складывается из таких частных теорий и научных дисциплин, как теории военно-морского искусства, артиллерии, военно-воздушных сил и др.

Названные уровни «большой» военной науки диалектически между собою связаны как общее, особенное и единичное. Их единство в цельности интегрированной науки – важнейший итог предшествующего развития военно-теоретических знаний, результат их дифференциации и интеграции.

Представляя собой единую теоретическую систему, отечественная военная наука начала нового века отражает военно-политическую и военно-стратегическую стороны существования государств в условиях мира и войны во взаимосвязи с материальными и духовными факторами, геополитическими, геостратегическими, географическими, метеорологическими и иными условиями и обстоятельствами. Важное место в этой системе занимают теоретические положения и выводы о подготовке к войне, ее ведении, вооруженной борьбе, принципах и правилах ее ведения, путях и средствах достижения победы в отдельных актах вооруженной борьбы и в войне в целом. Военная наука своими средствами все больше участвует в решении проблемы предотвращения вооруженных конфликтов и войн; она исследует также проблемы военного строительства, в первую очередь вопросы организации вооруженных сил, их обучения и воспитания, управления ими в боевой обстановке и мирных условиях.

В военной науке различаются два уровня познания – эмпирический и теоретический. На эмпирическом уровне посредством наблюдения, измерения и эксперимента (например, обучение войск, тренировки и т. п.) изучаемые явления, процессы, их свойства и связи фиксируются, классифицируются, отображаются в рекомен-

дациях, правилах, принципах.

На теоретическом уровне происходит дальнейшее опосредование предмета познания. Здесь осуществляется анализ эмпирического материала (данных), раскрывается сущность изучаемых явлений, процессов, их свойств, связей.

Основными формами теоретического отражения реальности являются категории, научные законы, принципы и правила, научные теории, концепции и гипотезы. Результаты такого отражения содержатся как в научных трудах, так и в наставлениях и уставах, приказах и директивах военных органов управления.

Категории, законы и принципы являются важнейшими логическими элементами содержания и структуры военной науки, как и любой иной. Они во многом определяют статус науки, степень ее зрелости и развития. В теории и практике они выполняют различные функции, будучи логически взаимосвязанными между собой. При этом степень их теоретического обобщения как отражения образа предметов и свойств объективного мира различная. В ряде однородных понятий они находятся в отношениях смыслового подчинения, субординации. Понятие с большим объемом называется подчиняющим, родовым, а подчиненное, объем которого входит в родовое, – видовым. Понятие с максимальным обобщением называется категорией. Философские категории являются результатом наивысшего предела обобщения.

Применительно к военной науке это, например, означает, что понятие «бой» обобщает все многообразие боевых действий подразделений, частей, кораблей, соединений на суше, море и в воздухе. По отношению к нему понятие «сражение» обладает большим объемом и является подчиняющим, родовым. Следующими ступенями обобщения и образования понятий с увеличивающимся объемом являются: «корпусная операция», «армейская операция», «фронтовая операция», «операция на театре военных действий», «стратегическая операция» и, наконец, «стратегические действия вооруженных сил». Понятие «вооруженная борьба» является пределом обобщения форм военных действий всех масштабов, т. е. категорией военной науки в целом.

Вместе с тем военная наука представляет собой совокупность частных теорий. Каждой из них свойственны общие и специфические понятия, в том числе с наивысшим пределом обобщения, – категории. Скажем, в рамках теории и практики оперативного ис-

кусства понятие «фронтовая операция» является категорией, несмотря на то что ее объем полностью входит в «операцию на театре». Сказанное в полной мере относится и к другим ранее названным понятиям. В системе категорий военной науки они обладают свойством рода и вида, находятся в родо-видовых отношениях. Категория «война» выступает как видовое понятие по отношению к категории «военно-политическое насилие» и одновременно как родовое к категории «вооруженная борьба». В свою очередь, категория «вооруженная борьба» является родовым понятием по отношению к категориям «операция всех масштабов», «военные действия», «сражение», «бой».

Характер категорий военной науки определяется ее объектом и предметом исследования, содержанием, структурой, местом в системе научных знаний, масштабами использования категорий других наук.

Особо важное значение для военной науки имеют категории социальных наук. Они являются опорными, родовыми для многих специфических категорий военной науки и справедливо рассматриваются ею как свои собственные. Среди них – «война», «армия», «вооруженные силы», «безопасность», «военная мощь», «оборонный потенциал» государства, «военная теория», «военная доктрина», «военная политика», «военное строительство» и др.

Собственные категории военной науки представляют собой фундаментальные понятия, отражающие наиболее общие, существенные предметы и процессы, свойства и отношения военной действительности. Процесс их образования непрерывный и весьма длительный.

В настоящее время принято различать общие и частные категории. Общие категории имеют отношение ко всем отраслям военных знаний. Они разрабатываются в основном общей теорией военной науки. Главные из них – «вооруженные силы» и «вооруженная борьба». С ними прямо или косвенно связаны все остальные общие категории: «вид вооруженных сил», «род войск», «специальные войска», «боевая мощь», «боеспособность», «боевая готовность», «военные действия», «оборона», «наступление», «контрнаступление» и др.

Частные категории формируются в составных частях – частных теориях военной науки. Так, теория военного искусства имеет свои категории: «стратегическое развертывание», «стратегическая

группировка», «оперативное построение», «боевой порядок» и др.

Во второй половине XX в. появился ряд новых категорий: «ядерная война», «ядерные силы», «ядерный удар», «радиоэлектронная борьба», «военно-стратегический паритет», «неприемлемый ущерб», «оборонная достаточность» и др. В то же время наполняются новым содержанием и такие, например, понятия, как «операция», «бой», «маневр», «удар», «оборона», «наступление».

Категории военной науки выполняют важные познавательные функции: помогают систематизировать, углублять и развивать военные знания, обеспечивать им научную обоснованность, выступать в качестве своеобразных инструментов военного исследования. Они образуют логический каркас военно-теоретической мысли, обеспечивают процессы общения, обмена научной информацией, представляют собой более или менее точное отражение в сознании людей тех объективных законов, которые существуют и действуют в военной действительности. В отличие от законов и закономерностей природы, они проявляются только через деятельность людей, неся на себе печать субъективного фактора.

Выявление и познание законов и закономерностей прошло длительный путь. В последние полвека разработано несколько систем законов войны и вооруженной борьбы. Наиболее общепринятой является система законов войны, представленная в четвертом томе «Военной энциклопедии»[251]. В ней рассмотрены несколько групп законов возникновения, хода и исхода войны. В их числе: первая – законы, инициирующие войну, парализующие действия антивоенных сил, приводящие к попыткам разрешить межгосударственные или внутригосударственные противоречия военными средствами; вторая – законы, выражающие соотношение материальных, духовных сил, которые воюющие стороны могут выделить из своей совокупной мощи, противопоставить друг другу и использовать для достижения целей войны; третья – о материальных и духовных силах и средствах воюющих сторон, факторах, которые действуют в основных сферах общественной жизни (экономической, политической, социальной, духовной); четвертая – закономерные связи между войной и природно-естественными факторами ее ведения; пятая – факторы, наличие и функционирование которых обнаруживается и является необходимым условием успеха во всех

[251] См.: Военная энциклопедия. – М., 1995. – Т. 4. – С. 220–221.

видах противоборства в войне. Относительно самостоятельное место в этой системе занимают законы вооруженной борьбы, которые имеют подсистемный характер и образуют несколько групп.

Не рассматривая всю систему законов войны и всю подсистему законов вооруженной борьбы, отметим механизм их воздействия на то и другое. Анализ войн разных эпох показывает, что, например, воздействие закона определяющей роли политики распространяется на все наиболее существенные стороны войны, поскольку от политических целей зависят степень использования насильственных средств государства, масштабы (размах, продолжительность) и ожесточенность вооруженной борьбы, характер жизни государства во время войны. Политика определяет главного и других противников, применяемые в войне силы и средства, время и порядок ввода их в сражение, напряженность и длительность стратегических действий, их конечные результаты и задачи послевоенного устройства. Политика обусловливает войну не только как целое, но и ее разные стороны: цели, средства, масштабы, способы действий на всех уровнях.

Способ ведения войны, ее ход и исход обусловливаются экономическими возможностями государства, т. е. его экономической политикой. Механизм влияния этого закона на ход и исход войны проявляется прежде всего в содержании политических и стратегических целей войны. Они должны соответствовать экономическим возможностям и экономическим интересам государства.

Влияние рассматриваемого закона проявляется также в непрерывном количественном и качественном изменении средств вооруженной борьбы, росте боевых возможностей вооруженных сил, изменении их оргструктуры, совершенствовании старых и возникновении новых форм и способов стратегических действий, порядке их подготовки и ведения. Этот закон весьма умело использовался советским руководством в годы Великой Отечественной войны.

Аналогично воздействуют на ход и исход войны законы, определяющие ее зависимость от соотношения военного и духовного, научно-технического потенциалов сторон.

Закономерности, присущие вооруженной борьбе, тесно связаны с общими законами войны, конкретизируют их. Вместе с тем им присущи свои особенности, содержание и форма. Так, успех вооруженной борьбы определяется субординацией и согласованностью целей, задач, средств и способов действий на уровнях стратегии,

оперативного искусства и тактики. Универсальный характер имеет закономерность, согласно которой количество и качество оружия, техники, личного состава обусловливают способы военных действий и их эффективность. Механизм воздействия проявляется в том, что изобретение новых видов и систем оружия и их внедрение в вооруженные силы неизбежно приводят к возникновению новых форм и способов военных действий. Красноречивым подтверждением этого является революционизирующее влияние изобретения пороха, самолетов, танков, ракетно-ядерного оружия, атомных ракетных подводных лодок, космических средств и других видов оружия. При этом коренные изменения в формах и способах военных действий происходят тогда, когда новое оружие внедрено в армию и на флот в массовом масштабе, когда накоплен определенный опыт его боевого применения.

Закономерна зависимость между целями, с одной стороны, и имеющимися средствами, возможностями – с другой. Опыт свидетельствует, что постановка чрезмерных задач, как и занижение возможностей, имеют одинаково отрицательные последствия. Отсюда эффективность военных действий обусловливается соразмерностью между целями, задачами и применяемыми силами, средствами с учетом противодействия противника.

К другим законам и закономерностям военной науки, отражающим зависимость хода и исхода вооруженной борьбы от качественного и количественного соотношения сил противоборствующих сторон, относятся: неравномерность распределения войск, сил по фронту и глубине; единство военных действий по времени и пространству; соотношение уровня боевой готовности войск, сил сторон.

Специфические закономерности действий существуют в области военного строительства, сферах обучения и воспитания и других.

Первым шагом на пути к реализации законов является выведение, формулирование принципов, которыми руководствуются военные кадры.

Принципы – это общие, научно обоснованные положения, правила, рекомендации для практической деятельности по подготовке страны и вооруженных сил к отражению агрессии, подготовке и ведению военных действий, руководству войсками, силами. Принципы вырабатываются на основе опыта войн, подготовки страны и

вооруженных сил к отражению агрессии и, главным образом, на базе объективных законов и закономерностей. Принцип близок по своему содержанию к понятиям «закон» и «закономерность». Их общность состоит в том, что все они отражают существенные, необходимые, повторяющиеся связи, отношения действительности. Однако принцип не только отражает объективную связь, но и нацеливает, как следует поступать, действовать в конкретных условиях для достижения той или иной цели. В нем выражается единство объективного и субъективного.

Военная наука руководствуется прежде всего теми принципами, которые вытекают из законов материалистической диалектики, общих законов, закономерностей социального развития. Вместе с тем она вырабатывает свои специфические принципы, выражающие главным образом закономерности вооруженной борьбы, строительства вооруженных сил.

Например, основополагающий принцип военной науки – соответствие (подчиненность) стратегических целей и задач политическим целям войны – вытекает из закона определяющей роли политики, ее решающего влияния на вооруженную борьбу и войну в целом.

Общеизвестен принцип военной науки об обязательном сосредоточении сил в решающем месте и в решающий момент. Этот принцип является отражением объективного закона неравномерности распределения войск, сил по фронту и глубине. Он умело применялся в кампаниях и операциях Великой Отечественной войны и сохраняет свое значение в современных условиях. Однако его содержание стало более емким, а практическое применение – более сложным.

Конкретное содержание других принципов раскрывается в соответствующих разделах военной науки. Здесь же отметим: нередко принципы формируются под воздействием опыта, еще до познания лежащих в их основе законов и закономерностей. При этом в одних случаях принцип может быть обусловлен рядом закономерностей, а в других – одним законом; из одной закономерности может вытекать несколько принципов. Например, принцип совместного применения видов вооруженных сил, родов войск, сил, специальных войск в их тесном взаимодействии выражает существо закона единства военных действий по времени и пространству, а принцип постоянной высокой боевой готовности во-

оруженных сил вытекает из ряда законов, закономерностей вооруженной борьбы.

Важно учитывать, что закономерности и принципы не являются вечными и неизменными. Они развиваются, изменяются и уточняются вместе с развитием военного дела. На определенных этапах некоторые принципы приобретают первостепенное значение. Например, в настоящее время особая роль принадлежит принципам военно-стратегического паритета, оборонной достаточности, приоритета качественных параметров во всех элементах оборонного потенциала.

Законы, закономерности войны, вооруженной борьбы сами по себе не предопределяют победу той или иной стороны. Каждая сторона может их познать и использовать для достижения успеха с большей или меньшей вероятностью. Все будет определяться возможностью реализации в конкретных условиях таких взаимосвязанных зависимостей, как своевременное вскрытие замысла и планов противника, умелый выбор направлений главного и других ударов, создание выгодных группировок, степень обученности войск, принятие своевременного оптимального решения, рациональное планирование, тщательная организация всестороннего обеспечения, своевременное нанесение ударов, искусство управления войсками, силами и др.

Вырабатываемые наукой принципы закрепляются в уставных и других документах армии и флота, конкретных оперативных и технических нормативах для регламентации и целенаправленности практической деятельности военных кадров. В интересах эффективной реализации требований принципов разрабатываются расчетные методики, которые применяются при выработке решений, планировании операции, боя, управлении войсками, силами.

Отмечая необходимость дальнейшего совершенствования военной науки, развития ее основных положений, теорий, следует подчеркнуть, что все это зависит от ряда объективных и субъективных обстоятельств. В том числе от организации научных исследований, управления военной наукой, что, в свою очередь, обязывает постоянно заботиться о подготовке военных кадров, в частности военных исследователей и теоретиков.

Потенциал отечественной военной науки, несмотря на кризисные явления, сохранился на сравнительно высоком уровне, и при наличии определенных условий он может быть реализован доста-

точно эффективно. Однако военная наука еще не дала ответов на многие вопросы прогностического характера. Например, не до конца решена проблема характера вооруженной борьбы будущего, облика перспективной структуры Вооруженных Сил РФ, форм и способов их применения, в том числе с учетом асимметричных мер, и др. Эти и многие другие вопросы военная наука должна разрешать оперативно и качественно, ставить на повестку дня вопросы глубинного характера, связанные с обороной страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая все сказанное, отметим отдельные наиболее значимые тенденции развития отечественной философской мысли.

Формирование, становление и развитие военной мысли, как и практики военного дела, шло в России во многом особым, самобытным путем с критическим учетом мирового, прежде всего западноевропейского, опыта, когда русскому народу приходилось вести частые войны за свободу и независимость своей страны, за достижение и в защиту ее национальных интересов. Процесс этот не всегда был поступательным: в нем имели место и взлеты, и движение вспять, возврат к устаревшим теориям, и застойные, кризисные явления. Закономерность такого сложного и противоречивого характера процесса объясняется тем, что протекал он вместе с реальным развитием Российского государства, с присущими ему общественными отношениями, отражая все его противоречия.

Военные знания в России возникли и развивались одновременно с образованием и развитием русской государственности и были адекватным ответом на многочисленные военные угрозы, нашествия и войны. Сначала они отражали борьбу с Византией, Хазарским каганатом, кочевыми племенами, а позже противодействие татаро-монгольским ордам и захватническим военным походам западных стран (Литвы, Польши, Пруссии, Швеции).

В период феодальной раздробленности (XII–XIV вв.) удельные самостоятельные княжества, оказавшиеся к тому же под гнетом монголо-татарских завоевателей, утратили ранее достигнутое в военном деле. Добиваясь лишь собственного возвышения, правители отдельных княжеств беспокоились прежде всего о своих сугубо личных, региональных интересах, не заботясь о национальных, общерусских проблемах, в частности, выживании и безопасности.

XIV–XVII вв. стали периодом накопления организационного и боевого опыта, ознакомления с военной теорией и практикой западноевропейских государств, появления в стране новых элементов военной системы, временем зарождения военной науки. Предпосылки последней возникли из потребности обучать и воспитывать русских ратных людей все более усложнявшейся в то время технике военного дела. С учетом существовавшей уже и тогда преемст-

венности в его развитии эти предпосылки имели большую ценность для последующей эволюции военно-теоретической мысли, формирования ее в относительно самостоятельную область научных знаний.

Исторический промежуток от завершения XVII – до начала XX в. занимает в истории становления и укрепления российской государственности особое место. В этот период Россия прошла поистине гигантский путь развития. Из периферийного, еще не полностью преодолевшего последствия Смутного времени, отсталого в экономическом и культурном развитии, относительно слабого в военном отношении патриархального государства – Московской Руси – она уже в первой четверти XVIII столетия трудами Петра I и его сподвижников, ценою колоссального напряжения всех материальных и духовных сил населяющих страну народов, прежде всего русского, превратилась в могущественную, европеизированную державу – Российскую империю, занявшую к концу века доминирующее положение на международной арене. Без ее участия отныне не решался ни один сколько-нибудь важный вопрос мировой политики.

В Новейшее время военная теория, военная наука развивались на двух противоположных социально-политических, мировоззренческих и идеологических основах. Это, в свою очередь, предопределило наличие существенных различий в военной теории стран Запада и Советского Союза. Критерием истинности ее положений стала Вторая мировая война 1939–1945 гг. В ней были доказаны правильность и передовой характер важнейших положений военной теории Советского Союза – государства победителя. Вместе с тем война вскрыла известную ограниченность основных положений военной теории других стран-победительниц – США, Англии и Франции, а также авантюристический характер общих положений и принципов военной теории побежденных стран – фашистской Германии и милитаристской Японии.

После Великой Отечественной войны под влиянием радикальных и всеохватывающих изменений в политике, экономике, технике, а следовательно, и в военном деле, советская военная школа прошла в своем развитии сложный и довольно противоречивый путь. В связи с реорганизацией и модернизацией армии и флота, проведением технического обновления всех родов войск, создания реактивной авиации и войск ПВО страны потребовался поиск не-

традиционных решений в формах и способах военных действий.

В военно-техническом плане гонка вооружений вступила в стадию острого состязания новых военных технологий, особое место среди которых заняло ***ракетно-ядерное оружие*** и последовавшее затем массовое оснащение им всех видов Вооруженных Сил. Соответственно, потребовались перестройка организационных структур войск и сил флота, разработка новой стратегии, оперативного искусства и тактики.

Никогда еще научно-технический прогресс в 1960–1980-х годах прошлого столетия, а именно, достижения в области ядерной физики, оптике, физике твердого тела, радиофизике, электронной технике, математике, кибернетике и других научных отраслях, не приводил к столь крупным сдвигам в военном деле. Главным видом военных действий считалось наступление. Лишь с середины 80-х годов прошлого века стали допускать возможность перехода к стратегической обороне. С учетом боевого опыта применения группировок войск в Корее, на Ближнем Востоке, Вьетнаме и особенно в Афганистане была разработана ***теория ведения локальных войн.***

В целом, характеризуя развитие военной школы в советский период, можно отметить, что она вышла на передовые рубежи в мире. Однако с течением времени проявились и негативные факторы – данная школа все больше стала отгораживаться от зарубежного военного опыта, происходила переоценка опыта Великой Отечественной войны. Кроме того, при проведении учений, особенно тактического масштаба, нередко превалировал схематизм. На страницах военной печати все реже стали проводиться дискуссии по актуальным вопросам военной теории и практики, отчетливо стало проявляться отставание во внедрении в систему управления войсками и оружием автоматизированных систем, а в практику обучения войск – компьютерной техники.

Новый крутой поворот в отечественной военной школе произошел в 90-х годах прошлого столетия, аналог которому трудно найти в современной истории. Способствовали этому прежде всего военно-политические факторы внутреннего и международного характера. В очень короткое время были ниспровергнуты многие стратегические ценности в системе оборонных задач, достигнутые в советский период, в том числе и за годы Великой Отечественной войны. Военную школу Вооруженных Сил РФ пришлось воссоздавать под воздействием сложного комплекса разнообразных объективных и субъективных обстоятельств, среди которых определяющее значение имеют политические, экономические, социальные, военно-технические, правовые, национально-этнические и военно-географические. Сузившаяся военно-экономическая база России обусловила резкое сокращение Вооруженных Сил, необходимость коренного пересмотра принципов военного строительства, переоценку объема, масштабов военных задач, переориентировку многих основополагающих военно-стратегических концепций. В связи с продвижением НАТО на Восток существенно изменилось и внешнее окружение России.

Поменявшиеся военно-политические и социально-экономические условия выдвинули ряд новых требований перед военной школой ВС РФ. Прежде всего она должна быть ***инновационной,*** формировать новую систему взглядов на формы и способы ведения вооруженной борьбы с применением нано-, био-, передовых информационных технологий, внедрение которых в военную сферу позволит повысить боевые возможности войсковых формирований не только за счет огневых, ударных и маневренных качеств, но и за счет сокращения цикла боевого управления, разведки и поражения. **Военная школа должна подниматься в своем развитии на качественно новый уровень, опираясь на долгосрочные ориентиры военного строительства, выработанные военной наукой.** Это позволит ей не только шагать в ногу с научно-техническим прогрессом, но и опережать его.

Потенциал отечественной военной науки, несмотря на кризисные явления, сохранился на сравнительно высоком уровне, и при наличии определенных условий он может быть реализован достаточно эффективно. Однако военная наука еще не дала ответов на многие вопросы прогностического характера. Например, не до конца решена проблема характера вооруженной борьбы будущего, облика перспективной структуры Вооруженных Сил РФ, форм и способов их применения, в том числе с учетом асимметричных мер, и др. Эти и многие другие вопросы военная наука должна разрешать оперативно и качественно, ставить на повестку дня вопросы глубинного характера, связанные с обороной страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 127.
2. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1081.
3. А. В. Суворов. Документы. – М., 1949.
4. А. В. Суворов. Сборник документов. – М. 1953.
5. А. Е. Снесарев: «Воина... ведет государство властным определенным руслом». Публ. И. С. Даниленко // ВИЖ. – 2001. – № 12. – С. 62–67; – 2002. – № 2. – С. 42–49; – № 3. – С. 53–60.
6. *Алексеев П. В.* Философы России XIX–XX столетий. – М., 1999.
7. *Астафьев А. И.* Воспоминания о Суворове. – СПб, 1856.
8. *Бабич В. В.* О новом подходе к анализу современного противоборства и некоторых других проблемах // Военная Мысль. – 2008. – № 3.
9. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. – М., 1955.
10. *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению истории русского военного искусства. – М., 1954.
11. *Бирюзов С.* Новый этап в развитии Вооруженных Сил и задачи обучения и воспитания войск // Коммунист Вооруженных Сил. – 1964. – № 4.
12. *Боровкова-Майкова М. С.* Нила Сорского Предание и Устав. – СПб, 1912.
13. *Бурцев И. Г.* Мысли о теории военных знаний // Воен. журнал. – 1819. – Кн. 2.
14. *Бутаков Г. И.* Новые основания пароходной тактики. – СПб, 1863.
15. *Васильев В. А.* Добро и добродетель в нравственной философии В. С. Соловьева // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 6. – С. 254–269.
16. Во имя России: Российское государство, армия и воинское воспитание. Учебное пособие по общественно-государственной подготовке для офицеров, прапорщиков, мичманов ВС РФ. Под ред. В. А. Золотарева, В. В. Марущенко. – С.: ООО «Из-во АМЛИКС», 2001.
17. Военная мысль. – 1993. – № 9.
18. Военная мысль. – 1993. – № 12.
19. Военная мысль. – 1994. – № 8.
20. Военная мысль. – 1994. – № 9.
21. Военная мысль. – 2006. – № 12.
22. Военная мысль. – 2007. – № 1.
23. Военная мысль. – 2008. – № 3.
24. Военная мысль. – 2008. – № 11.
25. Военная мысль. – 2009. – № 2.
26. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Военный университет, Русский путь, 1999. – (Российский военный сборник. Вып. 16).
27. Военная наука: Теоретический труд. – М., 1992.
28. Военная стратегия / Под ред. В. Д. Соколовского. 3-е изд. – М., 1968.
29. Военная энциклопедия. – М., 1994. – Т. 2.
30. Военная энциклопедия. – М., 1995. – Т. 4.
31. Военная энциклопедия. – СПб, 1912. – Т. VI.

32. Война и армия. Философско-социологический очерк. Под ред. Д. А. Волкогонова, А. С. Миловидова и С. А. Тюшкевича. – М., Воениздат, 1977. – 415 с.
33. Война и военное дело. – М., 1933.
34. Война и военное искусство в свете исторического материализма: Сборник статей. – М.; Л., 1927.
35. *Волков С.* Российское офицерство как служилое сословие // http://militera.lib.ru./science/index.html
36. *Воробьев И. Н., Киселев В. А.* Отечественная военная школа: история и современность // Военная мысль. – 2010. – № 3. – С. 43–49.
37. Всемирная энциклопедия: Философия. XX век. – М.: Мн., 2002.
38. Генералиссимус А. В. Суворов. Сборник документов и материалов. – М., 1947.
39. *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30 т. – М., 1956.
40. *Гидиринский В. И.* Русская идея и армия. – М., 1997.
41. *Голубев А. Ю.* К вопросу о роли духовности в современной войне // Военная мысль. – 2007. – № 3.
42. *Голубев А. Ю.* Проблема поиска идейной основы для развития Российской армии // Военная мысль. – 2007. – № 3.
43. *Горбунов В. Н., Богданов С. А.* О характере вооруженной борьбы в XXI веке // Военная Мысль. – 2007. – № 3.
44. *Горемыкин Ф. И.* Руководство к изучению тактики в начальных ее основаниях и практическом применении. – СПб, 1849.
45. *Гусев В. А.* Проблемы государственного устройства в трудах И. А. Ильина // Социально-политические науки. – 1992. – № 2–3. – С. 72–80.
46. *Даниленко И. С.* Вклад Снесарева в постжение войны // http://a-e-snesarev.narod.ru/statyi.html
47. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). – М., 1968.
48. *Дмитриев А. П.* Соотношение стабильности и безопасности государства как проблема политической теории и практики // Современные проблемы национально-государственной и международной безопасности. – М., 1992.
49. *Домнин И.* Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // http://militera.lib.ru./science/index.html
50. *Драгомиров М. И.* Условия успешного образования и воспитания солдата и чести воинской в российской армии. – М.: Воениздат, 1991.
51. Дух Карамзина, или избранные мысли и чувствования сего писателя. – М., 1827.
52. Душа армии. – М., 1997.
53. *Елчанинов А. Г.* А. В. Суворов / История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. – СПб, 2003.
54. Записки стратегии. Вып. 1–2. – СПб, 1877–1880.
55. *Зеньковский В. В.* История русской философии. В 2 т. – Л., 1991.
56. Из опыта русско-японской войны. – СПб, 1909.
57. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2 т. – М., 1952.
58. *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. – Ч. I. – СПб, 2003.
59. Инструкция Брюсу. – СПб, 1706.

60. История военной стратегии России. – М.: Кучково поле, 2000.
61. История и философия военной науки: Учебное пособие / Под общ. ред. Б. И. Каверина и С. А. Тюшкевича. – М.: Воениздат, 2007. – 398 с.
62. История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. – СПб, 2003 (переиздание сборника статей 1911 г.)
63. Какая армия нужна России? Взгляд из истории // Российский военный сборник. – М., 1997. – Вып. 9.
64. *Калашников И. А.* Воинское воспитание и обучение в истории российской армии Методические материалы к занятиям по общественно-государственной подготовке офицеров. – М., ГУВР ВС РФ, 1994, вып. 3.
65. *Каменев А. И.* История подготовки офицерских кадров в России. – М., 1990.
66. *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма, избранные переводы. – СПб, 1867.
67. *Карамзин Н. М.* Избр. соч. В 2 т. – М.-Л., 1964.
68. *Карамзин Н. М.* Соч. – СПб., 1848.
69. *Карпов А. Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII века // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 3–15.
70. *Керсновский А. А.* История русской армии в четырех томах. – М., 1992.
71. *Кефели И. Ф.* Гуманистические традиции отечественной социально-философской мысли // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 5. – С. 78–98.
72. Книга Марсова или воинских дел... – СПб., 1713.
73. *Коган-Бернштейн Ф. А.* Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке // Вопросы истории. – 1955. – № 5.
74. *Кокорев А. С.* Б. Н. Чичерин как социальный мыслитель // Социально-гуманитраные знания. – 2003. – № 6. – С. 240–253.
75. Коренные вопросы. – СПб, 1897.
76. *Корф Н. А.* Общее введение в стратегию, понимаемую в обширном смысле. – СПб, 1897.
77. *Кочетков А. Н.* Суворов // Советская историческая энциклопедия. – М., 1971. – Т. 13.
78. *Крижанич Ю.* Политика. – М., 1965.
79. Культурология. Основы теории и истории культуры / Под ред. И. Ф. Кефели. – СПб., 1996.
80. *Куропаткин А. Н.* Русская армия. – СПб, 2003.
81. *Кутузов М. И.* Документы: В 5 т. – М., 1952. – Т. 3.
82. *Лебедев А. А.* «Русская идея» в окрестностях войны (Заметки к теме) // Политические исследования. – 1995. – № 2. – С. 119–128.
83. *Леер Г. А.* Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). – СПб, 1871.
84. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 38.
85. *Лесной С.* Откуда ты Русь? – Ростов-н/Д.: «Донское слово», 1995.
86. Литература и культура Древней Руси / Под ред. В. В. Кускова. – М., 1994.
87. Локальные войны: история и современность. – М., 1986.
88. *Малиновский В. Ф.* Рассуждение о мире и войне. – СПб, 1803.
89. *Мамонтов Ю. В.* Армия: целостность, система, организация. – М., 1986.
90. *Маркин А. В., Татарникова С. Н.* «Редкий в России государственник»: о некоторых аспектах творчества Б. Н. Чичерина // Социально-политические науки. – 1992. – № 1. – С. 87–95.

91. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М., 1960. – Т. 22.
92. Марксизм-ленинизм о войне и армии. – М., 1932.
93. *Масловский С.* Суворов // Русский биографический словарь. – СПб, 1912. – Т. 20.
94. *Медем Н. В.* Обозрение известнейших правил и систем стратегии. – СПб, 1836.
95. Метод военных наук. – СПб, 1894.
96. *Микляев В. А.* Вклад В. С. Соловьёва в отечественную военно-философскую мысль // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьёва. Материалы международной конференции 14–15 февраля 2003 г. Серия «Symposium», выпуск 32. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 354–358.
97. *Милютин Д.* Суворов как полководец // Отечеств, записки. – СПб, 1839. – № 4.
98. *Милютин Д. А.* Первые опыты военной статистики. – СПб, 1847.
99. Морской сборник. – 1912. – № 11.
100. Научно-технический прогресс и революция в военном деле. – М., 1973.
101. Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. – М., 1993. – Т. 12(1).
102. Не числом, а уменьем! Военная система А. В. Суворова. – М.: Военный университет, Русский путь, 2001. – (Российский военный сборник. Вып. 18).
103. *Неелов Н. Д.* Очерк современного состояния стратегии. – СПб, 1849.
104. *Новиков Н. И.* Избр. соч. – М.-Л., 1951.
105. Оборонительная война. – СПб, 1909.
106. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. Сборник документов. – М., 1973.
107. *Орлов А. С.* Владимир Мономах. – М., 1946.
108. Отечественная философская мысль о войне, армии, воинском долге. Хрестоматийный сборник. – М.: Воениздат, 1995.
109. Отчет об операциях Красной Армии и Флота. За период с 1.08.1919 г. По 25.11.1920 г. Составлено Полевым штабом РВСР к VIII съезду Советов. Декабрь 1920. – М., 1920.
110. *Отюцкий Г. П.* Философия войны: структура, задачи и функции // Военная мысль. – 2009. – № 10; – 2010. – № 3.
111. Офицерский корпус русской армии // Российский военный сборник. – М., 2000. – Вып. 17.
112. *Охлябинин С. Д.* Повседневная жизнь русской армии. – М., 2004.
113. *Пересветов И. С.* Соч. – М.-Л., 1956.
114. *Петров А. Н.* К вопросам стратегии (критический очерк). – СПб, 1898.
115. *Петрушевский А.* Генералиссимус князь А. В. Суворов. В 3-х т. – СПб, 1884.
116. План войны. – СПб, 1913.
117. Повесть временных лет. – М.-Л., 1950.
118. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. – СПб, 1846.

119. *Попов А. А.* Социально-политические воззрения А. С. Хомякова // Социально-политические науки. – 1992. – № 4–5. – С. 71–78.
120. *Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. – М., 1861.
121. Правила сражения. – СПб, 1708.
122. Прикладная тактика: В 2 т. – СПб, 1877–1880.
123. Против меньшевистского идеализма в вопросах войны и военного дела. М., 1931.
124. Против реакционных теорий на военно-научном фронте: Стенограмма открытого заседания пленума секции по изучению проблем войны Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР 25 апреля 1931 г. – М., 1931.
125. *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. – М.-Л., 1938.
126. Разгром Врангеля. – Харьков, 1920.
127. Революция и война. 1921. Сборник № 6–7.
128. Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи... – СПб, 1722.
129. *Романо А.* Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки. – СПб, 1802.
130. Российский военный сборник. – М.: Изд. Гуманитарной академии ВС, 1994. Вып. 5. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов.
131. *Ростунов И. И.* А. В. Суворов. – М., 1989.
132. *Рудницкая Е. Л.* Мир без войны: русское преломление европейской идеи // Отечественная история. – 2002. – № 3. – С. 67–83.
133. *Румянцева С.* «Я русский, – какой восторг!» Философский комментарий к «науке побеждать» А. В. Суворова // Философская культура. – 2005. – № 1.
134. Русская военная мысль, XVIII век: Сб. / Сост. В. Гончаров. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – 408, [8] с. – (Классическая военная мысль).
135. *Рыбаков Б. А.* Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия). – М., 1993.
136. *Савинкин А.* Заветные идеалы русского офицерского корпуса // http://militera.lib.ru./science/index.html
137. *Савченко В. Ф.* Теория военного управления: история и современность // Военная мысль. – 2007. – №11;
138. *Самсонова Т. Н., Татарникова С. Н.* Идолы и идеалы на весах гуманизма (О творчестве М. И. Туган-Барановского) // Социально-политические науки. – 1991. – № 10. – С. 75–83.
139. Сборник трудов ВНО при Военной академии. – М., 1921, 1922.
140. *Сбытов Н. А.* Военная мысль в ядерный век. – М., 1992.
141. *Серебрянников В. В.* Войны России. – М., 1998.
142. *Серебрянников В. В.* Социология войны. – М., 1997.
143. *Серебрянников В., Дерюгин Ю.* Социология армии. – М., 1996.
144. *Скворцов А. А.* Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX века. Сектор этики Института философии РАН. Этическая мысль. – Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001.
145. *Славин И.* Вопросы военного дела в свете материалистической диалектики. – М, 1935.
146. *Снесарев А. Е.* Жизнь и труды Карла фон Клаузевица // ВИЖ. – 2003. – № 2; – 2003. – № 3.
147. Современная война. Действия полевой армии. – СПб, 1911.
148. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия. – Т. 1. – М.: Издательство «Мысль», 1988.
149. *Соловьёв В. С.* Соч.: В 2 т. – Т. 1. – М., Мысль, 1988.
150. Стратегия: В 2 ч. 5-е изд. – СПб, 1893–1898.
151. *Суворов А. В.* Наука побеждать. – М.: Воениздат, 1980.
152. *Татарников С. Н.* Концепция политики национального согласия П. Б. Струве // Социально-политические науки. – 1991. – № 12. – С. 86–92.
153. *Татищев В. Н.* Избр. произв. – Л., 1979.
154. Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г.: В 2 т. – М., 1929–1930.
155. *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. – М., 1964.
156. *Тюшкевич С. А.* Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. – М., 2002.
157. Устав воинский. – СПб, 1716.
158. Устав морской. – СПб, 1720.
159. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1755 (1647 г.) – СПб, 1904.
160. Учреждение к бою по настоящему времени. – СПб, 1708.
161. Фельдмаршал Румянцев: Сборник документов и материалов. – М., 1947.
162. Философия войны. – М., 1995.
163. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. – М., 1953.
164. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М., 1986.
165. Философско-методологические проблемы анализа современных войн и военных конфликтов. – М., 1996.
166. *Хатов А. И.* Общий опыт тактики: В 2 ч. – СПб, 1807–1810.
167. *Чернавин Ю. А.* Социальный статус военнослужащих. – М., 1997.
168. *Черных В. А.* Законы и закономерности военного управления // Военная мысль. – 2006. – № 6.
169. *Черная Л. А.* Русская мысль второй половины XVII – начала XVIII в. о природе человека // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. – М., 1990.
170. *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. – М., 1947.
171. *Чижик П. И.* Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства. – М., 2000.
172. *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории. Русь и Литва. – СПб, 1999.
173. *Щапов Я. Н.* Идеи мира в русском летописании XI–XШ веков // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 172–178.
174. *Щапов Я. Н.* Церковь в Древней Руси // Русское православие. Вехи истории. – М., 1989.
175. *Экономцев И.* Православие, Византия, Россия. – М.,1992.
176. *Языков П. А.* Опыт теории военной географии. – СПб, 1838. – Ч. 1.
177. *Языков П. А.* Опыт теории стратегии. – СПб, 1842.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О ВОЙНЕ И АРМИИ
(в портретах ее выдающихся деятелей)

Слева направо: *первый ряд* – Владимир Мономах, Иван IV Грозный, Алексей Михайлович, А. Л. Ордин-Нащокин, *второй ряд* – В. В. Голицын, Петр I, А. Д. Кантемир, Б. Х. Миних, *третий ряд* – П. И. Шувалов, П. А. Румянцев-Задунайский, А. В. Суворов, Ф. Ф. Ушаков

Слева направо: *первый ряд* – М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли, П. И. Багратион, П. П. Коновницын, *второй ряд* – Д. Н. Сенявин, Н. И. Новиков, В. Ф. Малиновский, Н. М. Карамзин, *третий ряд* – А. П. Ермолов, М. П. Лазарев, Ф. Н. Глинка, Н. М. Муравьев, *четвертый ряд* – П. И. Пестель, Н. И. Тургенев, К. Ф. Рылеев, П. С. Нахимов

Слева направо: *первый ряд* – В. А. Корнилов, Г. И. Бутаков, М. И. Драгомиров, Н. Л. Кладо, *второй ряд* – А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, А. С. Хомяков, Н. Я. Данилевский, *третий ряд* – Д. А. Милютин, Ф. И. Горемыкин, Г. А. Леер, Е. И. Аренс, *четвертый ряд* – Н. А. Орлов, Н. А. Корф, С. О. Макаров, Н. П. Михневич

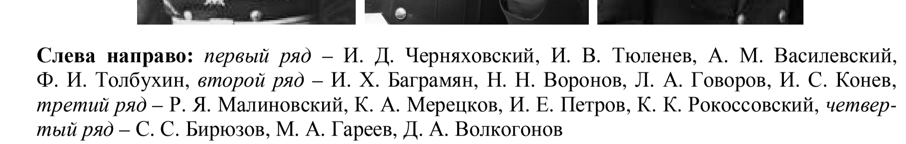
Слева направо: *первый ряд* – Ф. М. Достоевский, Б. Н. Чичерин, М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, *второй ряд* – В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, *третий ряд* – Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Е. Н. Трубецкой, В. В. Розанов, *четвертый ряд* – Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Ф. А. Степун

Слева направо: *первый ряд* – В. Ф. Эрн, Г. П. Федотов, П. А. Флоренский, Г. В. Флоровский, *второй ряд* – Н. Н. Головин, Ю. Н. Данилов, А. А. Керсновский, В. Е. Флуг, *третий ряд* – А. И. Деникин, П. Н. Краснов, А. К. Келчевский, А. С. Лукомский, *четвертый ряд* – М. Н. Кедров, А. П. Будберг, А. К. Байов, Е. Э. Месснер

Слева направо: *первый ряд* – А. Е. Снесарев, М. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, *второй ряд* – М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, Н. В. Крыленко, А. И. Егоров, *третий ряд* – И. П. Уборевич, И. Э. Якир, Я. И. Алкснис, П. В. Рычагов, *четвертый ряд* – Б. М. Шапошников, Д. Г. Павлов, Г. К. Жуков, Н. Ф. Ватутин

Слева направо: *первый ряд* – И. Д. Черняховский, И. В. Тюленев, А. М. Василевский, Ф. И. Толбухин, *второй ряд* – И. Х. Баграмян, Н. Н. Воронов, Л. А. Говоров, И. С. Конев, *третий ряд* – Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, И. Е. Петров, К. К. Рокоссовский, *четвертый ряд* – С. С. Бирюзов, М. А. Гареев, Д. А. Волкогонов

Отечественная философская мысль о войне и армии: от Киевской Руси до XX века

Военно-исторический труд

канд. пед. наук Т. А. Абдулмуталинова,
канд. филос. наук, профессор С. А. Бровко,
канд. ист. наук, доцент Г. М. Ганчар,
канд. пед. наук, профессор Л. Ю. Горбунова,
доктор ист. наук, профессор В. Я. Ефремов, доцент В. И. Лубяной,
канд. пед. наук, доцент С. В. Постников, доцент А. Г. Радионенко,
Р. Г. Хабибулин, канд. пед. наук, доцент И. А. Хациева,
канд. филос. наук, доцент А. П. Шумаров

Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова

Литературный редактор и корректор С. Е. Гацай
Компьютерная верстка С. В. Постников

Изд. лиц. ИД № 00125 от 30.08.1999.
Подписано в печать 9.09.2010.
Формат 70х90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 14,62.
Тираж 200 экз. Заказ 27.

ISBN 978-5-9999-0255-9

Типография ВВИТ
412903, г. Вольск, ул. М. Горького, 3